

Екатерина Звонцова

СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

цена жизни — смерть

Екатерина Звонцова

Серебряная клятва

Серия «New adult. Магические миры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57481631

Серебряная клятва: Анимедиа; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-180217-2

Аннотация

Тёмные времена настали в Остраре, стране Солнца. Великая правящая династия пала. На трон восходит новый царь, Хинсдро Всеведущий, но ему не остановить Смуту. Ведь в Лунном королевстве объявляется Самозванка, зовущая себя дочерью погибшего государя, – и с её армией в Остару приходит война.

В поисках спасения Хинсдро обращается к наёмникам с Пустоши Ледяных Вулканов. Их лидеру предстоит сражаться бок о бок с племянником царя, и это кладёт начало великой дружбы, которую однажды воспоют в песнях.

Но молодые полководцы не знают: в войне не будет победителя, а враг – не в рядах Лунной армии. Цена вражды – дружба, сгубленная в первый год бед. Цена верности – предательство. А цена жизни – смерть...

Содержание

Пролог	5
10 лет назад	5
12 лет назад	15
8 лет назад	27
Часть 1	45
1. Козел в огороде	45
2. Чужаки и костры	82
3. Вдовье горе	111
4. Королевна и ее птицы	139
5. Солнце, сладость, лед	157
6. Яблоки раздора	202
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Екатерина Звонцова

Серебряная клятва

© Звонцова Е., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Omnia mala dixeris, si hominem ingratum dixeris.
Item: Ingratus est veluti mus in pera, aut anguis in
gremio¹.*

*(Петр Петрей де Ерлезунда. История о Великом
княжестве Московском)*

¹ «Ты выскажешь все злое, назвав кого-то неблагодарным. Ведь неблагодарный – словно мышь, затаившаяся в суме, или змея, свернувшаяся на груди».

Пролог

10 лет назад Боярин без сердца

– Конечно, нет, княжич, им не дали остаться. И, думается мне, не зря.

С неба на нас смотрят звезды, одна другой ярче и любопытнее. Все звезды – девочки, я уверен, не знаю, почему. Колокола уснули; тепло горит огонек в каменной чаше. Прыгает, вьется – указывает путь к городу, к резному солнцу на старых воротах, и отпугивает волков. Внизу монетками пересыпается зычный смех: дозорные от скуки спорят, чей же петух – черный боярский или красный воеводский – заключит другого на ближайших боях в Манежной палате. А здесь, наверху, тихо, только трещат искры да зевает сквозняк в колокольном нутре. Потому и люблю крышу нашего въездного маяка. И Анфиля люблю.

Он сонно посматривает на меня из-под седых ресниц. По лицу вижу: устал. И гадает, зачем мне сказки об иноземцах. Но я так много там не понимаю...

– Но почему, Анфиль? Ведь они были в беде!

– Не всякому, кто в беде, надо помогать, знаешь?

Отворачиваюсь к лесу, чтобы только не увидел он моей гримасы с высунутым языком: ну вот, опять! Вечно это его «свои»-«чужие», все они так! Все, кроме Грайно, ему-то знать лучше. А Анфиль-то его дразнит, по имени никогда не зовет, вечно «лукавый герой»... Хотя что взять с Анфиля? Он пусть старый, но мало на своем веку повидал, вечно сидит, как птица, возле этих колоколов, людей чурается, а гнездо себе свил из книжек.

– Ну... не дуйся. Побоялись жители долины, – все-таки продолжает он, видя: обиделся я на поучения. – Ведь чужеземцы были язычниками. Верили, что защищает их Святое Семейство, боги Цветного огня. Эмельдина-хозяйка – императрица Алого пламени, Иларван-воин – император Рыжего пламени, Анни, Яно, Йэри – принцесса и два принца, с желтым, голубым и зеленым пламенем. Семейство дарило язычникам удачу и защиту. Но, видно, недостаточно сильны были эти божки.

– Слабее нашего? – Хотя тут и спору нет. Все я о нашем Боге знаю, люблю Его, Он – не оставит и никогда не подведет. Так отец говорит.

– Никого нет сильнее, княжич. – И Анфиль обоих нас осеняет солнечным знаком: длинным узловатым ногтем рисует в воздухе круг, прочерчивает его прямым крестом, потом косым. – Солнце согреет всех, даже неверных.

Вот бы стать солнцем... Знать бы, возможно ли? Но это спрашивать не буду, точно Анфиль засмеет или начнет опять

ворчать. Лучше о другом узнаю:

– А все-таки, как так? Зачем им понадобился приют у нас?

И снова он вздыхает, но рассказ продолжает:

– Пришло несчастье: их остров Ин-Сафран, как и всю Ледяную гряду, поглотил однажды океан. Гневная вода забрала и жителей, и их богатства и знания. Не стало у язычников дома, совсем мало их уцелело. Но от божков они не отреклись, упрямы.

Какая судьба ужасная... но я улыбаюсь: да, наш Бог сильнее, но что бывает с другими, которых забывают? Они, наверное, умирают, бедные. Хорошо, что их не предали, я бы от нашего тоже не отрекся. Анфиль укоризненно цокает языком: его послушай, так все должны верить только в Милосердного Воителя, прочее – ересь. А по мне так у них, у богов, там что-нибудь вроде общей семьи, или приказа, или боярской думы по людским делам.

– Выжившие принесли сюда веру, – ворчит Анфиль, – на своих звероносых драккарах. Привезли удивительные картины, где боги как люди; привезли стеклянные лампы пяти цветов; привезли то, что звали мощами, – почему-то не гниющие останки древних монахов. Да только можно ли стучаться за приютом с чужой верой? С верой в пламя? Можно, не испросив разрешения, жечь благодарственные костры на чужом берегу?

Хоть было это сотни лет назад и никаких «останков» Анфиль точно не видел, он морщится: слыханное ли дело? Тут

я его понимаю немного: солнечная вера не позволяет хранить кости в святых местах, такое пристало разве что псам. Солнечные обычаи запрещают рисовать Бога, можно лишь высекать в камне. Солнечные церкви – место для золота и дерева, студеной воды и мрамора, не бывать там ярким цветам. Да и зачем они? А вот другое занятно.

– Но чем так плох огонь? – Нет, не понять мне. Мы же тоже спасаемся им в холодные дни. Он добрый. Не укусит просто так. Разве солнце не то же пламя? Опускаю глаза, провожу ладонью над чашей, похожей на невзрачный цветок. Странно как: языки огня-то ластятся, тянутся за пальцами, искрят и слегка меняют цвет. На алый... желтый... зеленый, голубой, снова рыжий! Хорошее у них сегодня настроение. И я улыбаюсь им в ответ.

– Не балуйся, а ну! – Анфиль кричит не сердито, но шлепает меня по руке и тут же потирает глаза. – Обожжешься же. Кому влетит от Хинсдро, тебе одному, что ли, ветрогон?

Ух... строгий он. И слова его дурацкие: то «ветрогон», то «сорви-голова», будто хуже меня детей нет. Но тут он прав: не будет отец рад ожогу, отругает и правых, и виноватых. А Грайно не отменит по такому пустяку поединок. Его и так-то не победить, он скачет ловчее лисы, а как я удержу палаш в покрытой волдырями руке? Но огоньки эти... красивые они были. Необыкновенные. Будто пестрой пляской хотели со мной поздороваться, пошептаться. Я уже пару раз такое замечал.

– Опасен огонь, – бормочет Анфиль, глядя сквозь дым. – Коварен. И чужеземцы коварны. Среди тех, кто просил приюта, большинство были как пламя войны. Рыжие люди, расцветившие наш берег рыжими кострами. И хотя пришли они с миром...

– Их всех-всех прогнали *туда*?

Хотя знаю сам, не раз смотрел с отцом карту. Он жутко важный боярин, потому и карта у него большая, в треть стены, и там поместился весь мир! Наш Дом Солнца – Острара. Дом Луны – Осфолат. Гнэздорн – горная цепь, где живут ужасные крылатые людоеды. Дальние королевства – Цветочные, там у всех правителей красивые гербы и загадочные судьбы. Видно на карте и край, о котором я все хочу, хочу вызнать побольше. Свэргенхайм. Пустошь Ледяных Вулканов, отделенная от Остары стеной. Говорят, там очень холодно и страшно. И что она не похожа ни на что на свете.

– Император Солнца и Луны – тогда мы были еще единой Поднебесной Ардарией – предложил им принять нашу веру и остаться, – продолжает Анфиль, а я все вижу ледяные горы. – Но ни предводитель, ни большинство тех, кто плелся за ним – даже дети, женщины, старики, – не согласились. Из всего их народа десять-пятнадцать измученных несчастных кинулись в ноги, упрасывая дозволения отречься от огненных богов. Он отпустил их, пожалев: все-таки не одна неделя прошла в голодном странствии, не все это странствие пережили. Сам же он с остальными ушел, чтобы поселиться

там, где и живут сейчас его потомки. Так, вестимо, было суждено. Пустошь ведь полнится огнем, который они так чтят.

Анфиль смолкает, вороша посохом уголья; блестят позолотой жаворонки, вырезанные по каменной древесине. Я запрыгиваю на парапет – под его возмущенное «Сверзнешься, разбойник!». Гляжу вдаль, на лес. Из головы не идут люди, молящие правителя их отпустить. Грустно все-таки. Грустно, что у нас в древности все были такие нетерпимые. Хотя... в отцовых книгах о Свергенхайме и хорошее написано. Надо и про это узнать:

– А правда, что огонь Ледяных Вулканов каждый год очищает их землю от скверны, и потому они почти не знают болезней и живут по сто лет?

Мы все время чем-нибудь болеем, у нас мало кто умеет лечить. Сложно слишком.

– Правда. Как и то, что, если кто-то не поднимется в высокограды на время Великих Извержений, огонь съест его, не оставив даже пепла.

– А правда, что, очистив землю, огонь делает ее теплой и плодородной, и там всходят лучшие хлеба, и собирают там иногда несколько урожаев в год?

Мы собираем один, ну, кроме южных земель. Большой, но все-таки.

– Правда. Как и то, что все не собранное до извержений огонь съедает, и в холодные года, если посевы не успевают вызреть, целые семьи гибнут от голода. Да еще земля там

каменистая, тяжело ее возделывать, и мало ее...

– А правда, что дети там смолоду учатся лазать на вулканы и спасаться от пламени, и сражаться, и потому в Свергенхайме – лучшие воины?

Вот там-то меня бы заметили, там-то меня бы обязательно брали в походы, и больше учили бы драться, и не ругали бы за то, что я побил Ларло, дразнившего юродивую на паперти!

– Правда. Как и то, что уцелевший народ Свергенхайма мал, как ни плодится. Чтобы пойти войной на самое небольшое Цветочное королевство, им пришлось бы уйти почти всем, оставить посевы и по возвращении – если не получают земель, – голодать.

– А правда...

– Не пора тебе спать, княжич? – не выдерживает Анфиль, устало смеясь. Совсем я его измучил, морщинистое лицо кажется еще древнее. – Ну что еще ты желаешь узнать? Правда ли, что их доспехи куются на живом огне и потому легки и крепки? Правда. Правда ли, что пьют они талую воду с кратеров, и потому кожа их бела как снег, хоть и усыпана веснушками? Правда. Правда ли, что мечта их – земли, где можно без таких забот возделывать поля и пасти скот, но никогда они не получают этой малости? Правда.

Никогда... Это несправедливо. Нет, не может так быть, а Анфиль не может так думать!

– Что ты говоришь! Наш Бог однажды пожалеет их. Он ведь разбил Полчища Тьмы, спас проглоченные небесные

светила... Неужели не даст дикарям кусочек земли?

И Анфиль вдруг улыбается – так, что глаза молодеют. Будто я его похвалил. Или будто правда стал солнцем, луч которого на него упал среди ночи.

– О свет мой... Зачем ты так добр?

И чего тут непонятного? Злым будешь – друзей не заведешь. У меня все вокруг добрые, и у всех друзей много. Мой отец и мой наставник дружат с самим царем, а я со стрельцами!

– Они не сделали мне зла.

Анфиль с любопытством щурится.

– А если сделают?

Проверяет он меня, что ли? Или опять дразнит? Может, думает, что я просто так болтаю, отца не слушаю и Грайно? Они у меня – не только добрые, но и умные. И я тоже таким буду, когда вырасту. Спуску никому не дам. Анфиль даже вздрагивает, видя, что я положил ладонь на рукоять кинжала. Вот же чудной! Будто я его собрался зарезать. Просто говорю:

– А сделают – пожалеют. И...

– Княжич! Княжич!

Зовут! Меня! Раскаты голосов смешиваются со стрелецким смехом, это отцова стража как всегда знает, где меня ловить. Ух, только бы сам он меня не наругал... ух, и так у нас все непросто, огорчаю я его, раз он все чаще просит: «Не зови отцом. Я же дядя тебе». А я не могу, не хочу...

– Иду я! – кричу вниз, чтобы стрельцы не тревожили округу криками. – Иду! – Соскакиваю с парапета, едва не поскользнувшись. – Прощай, Анфиль!

Старик провожает меня печальным взглядом, будто понял, о чем я задумался и почему зашпешил. На винтовой лестнице стараюсь не упасть, слушаю тихий звон собственных шпор. Думаю об огоньках в чаше. О ледяных горах. И будто слышу, как там, за горизонтом, на который мы смотрели, кто-то поет, а любопытные звезды-девочки его слушают.

Кто-то очень грустный. Такой же, как я.

* * *

Далеко разносятся песни Свергенхайма – Пустоши Ледяных Вулканов. Сильны голоса ее жителей – рыжих язычников с лицами белыми как снег. Высоко возвели они города, спасаясь от злобы вечных соседей, изрыгающих пламя; с надменной высоты глядят на мир, не давший им приюта. Никогда больше они ничего не попросят – так велел, умирая, последний их вождь, не звавший себя королем. И лишь песни напоминают им о том, что навеки потеряно, – песни да солнечные крапинки веснушек.

Каждую ночь матери Свергенхайма поют беспокойным, не привыкшим еще к злой стуже младенцам, раскачивая тихонько плетенные из грубой шерсти, кусачие колыбельки. Песни те – о затонувшем доме. О горячих его источниках. О

болотах, заросших черникой. О лесах, вырастающих выше гор, о зверях с мудрыми взглядами колдунов и о соседях-колдунах с ликами белых косматых зверей. Остров тонул в фиалках и медунницах, крохотных розах, ландышах, колокольчиках. Там не было ни метелей, ни вулканов, ни голодных годов.

Ища надежды и утешения, все матери Свергенхайма поют эти песни. И качают колыбельки бледными руками, и глядят в заснеженную ночь, и смыкают ресницы, когда меркнет наконец злое северное сияние. И страшно, что остров – настоящий, забытый ныне картографами, но когда-то слывший Зеленой Жемчужиной в Снегах, – постепенно сам становится легендой. Никто уже не верит, что он восстанет из глубин, что перестанет гневаться океан, затопивший Гряду, когда растаяли ее ледники. Никто не верит...

А нового дома все нет.

12 лет назад

Король без чести

*Спи, мой принц, глаза закрой.
Здесь не слышен волчий вой.
Горе ты свое забудь.
Долгим был кровавый путь...*

Я слышу это сквозь сон, пока морщинистая рука бережно перебирает мои волосы. Но проснуться я не могу. Мир плывет, и в нем ни одной краски, только голос ёрми² – королевы-матери, матери моего отца – и может пробиться туда.

*Спи, мой принц, засыпай,
Пусть горит небесный край.
Злостью дальних городов
Не сомкнуть твоих оков...*

Тоскливая песня, но раньше она пела ее *ему*, ему одному. В ночи бунтов – когда его предали вассалы, а меня не было вовсе. Потом он уничтожил их и все-таки занял трон, получил прозвище «Отважный», а я и мои братья появились на свет. А потом прошло много лет, и мы с ёрми оказались в

² Бабушка / старая наставница (*сверг.*).

плену в Осфолате. В худшем месте, куда могли попасть.

Спи, мой принц, не страшись.

Ничего не стоит жизнь...

Ничего. Кинжал уже в рукаве. Я украл его у часового, пока тот лупил меня по ребрам и животу, вытащив за волосы из камеры. Пока говорил, что у меня длинные кудри маленькой шлюхи. Пока обещал продать торговцам Шелковых земель и их властителям, не способным дня прожить без нового красивого мальчика в спальне. У него были причины злиться: когда он вздумал подразнить меня и подался к решетке слишком близко, я схватил его за плюмаж и впечатал зубами в решетку. Мне стыдно за одно: что ёрми пришлось поднять крик и вымаливать для меня пощаду. Она очень боится, что за нами не придут. Уверена, что отец давно разлюбил ее и не станет тратить силы на штурм ненужной крепости. И она думает так же, как тот часовой: что я отцу точно не нужен.

Я не верю. Но я прождал его две ночи и две ночи не спал.

Из окна задувает, с потолка капает: вроде бы вода, но склизкая, как испорченный суп. Наверное, ёрми холодно... мне нет. Все-таки я родился в Свергенхайме. А она – младшая принцесса Ойги, одного из Цветочных королевств. Ей, конечно, лучше в тепле, и она такая хрупкая, старая... скорее бы вывести ее. Я думаю об этом даже во сне. Главное, не

заразиться ее страхом. Забыть, что развратные сагибы Шелковых земель – еще не самое страшное, что может нас ждать. Нас могут отдать и людоедам, более близким союзникам Дома Луны. На пир. Тут ведь поклоняются светлому Хийáро, Милосердному Воителю. А те, у кого самые добрые боги, способны на самые кровавые расправы.

Что-то шумит, грохочет. Тишина будто лопнула, зазвенела, задрожала. Рука ёрми перестает касаться моего лица. Скорее всего, она встала; скорее всего, прошла к узкому зарешеченному окну и встала на носки, она достаточно высокая. Кого она видит на улице? Кто к нам спешит, чьи кони ржут все громче? Отец? Я верю, он. Да, он нужен в другом месте. Да, он защищает пролив Ервейн, самое большое сокровище нашей голодной земли, которое лунные раз за разом пытаются отнять, чтобы торговать там самим. Да. Но, уверен, он пошел бы за родными детьми. И, вопреки всему, уверен, что пошел за мной.

Я особенный для него, я знаю. У него много бастардов и целых три законных сына, но я – особенный. Ведь мне не нужен трон. Не нужен даже титул, который он уже мне обещал, как обещает всем детям, родившимся от чужих женщин. Мне не нужно ничего, только его любовь, потому что он великий, и я стану таким же. Он чувствует это, не потому ли меня, одного меня взял на эту войну, хотя мне всего двенадцать? И не потому ли когда-то приехал за мной, чтобы забрать у ёрми? Не у этой, у другой, у той, что воспитывала

меня.

У мертвой. Слово отдается в голове пушечным выстрелом сквозь сон. Лунные кричат.

Она тоже была великой – и потому я не боюсь судьбы, которую выбрал. А еще она была одной из немногих офицеров, не предавших отца во время бунта вассалов. Они жгли поля, а она убивала их. Они планировали заговоры, а она прикрывала отца грудью. Они переманивали солдат-мужчин, а она собирала солдат-женщин. У нее было красивое имя – Гюлрейль. И, наверное, она сама когда-то была такой же красивой, как ее племянница, моя мать, которую отец променял на множество других женщин. Ёрми так этого и не простила, потому забрала меня как можно дальше от двора. В Громаду – наш замок на краю Свергенхайма. Туда, где у меня были море, книги легенд и друзья среди рыбацких детей. И любовь ёрми. Много-много любви, которую ей больше никому было отдать.

«Эндре – драный кот! – говорила она об отце. – Однажды Эндре сам подавится тем, чем портил девок!» Я еще не знал, портят ли коты девок и как? Трутся о них, оставляя на платьях шерсть? Хотя... я мало видел в жизни котов, они у нас редки. Может, думал я, они более коварные создания, чем кажется. А потом она умерла, а «драный кот» приехал за мной и оказался лучшим человеком на свете. Большой, рыжий, очень храбрый. Он улыбнулся мне и спросил: «Наверное, тебе тут скучно. Хочешь со мной?» Я захотел. При

дворе оказалось страшно, все было там слишком ярким, а три моих брата-принца – слишком высокомерными. Но я побил одного, и два других присмирели сами. Появилась новая ёрми, с которой мы сразу подружились. И Лисенок... как я скучаю по Лисенку! А отец был в восторге от меня и все время говорил кому-то:

«Это он в меня!»

«Он особенный!»

«Только посмотри, какой у него удар левой!»

«Он что, рычит?»

Он полюбил меня настолько и настолько стал гордиться моими успехами – в верховой езде, в фехтовании, в стрельбе, – что позвал сюда, хотя и не пустил в бой: с ёрми мы несколько недель ухаживали за ранеными в полевой больнице. И пусть он не спас нас во время ночной атаки. Пусть не послал погоню. Пусть я ждал его две ночи. Конское ржание уже затихло, зато стреляют пушки, и шипящее осфолатское наречие сменилось другим – не нашим, но наречием друзей. Ойга! Нас, кажется, пытаются освободить...

– Звереныш... малыш, проснись.

...Рыцари Ойги. Они тоже дружат с отцом и помогают нам в войне.

Открыть глаза проще, чем кажется, сесть и вскочить – тоже. Голова ясная, ноги дрожат, но это дрожь хищника, готового гнаться, а не жертвы, готовой убежать. Я вынимаю из рукава кинжал – под удивленный возглас ёрми. Я вслушива-

юсь в приближающуюся гортанную речь: да, точно, это цветочные. Но расслабляться рано, мало ли что.

Стрелять прекращают резко – будто это я оглох. Ёрми замирает с прижатыми к груди руками: волнуется, перебирает тонкими пальцами накидку, в которую кутается. Кто кого убил? Кто... да неважно. У меня есть оружие, и я сын Эндре Отважного.

– Не сунутся! – обещаю шепотом, прижимаясь к стене у входа, пока грохочут шаги из-за угла. – Держись сзади...

– Но... – она осекается: я прижимаю к губам палец. Не до ее тревог.

– Брось, брось, – все та же гортанная речь, низкий ленивый голос все яснее долетает до слуха. – Сначала спасаем принцессу. Потом трофеи.

– А хорошенькая принцесса? – допытывается кто-то помладше, и все тот же голос посмеивается:

– Немного потрепанная временем. Но наш король любит ее.

Крепче сжимаю кривую рукоять-серп: это про ёрми! Те, кто к нам идет, смеются над ёрми! Над тем, что она маленькая и седая, и чтобы хорошо выглядеть, ей приходится румянить щеки краской и подводить глаза углем... а тут у нее ни краски, ни угля. Но почему-то она не сердится, наоборот, отвечает чужому смеху собственным и кладет мне руку на плечо:

– Не надо, нет, малыш, это свои. – Она повышает голос: –

Мы здесь, здесь, сюда!

Трое рыцарей – в зеленых плащах, в плотных тяжелых доспехах, с бодрыми красными плюмажами – выйдя из-за угла, останавливаются у решеток, переглядываются, переговариваются с легким недоумением: будто ждали каких-то других пленников. Ёрми поддразнивает младшего, белокурого и круглощекого:

– Принцесса, потрепанная временем, – я, смелее!

Рыцарь, встретив ее взгляд, пугливо краснеет, а хмурые лица других смягчаются. Главный рыцарь – темноволосый, тоже молодой, но самый важный и строгий – выступает вперед, с трудом скрывая улыбку. Наверное, он любит хорошие шутки и старых дам. Или просто рад, что быстро взял крепость.

– Очень приятно. – Он склоняется в неглубоком поклоне, поглядывая исподлобья – глаза карие, пристальные. – Значит, это о вас так тревожится славный друг Эндре? А это... – он кидает взгляд и на меня, – что, ваш паж?

«Паж...» Слово хуже всех побоев часового, а может, хуже и того, как я ударил его зубами о решетку. Оно врезается в голову, отдается в ушах, и я едва не отступаю, но упрямо сжимаю кинжал. Отца нет. А рыцарей отправили сюда не со словами «У меня пропал сын, спасите его». Я вспоминаю звуки, которые смутно различал сквозь дрему: как кто-то стрелял, как сыпались камни укреплений... примерно так сейчас осыпается что-то каменное и крепкое во мне. Что-то,

чему нет имени.

— Эндре, — мягко, но непреклонно поправляет ёрми, обнимая меня за плечи, — потерял нас обоих. — Конечно, она все чувствует. Конечно, не посмеет жалеть меня. — И одного мог потерять навсегда. Оба мы — его семья, а если позволите некоторое самомнение, — лучшая ее часть.

Неловкая тишина повисает в темноте, но почти тут же расцвечивается сдавленным рыцарским фырканием. И вот они уже хохочут от души, хохочут как мальчишки, нисколько не стесняясь, но я не могу даже улыбнуться. Это больно. Больно и смотреть на начищенные доспехи наших спасителей. Больно от слабого рассветного сияния за окном.

«Это что... ваш паж? На большее он не тянет». Кусаю губы и вижу, что мои пальцы на рукояти кинжала побелели. А потом замечаю, что кареглазый командир следит за мной. Что ему нужно? Какой тяжелый взгляд, словно способен проникать сквозь стены. На грубоватом лице глаза эти — как самоцветы, холодные и странные. Я бы их вырезал.

— Вот как? — наконец откликается он. — Что ж, мне есть чем гордиться. Данъерх!

По одному его жесту любитель принцесс заносит секиру, перерубает замок, открывает дверь. Командир, пригнувшись, входит в низкую темницу и озирается — свойски, точно подумывает, не вздремнуть ли тут. Он полностью доволен и собой, и нами, у него отличное настроение. И как только он не понимает...

– Где отец? – Спрашиваю, заступив ему путь. Понимаю, что выгляжу смешно и глупо, может, веду себя как... паж, но не могу иначе. *Скажи, что он ждет внизу. Скажи, что допрашивает коменданта. Скажи, что немного приболел и ждет в лагере за лесом. Скажи...*

Командир прячет усмешку; мог бы отпихнуть меня ленивым движением, но послушно останавливается напротив. Точно оценивает и прикидывает, как унижить больше. Пусть. Плевать. Он мне никто, мне все равно, что он думает, я...

– В бою, ведет флот. – Говорит он строго, словно сражаясь со мной взглядом и насмехаясь: «Что скулишь?» – Там, где должен быть великий король. Ты считаешь иначе?

А я не могу выдержать его взгляд. Не могу, как ни стараюсь, чувствую себя маленьким и жалким, чувствую себя... нет, это неважно, это останется со мной. При дворе живут другие люди. Не то что на диких скалах у голодного океана. Здесь есть правила, и одно из них я так и не выучил. «Особенный» не значит «любимый». Пора учить.

– Нет. – Голос не дрожит. Я почти верю себе. – Я горд его храбростью, просто...

...Просто он не великий. Он вовсе не великий, а я не понимал. Или я считал величием что-то другое, а значит, я во всем виноват сам. Мне никто ничего не должен, никогда не был, разве я сам не обещал себе ничего не ждать, не брать и никому не верить? И, точно прочтя эти мысли, командир вдруг сжаливается надо мной. Отвлекая, говорит шутливо:

– Вижу, ты уже не обходишься без общества принцесс. Молодец.

Его люди опять смеются, ёрми тоже. И чтобы никто ничего не подумал, не решил, будто со мной что-то не так, я тоже должен засмеяться. Это просто. Почти как дышать. Ну давай. Сначала улыбаешься – потом смеешься. И я смеюсь, надеясь, что все, кроме смеха, ушло из моих глаз. Мне не больно.

– Эта принцесса – моя! – Я опускаю кинжал и первым выхожу в коридор. Командир рыцарей, взяв под руку ёрми, выходит следом и снова обращает заинтересованный взгляд на меня.

– Так, значит, ты... еще один принц, что ли? – Ожидая, пока я отвечу, он жестами поторапливает рыцарей, чтобы шли впереди нас на случай засад. – Интересно, надо сказать, ты нравишься мне как-то больше...

Больше, чем Тройняшки, которых легко побить. Больше, чем бесчисленные дети, о которых отец говорит: «Меня должно быть много, но подальше от меня». Больше, чем... котята. Дети драного кота. Я повторяю это про себя, и неожиданно из меня уходит боль, обида, все, что меня мучило, а вместо этого приходит новое. И это новое мне нравится.

– Нет. – Я качаю головой. – Я бастард. И воин.

Ёрми смотрит с грустью, так, будто уже знает о новом чувстве в моем сердце больше, чем я. Может, так и есть. Ей – можно, она всегда была добра ко мне. Но уже на крыльце,

когда мы спускаемся и идем к оседланным лошадям, я стараюсь не смотреть ёрми в глаза, спрашивая наших спасителей:

– Значит, вы здесь ненадолго? А... в ваш отряд можно попасть?

Первая ёрми говорила: «Эндре обижен на меня. Ну, за то, что я забрала тебя. Что в ногах не ползала, не просила милости для сиротки, а просто плюнула в рыло и уехала. Но он тебя не получит, нет. Только через мой труп. Только через!»

Теперь я знаю, что значили эти слова. Теперь знаю: когда у меня будут дети, я обязательно поеду спасать их, в какую бы беду они ни попали. Теперь я знаю многое.

* * *

Золото, пламя и изумруды. Развеваются на ветру зеленые плащи, земля дрожит под конскими копытами. Сильны воины Ойги, тюльпаны на их широких спинах напитались кровью. Смотрит на командира с золочеными наплечниками маленький бастард, ловит каждое слово, гарицу на молодом коне рядом. Он, кажется, спокоен, счастлив в этот медленно восходящий над беспробудным сумраком час.

Нет, не счастлив. Но он все решил.

Эндре не научился любить даже родных детей, всю любовь оставив себе. Маленький бастард понял это и скоро примет. Он, бесприютный и ищущий, уйдет со знаменитым воином Марэцом Непокорным, не оглянувшись на отца.

*Эту живую игрушку, вырванную из рук покойницы, Эндре
Отважный больше не увидит.*

8 лет назад

Царь без воли

Они снова кричат там, в тронной палате, так кричат, что дрожат окошки и все у меня внутри. И хочется зажать уши и бежать, и хочется, чтобы братец с сестрицей тоже все хоть раз слышали, поняли. Но руки ослабли – не поднять; ноги окаменели – с места не сдвинуться, а младшие мои еще малы. Буду одна.

– Глаза-то подними! Неужели стыд взял?

В щелку двери вижу: папенька меряет пеструю мозаику шагами, лязгает каблуками – только с охоты, лохматый, будто пылает в алом плаще, сам не ласковее зверя. Пляшет в свете факелов его длинная тень, пляшут тени на лице. А маменька сорвала голос, ее едва слышно.

– Может, наоборот все, потому ты и злишься? Люди о разном шепчутся. Его не просто так страстолюбцем зовут. Со всем как тебя...

– Не клеветщи, слышишь? И себя не тешь! Не нужна ты ему!

– Ни ему... ни тебе. Так кому же?

Простые слова, глухие, без всхлипа и оплеухи – но папенька хватает напольную вазу, даренную боярами, и легко, будто глиняный горшок, швыряет в стену. Катится по терему грохот, я прижимаю ко рту ладонь: не выдержал тонкий ма-

лахит. Не кричать, не кричать! Жмусь — и снова лну к двери, а за ней только дыхание рваное. Застыла папенькина тень.

— Почему не в голову, Вайго? — И легкое, насмешливое эхо: — Чего страшишься?

Тень качается, но замирает вновь.

— Молчи, убью ведь!

— И это будет лучший твой подарок.

Маменьку не видно, но, наверное, она у окна. Расправила плечи, поджимает губы, и разливаются от нее — тоненькой, одетой в белое, как обычно, украсившей себя золотом и жемчугом, — сила и гордость. Холодом своим она побеждает папеньку, всегда побеждает рано или поздно, как метель побеждает солнце.

— Велика честь. — Вновь он медленно ходит кругами. — И жестока плата. — Старается смягчить голос, даже посмеивается, хоть и клоочет в смехе гнев. — Пойми, пустое это, надуманное. Грезы девичьи, много вас таких вокруг, а ты-то и не девица уже...

— Не девица. — Она медлит. — Но буду лучше их. — Ее голос, наоборот, крепнет, и расцветают в нем ядовитые цветы. — Да поумнее. Успокойся уже, не было ничего и не...

— Раньше надо было лицо держать! — Снова он вспыхивает, рычит глухо. — Видел я все, и не только я, уж поверь, бояре мне чего только не нашептали! Где совесть твоя, где?

— А у тебя никогда ее и не было. Или *он* твоя совесть? Ес-

ли так, что бы ни было меж нами, меж вами... ему не понравится, как ты со мной говоришь.

Папенька будто спотыкается, возражает не сразу. Шевелит губами: «Меж нами, меж вами...» И лишь потом сужаются, меркнут глаза, став маленькими и злыми.

– Он во всем за меня, – не говорит, чеканит. – И поверь, он тоже не рад царевой жене, вешающейся ему на шею. Как и множеству других жен и не жен.

Страшно, хуже брошенной вазы! Как, как он такое – маменьке? Маменьке, с которой раньше прогуливался по Царскому саду каждое росистое утро? Маменьке, которую до недавних пор, хоть принято это лишь у невенчанных бездетных влюбленных, возил на прогулках перед собой, в седле, как спасенную царь-девицу из сказок? Маменьке? Она заплачет сейчас, отпрянет... Нет. Тих ее голос, холоден, как подмерзшая водица в ручье:

– Конечно. Ведь он только твоя вещь. А чья – я? Почему проще-то не сделал, почему не «Вы`носила детей – да иди вон»? Славных царевен я тебе родила, славного царевича, все здоровые, все смогут править, а ты тем временем как угодно...

Под злой смех папенька опять ищет, что схватить, что бросить, но вокруг – ничего. Только и остается ему слушать вкрадчивое, нежное:

– Все вазы побил. Бедный мой. А знаешь, люди тоже хрупки, легко разбиваются, попробуй, вот, видишь, я тут рядыш-

ком... – И выходит она на свет, бело-золотая, жемчужная. – Ты же можешь. Ты *все* можешь. Мы знаем. И я, и бояре твои, и *он*... дети только пока не знают. Но старшенькая скоро поймет.

Старшенькая. Папенька, папенька, свет мой... Я поняла.

Он молчит – замер камнем посреди палаты. Но вот вздрагивает, закрывает лицо, стонет; ерошит, а может, рвет гриву. Не понять до конца, что сказала маменька, но ему больно, а она не бежит навстречу, как прежде, когда он, например, возвращался с войн, когда она прижимала его к себе и запускала в волосы пальцы, и шептала: «Бедовая, бедовая моя головушка», и в шепоте том была нежная гордость. И хочется распахнуть дверь, и подбежать самой, и обнять папеньку, а потом и маменьку, спрятать в ее платье лицо и молить: «Не ругайтесь, нет! Прогните лучше тех, из-за кого ссоритесь!»

– Не ругайтесь... – повторяю одними губами, словно молитву.

– Ладно. – Едва узнаю сиплый папенькин голос. – Тебе пора, он сейчас придет. Нам нужно обсудить новую крепость на осфолатской границе.

– Как всегда... – Она пересекает залу и предстает близко-близко – ослепительная, злая, спокойная. – Занятные у вас ночные дела. Как быстро крепость рухнет, жарко будет?

– *Это* не терпит. – Он тоже вдруг успокоился, будто враз перегорел. – Не шути так.

– Что ж... тогда я потерплю. Как и всегда. Доброй ночи,

Вайго. *Ему* привет.

Шаг. Маменька расправляет плечи. Второй шаг – приподнимает подбородок, блестят мягко серьги – длинные россыпи речных жемчужинок на золотых цепочках. Разворачивается, грациозно подхватывая взметнувшийся белый подол, будто боясь запачкаться об охотничью одежду папеньки и во все хоть как-то с ним соприкоснуться...

– Рисса! Подожди!

Пальцы – вокруг ее запястья, шаг – и уже обнимает, прижимает, прячет в светлых волосах лицо, да только объятьем таким можно ребра сломать. Маменька вздрагивает, ей наверняка больно. Не вырывается, терпеливо, опустив руки, стоит, почти утонув в сбившемся кровавом плаще.

– Милая, свет мой, грешен я... кругом. Но сама ведь знаешь, как так вышло.

Маменька молчит. Может, он убил ее уже в своих руках, задушил случайно, как, говорят, душит на охоте зверей, когда у него заканчивается порох?

– Знаю я, каково без воли да со мной. Каково вечно с детьми. Как хочется прежнего... – Он понижает голос. – Может, съездишь домой? В ринарские леса, где я встретил тебя? Помнишь, мы стреляли оленей? Я велел сделать тебе корону из их вызолоченных рогов и тогда же сказал, что только тебя, тебя возьму вместо иноземных принцесс...

Она опять смеется. Или плачет, выдав наконец, как ослабла? Из-за него? Или... из-за нас? Маменька, маменька,

но мы же не мешаем... мы все с нянечками, не с тобой.

– Довольно у меня воли и здесь. И даже счастья. И дети наши славные.

– Почему же тогда ты к нему...

Откуда силы у нее – вот так разомкнуть и сбросить его руки, отпрянуть? Откуда силы поднять заблестевшие глаза и усмехнуться, будто нож вонзая?

– Потому что потемнела оленья корона. Потому что одному у меня не довольно – тебя. И ты прав, теперь-то, на вас наглядевшись, знаю я: всегда так было. Ничего уже не поделать, у всякой любви есть весна, но всякая весна проходит. А так хочется вторую.

Не пытается больше папенька ее тронуть, беспомощно падают руки.

– И ведь с ним, не с каким боярином... почему? Так люб он тебе?

И снова она смеется и качает гордо головой.

– Потому что и олений я стреляла тех, которых ты при-
сматривал для себя. Забыл?

Страшный смех, гроза гремит в словах. Я ее слышу, боюсь, а папенька – нет.

– Злое мое сердце... – шепчет благоговейно и, снова подступив, обнимает ее. – Злой мой свет. Суди, проклинай... но счастлив я, что выбрал когда-то тебя.

И она сдается и крепко сжимает его плечи. И они замирают, и кажется это нежностью, настоящей, добела накален-

ной... только маменька не смыкает ресниц, глядит в пустоту, и бегут, бегут по лицу слезы. Заледенела. Не согреть.

Отворачиваюсь, отступаю, прижимаюсь к стене виском. Недохну, не шелохнусь, зная: недолгим будет объятие, не спугнуть бы. Они ругаются все чаще. Нет больше прогулок по саду, нет поездок на одном коне. Маменька и папенька вместе лишь на пирах, когда собираются бояре и приезжают гости. При них родителей не разлучить, при них маменька опускает папеньке голову на плечо, а он зовет ее «голубка». Хочу, хочу, чтобы какой-нибудь посол поселился в царском тереме навсегда... Но гости уезжают, а крики остаются.

Много у маменьки и папеньки поводов для ссор, но сегодня они поссорились из-за Грозного. Папиного любимца. Немало у него таких, но этот ближе всех. Я думала когда-то: любимец – пес или ловчий сокол, про человека так не скажешь, но маменька зовет бояр и воевод именно так. Раньше улыбалась, а сейчас хмурится, взгляд отводит. Любимцев много в нашем тереме. Папенька с ними чаще, чем с ней. И...

– Подслушиваешь, малютка? Нехорошо. А ну как батьке скажу?

Ложится на плечо рука, а голос-то бархатный, журчит. Нет, нет, только не он! Грозный! Тоже растрепан после охоты, в грязных алых сапогах, в кафтане, шитом киноварью и серебром, глядит раскосыми серыми глазами, поблескивающими из-за упавших черных волос. Пячусь пугливо: не тронь! А он распрямляется во весь рост и нежно посмеива-

ется, склоняя к плечу голову. Делает шаг. Бряцает палашом на широком поясе. Переливается оправленная в тисненую кожу бирюза, бледная сегодня – дурной знак.

– Не шуми, – шепчу, покосившись на дверь. – Маменька... И папенька. Они заняты.

– Вот как? – Приподнимается широкая бровь-полумесяц, такая странная на узком, будто девичьем лице, которому не прибавляют лихости усы. – Ну тогда я с тобой подожду, поговорим пока. Давно я тебя не видел, светлая царевнушка, давно.

И, как ни в чем не бывало, словно челядь, он усаживается на пол подле стены. Поджимает колени, сцепляет на них пальцы. Блестят перстни: яшма и яхонты, агаты и гранаты. Ни один боярин, ни одна боярыня не носит за раз столько красоты; богатством хвалиться в простые дни не принято, золото вовсе дозволено лишь нам. Мне вот пока только сережки разрешают надевать не в праздники. А у Грозного всегда чем-нибудь украшены и запястья, и пальцы, и уши, и шея, и даже волосы... Девица девицей, пусть с усами.

– Ругаются?.. – сдавленно спрашивает вдруг он и потупляет глаза.

Нехотя киваю, не хочу говорить, зареву еще.

– Не из-за меня ли?

Сам ответ знает, но я столь же нехотя вру:

– Не знаю.

Не верит. Умный он, хитрый. И жестокий, говорит ведь:

– Скверно тебе, малютка. Все понимаешь... быть бы тебе дурочкой.

Зачем?.. Щиплет в глазах. Сжимаю зубы, упрямо жмурюсь. А он не смолкает:

– А хочешь, женюсь на тебе? Может, годка через два? В походы буду возить, в жемчуга наряжать! И не будешь ты все это видеть...

Страх какой. Гляжу в упор, по маминым словам знаю: ложь. Буду видеть, буду даже больше, и станет еще больнее. Только и могу пролепетать:

– Не надо, тебе одному хорошо, да и мне...

Грозный, подняв подбородок, смеется: думает, засмущал. Не считает меня дурочкой, но и не ведает, сколь умна. Злой! Замахать бы на него руками, как на большую птицу, заверещать бы: «Убирайся, убирайся от меня, а главное, от папеньки!» Молчу. Такие все они – взрослые. Сулят: «Починю твое счастье» – не ведая, что сами его порушили.

– И правильно. Стар я для тебя. Так, шучу, чтобы не вешала нос. Ну или пугаю...

Грустно он говорит, не воровато, не насмешливо. Нет... не злой вовсе. И жаль его становится почему-то. Нет, не замашу на него руками, не прогоню. Не мне его гнать, он рядом с папенькой был, когда меня на свете-то не было, а маменьки – в наших краях.

– Ты не пугаешь, и ты не старый... – шепчу одними губами и гляжу опять на сверкающие камни. – Красивые у тебя

колечки...

И нрав веселый, и лицо красивое, и слава впереди бежит. Так стоит ли дивиться, что маменька хмурится, с болью выдыхая: «любимец»? Все любимцы и любят в ответ только папеньку – мало отличны от верных собак, кусающих всякую чужую руку.

– Хочешь, подарю? – Он улыбается. – У меня их целый сундук. Мамке твоей вон дарю порой, хоть она и брать не хочет...

А ей не колечки нужны, нет. Ей бы весну.

– Подари мне лучше счастье. – И зачем я сказала такое?

– Было бы оно у меня, малютка... – Он бледнеет вдруг, поднимает глаза к потолку, жмурится. – Все бы отдал. И покоем бы поделился. И с тобой, и с царицей.

Невесело ему, тоже невесело – теперь точно вижу. И, стоя напротив, вспоминаю, с чего начались ссоры из-за него, когда влились в реку прочих ссор. Тогда ведь? Или... раньше?

Было все три недели назад: к нам на пир приехали гости из Цветочных королевств. Папенька решил их, как любит говорить, «потешить», вечно он что-то такое выдумывает: то зовет скоморохов и предсказателей, то стравливает петухов, гусей или собак, то какой-нибудь дружинник для забавы бьется с медведем. Но в тот раз папенька превзошел себя.

Помню: отделанная янтарем и аметистом палата плыла в море запахов, в мареве голосов. Съехались все-все послы, да вдобавок собралась дума, за столами было не продохнуть.

Несли румяных лебедей в окружении груш; несли плетеные пироги в виде щук и богатырских щитов; несли тоненькие мягкие крендели с черной икрой; несли медовуху и малиновое вино – в кувшинах и бочках, в диковинном витом стекле из Осфолата и в огромных братинах из чароита. Гости, бывалые даже, изумлялись, а я вот мало чему радовалась, не ела, отмахивалась от нянюшки. Никак не понимала, куда делся папенька, почему маменька сидит одна и кажется встревоженной. Где же царь – гадали все. Не хватало и еще одного человека.

Когда наши гости захмелели, объявили вдруг бой, не на жизнь, а на забаву. И поднялись на возвышение перед столами двое: у одного доспех золотой, у другого – серебряный. Лица скрывали не шлемы – маски скоморошьи с яркими губами и румянцем. Ах! Папеньку-то я легко узнала, слишком он высок и плечист. Узнала я и Грозного – он не ниже, но тоньше, ни у кого другого из любимцев нет такой осанки и поступи.

Они сошлись. Лязгнули палаши, стало тихо-тихо. Все притаили дыхание, никто уже не видел яств и вин. Маменька побледнела, привстала; прочие сидели, но тянули вперед головы; совсем всполошились иноземцы. Бились не щадя: папенька обрушивался на Грозного, словно желал убить, а он яростно отбивался. И нападал рьяно, не помня, что противник – царь. Так и танцевали они в хмельном дурмане, под музыку встревоженных шепотков. Влетали над полом, буд-

то ничего не весили. Высекали из стен искры, когда очередной удар не встречал металла. Грозный все чаще устремлялся в атаку. Отец отступал. Наконец...

– Папенька!

Как же я перепугалась, как завизжала, увидев: палаш обрушился отцу на голову! Но это был легчайший удар, клинок лишь прошелся по скоморошьей маске. Она треснула вдоль, открыла лицо. Ответный удар, куда сильнее, пришелся Грозному в корпус, но не лезвием, а ловко повернутой рукоятью. Он упал, и вот уже папенькин клинок у его горла, сапог – на груди. Блестели глаза – и те, что прятались за прорезями маски, и те, что глядели сверху вниз с веселым торжеством. Стало тихо, но ненадолго. Папенька тишину не жалует.

– Потешили мы вас? – Он обвел столы взглядом, и все его любимцы, да и все ратные люди согласно, в несколько дюжин глоток загомонили:

– Потешили, государь! – Затопали сапоги, застучали кубки.

– А вас? – цепко глянул отец на стол гостей. – Славны мои обычаи?

Послы залепетали, не отойдя еще от ужасного подозрения, что зазвали их на заранее подготовленное смертоубийство, – хотя некоторые посмеивались, хлопали. И только бояре – большинство, кроме самых молодых, – поджимали губы, не спеша благодарить. Им никогда не нравились папенькины забавы; они предпочли бы скорее приняться за лебедей

и сдобных щук, мирно беседуя и поднимая тосты.

– Потешили... – совсем иначе сказал сидящий ближе всех, статный и желтоглазый. – Дотешитесь еще.

Хромой Хинсдро, только и умеющий считать монетки. Вечно недоволен, не подобрел, даже женившись на маменькиной красавице-подруженьке. Я поглядела на него искоса и опять невольно залюбовалась отцом. Он сиял, никак не успокаивался, упивался одобрительными криками. И забавлялся боярским недовольством и посольским недоумением.

– Ты ломаешь ему ребра, Вайго! Прекрати!

Ясно прозвучало это, звонко, ведь заговорила маменька, и на первом же ее слове прочие голоса стали волной затихать. А когда она выпрямилась, даже воеводы гоготали уже не так лихо. Маменька вышла из-за стола, обошла тех, с кем сидела, и поспешила на помост, с тревогой глядя на распростертое тело. Потянула руку, будто желала помочь встать...

– Не ломает, царица. Благодарствую, но не так это просто.

Пока она шла, папенька освободил Грозного от тяжести сапога и сам протянул ладонь. Легко поднял, обнял, что-то пробормотал на ухо, касаясь его губами. Замерла мама, застыла и я: будто что подглядела. Грозный же, отстранившись, снял маску – и алое закапало на самоцветную мозаику. Губы его кровили: видно, разбил, когда упал, но за кровью цвела улыбка. Дерзко глянув вокруг, отбросив за плечо черную прядь, он произнес:

– Негоже государю нашему за масками прятаться. И вокруг их предостаточно.

Снова сердито зашептались бояре. Много, много было шепота.

– О чем ты, свет мой? – Папенька прищурился, медленно оглядел залу. – Вижу здесь только самых честных людей, у которых что на лице, то и на сердце.

Ратные снова засмеялись, косясь украдкой на бояр. Грозный вытер кровь с губ так залихватски, что теперь капли попали прямо папеньке на доспехи. «Свет мой»! И это ему?!

– Все в масках, до единого! Ты приглядишься. А еще лучше – пожалуй каждому по чаше вина, маски и спадут. – Он подмигнул. – И мне за потеху. Мою маску... – снова он ненадолго спрятал лицо за скоморошьей ухмылкой, – ты хотя бы знаешь. Она никогда не станет другой для тебя, как и твоя – для меня.

И снова ожило вдруг перед моими глазами: губы, касающиеся мочки уха, звенящей там серебряной серьги... Папенька широко усмехнулся, но ответить не успел.

– А какую маску носим мы, твоя царица? – тихо спросила маменька, стоявшая все это время подле них. – Если ты так зорок, воевода, расскажи нам...

Грозный повернулся к ней, еще раз вытер губы. Она все смотрела не то с грустью, не то с жалостью, не то с обидой – не понять. Ждала. Грозный сощурился, склонился немного ближе: тоже будто сказал ей что-то, но без слов. Наконец

улыбнулся.

– Я не зорек. Но маска твоя, царица, – Луна. Не та, что над Осфолатом красуется, а та, которую солнце затмевает. Редко она сияет, но сияет, и все любят ее, даже само солнце. Сияй же и ты, царица. Спасибо за твою тревогу.

И он поцеловал ей руку окровавленными губами – заалел след на белой коже. Глубоко поклонился, первым спрыгнул с помоста и пропал среди одобрительно вопящих воевод. Не сел сегодня с папенькой, уступил место главному из послов – рыжему, холеному... жителю каких-то там вулканов, на которых армия хотела закупить лошадей.

Пир продолжился. То и дело маменька искала кого-то в толпе, а вот на папеньку сердилась: не оживилась, когда сказал тост, не танцевала, а только печалилась до самой зари. И не стерла, так и не стерла кровавый поцелуй. Луна. Почему же луна? Как странно все...

Да. Да, точно, тогда все и испортилось. Из-за слов, из-за боя и из-за шепота на ухо. Я все время ведь думаю о том вечере, думаю и должна, может, спросить, но...

– Идут! – Грозный поднимает голову, вскакивает. И правда, там, в палате, шаги. – Беги, малютка, будут ведь ругать.

Да: шаги по ту сторону двери – легкие, маменькины. Она мне такого не простит, от нее нужно прятаться. И я, едва кивнув, срываюсь с места, мчу что есть сил, подобрав платье. Не добежать до поворота коридора, не успею... ныряю в стенную нишу, к старому ларю, и снова осторожно высовы-

ваю нос. Не кончилось ничего. Только начинается.

Грозный уже у дверей, когда маменька с усилием отворяет их. Он помогает удержать створку, накрывает ее руку своей. Маменька замирает, голову вскидывает. А другая ладонь ее тут же тянется, будто к его щеке, почти касается... нет, маменька, не тронь!

– Не мучь его. – Блестят перстни на удержавших руку пальцах. – Не надо.

Он шепчет, почти не размыкая губ, но слышно, все слышно в наших гулких древних коридорах. Маменька вырывается, отступает, и опять вижу я ее обиду. Бедная...

– Настолько я подурнела, настолько стала гадка?

Кажется, она чуть не плачет. А я так хочу выскочить и взять ее за руки.

– Ты... – Грозный запинается, а ведь не бывает с ним такого. Потерялся он в словах, снова почувствовал вину. – Что ты, никого нет прекраснее. И бежать бы прочь.

Она не поворачивается больше, не глядит на него, говоря:

– Не смей жалеть меня. Не побегу. Не надейтесь.

– А что же, нужно бы надеяться? – спрашивает он вдруг. Не ласково уже. Насмешливо, грозно, гордо. И маменька тоже усмехается. Смех ее – словно надтреснутый звон.

– Сам бы и бежал. Много у тебя врагов, свет мой, и грехов много, слушай свою царицу. Ясного вечера, ясной ночи вам обоим. И вашим недостроенным крепостям.

«Свет мой...» Снова. Летит белый подол, подхваченный

легкой рукой. Маменька уходит быстро, не замечает меня. Грозный, точно ударили его, глядит ей вслед с окаменевшим, ожесточившимся лицом. Отворачивается наконец – и сам открывает тяжелые двери.

– Звал меня, мой царь?..

Скрывается его силуэт, и настает тишина. Ничего уже не слышу, но точно вижу: там, в палате, снова объятие – иное, одинаково крепкое у обоих. И губы папеньки, шепчущие в смуглое ухо, где звенит серьга – не жемчужная нить, но сверкающее кольцо: «Любимец...»

Не могу, не могу больше! Выскакиваю из ниши, бегу что есть сил прочь. Реву в голос, размазываю кулаками слезы, спотыкаюсь, отталкивая попадающихся изредка стрельцов и слуг. Оставьте меня! Все! Пропустите! Дальше, дальше, дальше, а в голове:

«Не ссорьтесь».

«Подари мне лучше счастье».

«Не мучь его».

Стыдно мне плакать... но меня есть кому утешить. Надо только добежать.

* * *

Долго ли еще гореть нежной звездочке, долго ли звучать смеху на пирах, долго ли плясать скоморохам и сверкать стали? Беда у ворот, беда в темном лесу ходит тропами

зверей, беда — в расписных палатах царя и царицы. У беды много обличий и голосов. Всем, кто побежит от беды прочь, она отсечет и ноги, и головы. А обугленные кости свои беда оставит стеречь чудовищ, и будут чудовища ждать того, кто повторит историю.

Но когда почернеет обожженный небосклон, вместе вспыхнут там две новые звезды и вместе поднимутся — высоко, каждая над своим горизонтом. У первой горизонт устлан будет полями и изумрудными чащами; вторая станет странствовать от заросших кровавыми тюльпанами холмов к мерзлой Пустоши.

Однажды звезды встретятся, и света от их схлестнувшихся лучей станет столько, что озарят они полмира. Однажды пролитая кровь станет знаком их верности друг другу, а серебро — знаком верности своей клятве. Но недолго светить и им. Яркое сияние утонет в собственном отражении в чароитовой чаше.

И померкнет.

Часть 1

Великая смута

1. Козел в огороде

Девчонка была еще далеко, очень далеко. Ее отряды не преодолели и трети пути до столицы: то в одном, то в другом городе встречали какое-никакое сопротивление. Но порой Хинсдро казалось, он не то что слышит тяжелую конскую поступь и шелест стальных крыльев, но даже чувствует, как *она* дышит в затылок. В туманных видениях на грани бессонницы и дремы то и дело чудилось: она мчится к воротам на вороном коне. Щурит синие глаза, облизывается на стены Ас-Кованта, нахально улыбается. По слухам, у маленькой мерзавки белозубая улыбка отца – ее так глупо и страшно умершего отца, Вайго VI Властного, последнего государя Первой Солнечной династии.

Проклятье. Проклятье. Проклятье!

Впрочем, чего только не молвит суеверный люд. Трупы, тем более обгоревшие до костей маленькие девочки, не встают из могил и определенно не вырастают в королев. И если верность и даже веру окраинного сброда можно купить обещаниями лучшей жизни, то здесь, в сердце страны, не от-

кроют ворот, не преклонят колен перед дрянной подстилкой Луноликого – королевича ли, короля, плевать. Здесь-то знают: иноземец хуже боярина. По крайней мере, пока полны амбары, пока не перебита вся армия. Впрочем, до этого, увы, недалеко.

С трудом глотнув воздуха – жадно, рвано, – первый правитель Второй Солнечной династии, Хинсдро Всеведущий, улыбнулся. Отвел взгляд от окна, за которым уже рассвело, обернулся, внимательно посмотрел на племянника. Разговор затянулся на добрый час, пора бы заканчивать. Скоро на молебен, помолиться есть о чем.

– Помни, мой свет, – напутствовал он напоследок. – Люд кормится домыслами и надеждами. Самозванке присягают даже в городах, куда еще не дошли войска Осфолата. Если зайдете в такой, вас перережут. Будь осторожен. Иди лесами, тихо. И не отпускаяй ертаульных³ далеко.

– Да, дядя.

Бледное лицо Хельмо казалось непривычно ожесточенным, но тревога делала серые глаза лишь огромнее. Вырос, минуло двадцать, возмужал, и ростом выше большинства воинов, а глаза – детские. Может, поэтому сложно принимать с ним серьезный вид. Давать такие указания. И мириться с тем, что вообще положился на него – вчерашнего мальчишку, в которого многие ратные почему-то верят настолько, что от желающих примкнуть, стоило кинуть клич, не было

³ Разведчиков, лазутчиков (в соответствии с допетровской терминологией).

отбоя. Выискалось их куда больше, чем готовых защищать столицу. Впрочем, в том Хинсдро видел и второе дно: возможно, «желающие», чуя беду, просто ищут повод обратиться прочь, с кем угодно. Дураки забывают: беда не приходит одна. По всему Дому Солнца гуляют уже беды.

– Ты точно продержишься? – Голос Хельмо упал; он нервно убрал со лба вьющуюся русую прядь. – Я ведь не даю сроков. Пока дождусь наемного войска, пока мы двинемся обратно... Если Диміра... – он торопливо поправился: – Лжецаревна осадит столицу...

Хинсдро снова улыбнулся, в этот раз откровенно желчно. – Осадит, не сомневайся. Но не войдет, у меня довольно сил, к тому же не забывай о дополнительных оборонных башнях, которые вот-вот достроят. Если быть честными, я ведь, скорее, рискую тобой, Хельмо, чем собой. Не даю тебе нормального сопровождения. И это не говоря о том, что мне не предсказать поведение язычников. Я все еще не избавился от мысли, что просто пускаю козла в огород. Ты так не считаешь?

Улыбка увяла, не нашлось сил ее удерживать. Чем ближе было осуществление плана, тем провальнее он выглядел. «Козел»... Так и есть. А бояре-то, которым зачитали царский указ на последнем заседании Думы, наоборот, ликовали! Им козел в огороде неоспоримо доказал желание государя любой ценой спасти страну, готовность к огромным рискам. Впрочем, на то и рассчитывалось, нельзя было сидеть

без дела дольше: скинут как пить дать. Главное, чтобы раньше времени не дошло все до лишних ушей.

— А ну как они просто порешат тебя и начнут *свою* интервенцию? — вяло, мрачно закончил Хинсдро то, что говорил уже не раз. — Неужели не боишься?

Первое его, конечно, тревожило, но, учитывая высоту ставок, меньше второго. Все-таки племянник давно стал почти чужим, прошла нежность давних лет. Исчез смирный мальчик-сиротка, на уме давно одни подвиги. Хочет подвигов? Побудет разменной монетой, не мелкой и не крупной, в самый раз. А вот вторая опасность пугала, но пока Хинсдро старался не сосредотачиваться на ней. Все усталость... Он охнул сквозь зубы и потер ноющий висок. В длинных волосах за последние недели седины прибавилось больше, чем за год, да и лезут клочьями. А как обозначились едва заметные прежде морщины, как разнылась проклятая нога... смотреть на себя страшно, в голову собственную заглянуть — еще страшнее. Не зря, наверное, мерещатся порой в зеркале черные провалы вместо глаз.

Хельмо глядел молча, тепло, и ни упрека не сорвалось с тонких губ. Стало противнее, то ли от него, то ли от себя. «Да, дядя, пойду на убой, если пошлешь, слова не скажу». В герои рвется, но наивный — страсть. И как так? Отец и мать — интриганы, бедовые головы — такими не были, Хинсдро ли не знать сестрицу, одарившую хромотой? Нет, не в нее Хельмо и не в ее аспида-муженька, разве что отвагой. Все остальное

– *этот*. Лукавый...

– Ничего, риск – нужное дело, – раздался наконец ответ. Хельмо по дурной привычке глядел неотрывно, будто в душу, и глаза захотелось отвести самому. – Я обязательно доберусь до Инады. И как-нибудь договорюсь, я много об этом думал. У нас пока нет причин сомневаться в их честности. Короли ведь уже дали согласие, армия в пути?

Причины сомневаться в честности – даже союзников, особенно их – есть всегда, но мальчик нескоро дойдет до этого сам. Возможно, так и умрет от дружеского ножа в спине, не поняв простую истину. Но Хинсдро с напускным одобрением кивнул, прошел к столу и взял плотную, убористо исписанную бумагу – соглашение, уже с печатью и подписью. Несколько движений – бумага свернута. Красно-золотое сургучное солнце блеснуло в бледном луче солнца настоящего, но напомнило, скорее, толстого паука. Хельмо, помедлив, осторожно уточнил:

– Здесь – о денежной части награды, верно?

– Верно. – Хинсдро начал аккуратно перевязывать свиток плотной лентой из размягченной змеиной кожи. – Все, как я оговорил. Две тысячи золотых на каждого наемника. Офицерам – согласно рангу, кому втрое выше, кому и на порядок. Часть повезете с собой, часть будет позже.

– А ты уверен...

Хельмо мазнул взглядом по бумаге и все же потупился. Цифры он видел: подпись заняла место на договоре в его

присутствии. И даже его, юного дурня, знающего количество пушек в гарнизонах, но никак не монет в казне, наверняка смутил размер выплат. Да только его это не касается. Хельмо – младший воевода, один из многих. Младший, на которого свалилось чудо – внезапное повышение и, по причине кровного родства с государем, дипломатическая миссия, заключение военного союза с иноземцами. Надежда погибающей страны, других-то взрослых родственников у Хинсдро нет. Должен ценить и не совать нос куда не просят.

– Да-да, Хельмо? – Хинсдро посмотрел на него в упор. – Что тебя тревожит?

Он знал: взгляд его желто-карих глаз из-под густых черных бровей непросто выдержать. Племянник почти неизменно, даже в малолетстве, выдерживал, чем злил только больше. И все же взгляд, как и вкрадчивый тон, как и хруст разминаемых пальцев, его отрезвил.

– Ничего, дядя. Я рад, что ты можешь взять на себя такие обязательства. Ты щедр...

Ох. Не знай Хинсдро, сколь прост племянник, заподозрил бы издевку. Но Хельмо говорил без подвоха, и, кажется, он-то с каждой минутой все больше верил в сомнительную кампанию. Неудивительно: старик-звонарь – как звали? – в детстве перекормил его сказками о диком народе, обитающем на Пустоши Ледяных Вулканов. Выросшему Хельмо уже случалось встречать иноземцев, самых разных: и кочевников, и осфолатцев, и купцов Шелковых пустынь, и рыца-

рей Цветочных королевств. А вот с огненными язычниками он не общался. Неудивительно, что помимо гордости его понимало любопытство, а от любопытства до надежды – шаг.

– Конечно, могу, свет мой. – Хинсдро завязал ленту и вручил бумагу Хельмо. – Я всегда исполняю обещания. Тем более от этого слишком многое зависит. Мы в ситуации, когда поступить правильно очень сложно, а вот погубить все – совсем легко.

– А что насчет второй половины соглашения? – Договор уже исчез за подкладкой красно-серого кафтана, отороченного по рукавам и вороту лисьим мехом.

– Ключи я тебе пока не дам. Не обессудь.

В воображаемом плане разговора этот отказ занимал едва ли не важнейшее место – может, поэтому слова сорвались спешнее, чем Хинсдро хотел. Тем не менее, выпалив их, он почувствовал даже некоторое облегчение: сказанного не воротишь. Осталось только выдать какое-никакое пояснение и готовиться к обороне.

– Ты удивлен? Не понимаю, чем. Разумеется, их главнокомандующий получит ключи из моих рук, когда наши земли будут освобождены или хотя бы на две трети очищены. И хорошо бы, – с каждой фразой ослабший было голос Хинсдро крепнул, – Самозванка к тому времени была мертва, пленена или хотя бы бежала. Так и передашь, если офицеры спросят. Впрочем... – он вернулся к столу и взял вторую, заранее запечатанную бумагу с золотым сургучом, – условия

прописаны в отдельном соглашении. Все честь по чести.

Хельмо слушал сосредоточенно, не меняясь в лице. Но он неплохо собой владел, об этом стоило помнить: в его голове могли роиться любые мысли, вполне вероятно, не самые лестные. Предупреждая споры, Хинсдро подступил к племяннику ближе, вручил вторую бумагу и, когда тот спрятал ее, сжал узкое, но крепкое, точно камень, плечо.

– Поверь, мое слово, печать и подпись – достаточные гарантии. А когда отдашь часть платы вперед, прямо при встрече – а ты это сделаешь, – они совсем уверятся в нашей честности и будут лизать тебе руки. Они же дикари, Хельмо. С такими деньгами, да еще с таким *довеском*, они должны счесть наш союз даром небес, или где там обитают их божки?

Определенно, Хельмо не был убежден; он и в детстве-то щетинился, когда обещания, планы, даже правила игр нарушались, пусть в мелочах. Хинсдро с трудом удержал досадливое рычание, когда, глубоко вздохнув и словно что-то решив, племянник снова поднял глаза.

– Дядя, – медленно, но жестко начал он.

– Да, мой свет? – С немалым трудом удалось принять участливый ответный тон, не подразумевающий приказа закрыть рот.

– Ты правда отдашь им Эрейскую долину? Салару, Гомбрегу, Эйру? Все те земли?

«А что еще? Тебя в королевские пажи?» Мысль была злой, но, разумеется, непроизносимой; вместо нее Хинсдро – по-

сле вздоха, скорбного сдвигания бровей и усталого потирания лба – слегка сжал руку на рукаве племянника и ласково, как учитель, наводящий ученика на решение простейшей задачки, задал ответный вопрос:

– Видишь иной способ их привлечь? Острара обширна и щедра, а долина в упадке еще со времен Вайго. Нас не убудет. Да и как не пожалеть дикарей, которым негде растить хлеб?

И никто не отменял вероятность того, что дикари, по крайней мере, бо́льшая часть, полягут в бою: армия Самозванки сильна, с крылатыми тварями – сильнее втрое. А если язычники и доберутся...

– Какие времена – такая расплата, Хельмо. Мужайся.

...Если язычники и доберутся сюда, то по пути наверняка что-нибудь учинят: разорят город, сожгут деревню, осквернят церковь. Или устроят дебош в столице?

– Это жертва. Я понимаю. Но сейчас она необходима. Верные союзники заслуживают самых щедрых даров. Ты не согласен?

...Да. Лучше – беспорядки прямо в столице, тогда будет еще и железное свидетельство иноземных послов. Дурная слава побежит по континенту, и все неудобные обязательства можно будет забыть. От мыслей, давно и неоднократно рассмотренных со всех возможных сторон, Хинсдро даже начинало казаться, что на первое время козел в огороде не страшен. В конце концов, козел – это и мощные рога, и не слишком-то большой ум, и пусть хлипкая, но веревка, на

которой козла будут водить мимо чужой капусты... Веревка в руках Хельмо. Недалекого, зато верного.

– Да, дядя. Ты прав.

И Хинсдро особенно ласково улыбнулся племяннику, прошептав:

– Что бы я без тебя делал? Как буду?..

Что-то дрогнуло в точеном лице Хельмо, и он, гремя оружием и кольчугой, порывисто опустился на колено. Его голос по-детски задрожал.

– Ты очень мудр. Я буду спешить всеми силами. Береги себя и Тсино. Береги народ.

Он говорил, глядя не в глаза, а в мозаичный пол. Говорил и не видел, что улыбка Хинсдро стала шире. Как... трогательно, пожалуй. Словно в сказаниях.

Слово, правда, громкое. Он, может, и не мудр, но умен достаточно, чтобы удерживать престол целых семь лет. Достаточно, чтобы просидеть дольше и передать корону сыну. Достаточно, чтобы расправиться с мерзкой самозваной царевной и Луноликим королем, далековато потянувшим грязные надушенные лапы. И, вне всякого сомнения, ума должно хватить, чтобы управиться с язычниками.

– Помни, все к лучшему. – Хинсдро потрепал племянника по волосам, потом, наклонившись, неохотно поцеловал в высокий, прорезанный парой слишком ранних морщин лоб. – Ведь у меня есть ты. Благословляю.

«Ну а сгинешь героем – значит, сгинешь. Вслед за...»

Впрочем, поганое имя уже отдавалось сегодня набатом в мыслях. Хинсдро не хотел произносить его даже про себя.

– Спасибо, дядя. – Хельмо поднялся.

– Тебе пора. – Хинсдро плавно отступил к столу и оперся на него ладонями. – Выйдешь с частями Первого ополчения по западной дороге, навстречу Самозванке. На привале – свернешь, двинешься своим путем. Кто нужно, все предусмотрены.

– Хорошо.

– Берегись. В городе, да и в войске тоже, смутьяны и соглядатаи лунных уже завелись. Режь, не щадя, если кого-то заподозришь. Иначе прирежут тебя.

Хельмо кивнул, но Хинсдро знал: это вряд ли. Хельмо не любил расправ, ограничивал телесными наказаниями, да и те еле переносил, крики резали его по живому. Он пока не понял: времена переменились. Какие времена – такая расплата. Именно это была правда.

– Ну, прощай. Даст бог – свидимся.

Хельмо вышел. Хинсдро снова посмотрел в окно – на пустой двор, на резные терема бояр и воевод, на высокие головы Шести Братьев – главных храмов, видных из любой точки города. Купола переливались розоватым перламутром, лазурной синевой, малахитовой зеленью и глубоким антрацитом. На шпилях золотились солнечные знаки. Ас-Ковант – наполовину деревянный, наполовину каменный, древний, великий, не знавший захватнической руки – дремал под по-

целуями зарниц. Радовался тому, что ушла Белая Вдовушка, а пришла на ее место Зеленая Сестрица – с набухшими почками, быстрыми ручьями, голосистыми птицами и густой травой. Правда, с одной Сестрицей пришла и другая – златокудрая, синеокая, повенчанная с лунным королевичем и удивительно полюбившаяся многим. Лусиль, говорящая, что настоящее ее имя – Димира. А с Лусиль – рати конные, пешие и крылатые, с Лусиль – бунты, страшные слухи и толки о делах забытых.

Хорошо, что Хельмо – как и большинство тех, кто не был в свое время убит, не переметнулся к врагам и не пал в новых сражениях, – ничего об этих делах не знал. Иначе едва ли так трепетно и доверчиво подставил бы лоб для благословения.

* * *

На ветру Хельмо полегчало – как всегда, с каждым дуновением, невесомо ободряющим: «Все сладится». Ветер Зеленой Сестрицы был ласковее поцелуев, светлее смеха. Хельмо улыбнулся, украдкой оглядевшись и убедившись, что двор пуст. На свободном, чисто выметенном пространстве не было никого, кроме привязанного к кольцу в стене, явно застоявшегося белого коня-инрога⁴ – Илги. Приблизившись, Хельмо погладил его узкую морду, легонько почесал широ-

⁴ Единорога.

кий лоб и потрепал за тут же задержавшимися ушами. Илги фыркнул и мотнул головой, словно рогом хотел ткнуть хозяйина в нос.

– Доволен? Не скоро теперь отдохнешь. А может, вовсе не придется.

Илги имел право сердиться: почти все время, что бесновалась Вдовушка, он провел в столице. Хельмо не доверяли ничего, кроме редких вылазок – погонять то шайки со стрельцами Разбойного приказа, то волков – со стрельцами Лесного. Молодого воеводу, который с двенадцати лет показывал себя в боях, а к шестнадцати уже собрал первую дружину, задевало это пренебрежение. Слова, что его «берегут до поры» не утешали, казались способом заговорить зубы и напомнить: «Сирота ты, некому отряжать тебя на большие дела». Хельмо, к счастью, ошибся. Действительно нашлось дело, и поручил его сам дядя.

Дядя. В тайных мыслях он так и оставался «отцом».

Родителей не стало еще при прежнем царе, Вайго VI. Тогда, семнадцать лет назад, армия Острары была велика, страшила соседей. Укрепляя границы, особенно с Осфолатом, Вайго присоединил немало земель, а среди его воевод на важных местах стояли отец и мать Хельмо. Оба пали, штурмуя вольный город. Сражались там отчаянно, к концу осады погибло столько воинов, что хотя увенчалась она победой, Вайго наконец внял увещаниям Думы и приостановил походы. Впрочем, ненадолго: к концу его жизни вольных зе-

мель не осталось вовсе. Дом Солнца и Дом Луны, величественные осколки канувшей в небытие Поднебесной империи, замерли лицом к лицу и подписали зыбкий мир.

Хельмо не помнил родителей – видел разве что их парсуны в одной из служильных книг, хранивших лики государевых любимцев. Беспамятство освободило его от скорби. Он воспитывался материнным братом Хинсдро, знал лишь его заботу. Знал и помнил, хотя на отцовство это походило только первое время. В малолетстве дядя не жалел времени на разговоры и игры, помогал в каждой беде. Но вскоре у него, поздно, зато по любви женившегося, появился собственный сын, безраздельно завладевший его вниманием. Окончательно все переменялось, когда дядя похоронил молодую жену и стал государем. Детьми государевыми были уже все жители страны.

Незыблемым оставалось одно: едва научившись ходить, говорить и думать, Хельмо старался лучше проявить себя. Не сиротствовать – достойно идти по семейному пути. Благодарить дядю за то, что в самые беззащитные годы ни дня не знал холода. Поэтому теперь он так радовался делу и не страшился сопряженных с ним опасностей. Если бы все удалось, он спас бы Дом Солнца. Своего царя. Отца.

До выхода войск из города оставалась пара часов. Вещи собрали, обозы уложили, с людьми все оговорили, и время можно было провести празднo: например, проехаться по сонным улицам. Попрощаться с площадями и храмами, бой-

кими рынками и длинным речным портом, заглянуть в Царский сад, где распустились на деревьях первые почки, а из земли несмело пробились пушистые желтоцветы. Удастся ли вернуться? Дядя прав: с горячкой, в которой мечется страна, не угадаешь, не убьют ли тебя завтра, не окажутся ли за красующимися на шпилях очередного города солнечными знаменами лунные. Такое случалось и прежде, а ныне, судя по докладам частей, воюющих с Самозванкой, – все чаще. Смута расползлась и впрямь не хуже заразы, захватывая и крепости, и колеблющиеся сердца. Впрочем, все вело к ней давно. Так стоит ли удивляться?

Со дня, когда Вайго Властный запер двери старого дворцового терема и сжег его, прошло около семи лет. В пожаре погибло все царское семейство, немало дворни и охраны, несколько бояр и боярынь, в том числе дядина жена. О том, как страшно пресекался царев род, до сих пор шептались, выдумывая кто во что горазд. В одном были едины: Вайго обезумел. Государь, показывавшийся не раз в окнах среди пламени, смеялся, и проклинал пытавшихся попасть к нему пожарных дружинников, и палил в них из мушкета. Одного, который добрался до окна, Вайго со всей богатырской силы швырнул вниз. Бесы попутали, так говорили все, кто видел случившееся. Тем страшнее было безумие, тем истощеннее молили о помощи царица, и мальчик, и девочки... или девочка? Они были очень похожи.

Хотя обеих вроде бы нашли среди сгоревших тел, это не

помешало объявившейся Самозванке утверждать, будто она – чудом спасшаяся царица Димитрия. Едва ли обману удалось бы пустить корни, но за плечами «царицы» стояли Луноликие: королевич Осфолата Влади и король Сивиллус. Интервенция началась удачно: некоторые в приграничье – те, кому Лусиль посулила справедливость, свободу, награду, – примкнули к ней; другим не понадобилось даже посулов, хватало взгляда в юное лицо, действительно напоминавшее лицо покойного царя. Народ тосковал по правителям Первой династии, лихим и радушным – вот и обрадовался. Осторожный боярин Хинсдро устраивал не всех. Нового царя и прозвали иначе: Гнилым, – за то, что, восстанавливая страну, сильно поднял налоги и прошелся казнями по инакомыслящим; Сычом – за то, что всех чурался: прежних друзей-бояр, воевод, иноземцев. Казалось, одно на свете существо он любил. Одно, которое...

– Хельмо! Хельмо, подожди!

Прозвенела по двору трель, и Хельмо послушно замер с золочеными поводьями в приподнятой руке. Конь дернул ушами, и вскоре к нему, топая и оскальзываясь на грязи, подбежал худенький черноволосый юноша – впрочем, все же мальчик. Мальчик этот восторженно оглядел Илги, потом еще более восторженно – Хельмо.

– Увидел тебя в окно! – зачастил он. – Как я рад! А отец говорил, у тебя не будет ни минуты. Ты уже в путь?

Дунул ветер, растрепал волосы. Смешно мотнулась кос-

матая голова.

– Уходим в полдень, – пояснил Хельмо. – Сейчас я... по делам. Я тоже рад тебе, Тсино. Разлука будет долгая. Ну... – Он легонько потрепал гриву фыркнувшего Илги и подмигнул: – Как сегодня? Есть для него что?

– Есть, есть! – Тсино полез в карманы наспех накинутаго золочено-оранжевого кафтана и вынул несколько крупных кусков колотого сахара. – Можно?

– Можно. Мне-то его в походе не побаловать, пусть радуется.

Тсино стал кормить инрога. Ветер все ерошил мальчику космы; он то и дело нетерпеливо стряхивал их с лица. Речь, обращенная к Илги, звучала ласково, но слов Хельмо разобрать не пытался – лишь отрешенно наблюдал. Привычно думал: жаль, не удалось избежать встречи. Ну... хотя бы коню приятно. Одергивал себя: нет, нельзя так. Стыдно.

Тсино был единственным сыном дяди и пошел в него: такие же густые черные кудри, пытливые желто-карие глаза, острые скулы. Отличала Тсино лишь необычайная долговязость, из-за нее он казался старше своего возраста. С Хельмо их разделяло чуть больше восьми лет. Как раз когда Хельмо было восемь, новорожденный малыш окончательно отдалил его от дяди. Да и прежде появлялось все больше наемных учителей – бесконечно втолковывавших свои уроки блеклых фигур. Появился и Грайно. Дядя же отныне отдавал все незначительное свободное время долгожданному сыну и

жене. Хельмо видел его мало, быстро перестал навязываться: тетя Илана – юная, красивая, но злая – его не привечала, однажды так и сказала: «Да что же ты под ногами у нас все вертишься? Уже большой, скоро свою семью заведешь, а все отца выискиваешь! Не отец он тебе, не отец! Не был, тем более не будет». Тогда слова ранили. Но, взрослея, Хельмо смирился. Справедливо же: дяде с ним и было непросто, он «шел в мать», много своевольничал. Разве не заслужил дядя более примерного отпрыска? Бог его услышал, Тсино рос покладистее: не задавал неудобных вопросов, не дерзил, не сбегал. Бесенок вселялся в него только в присутствии «брата».

Тсино обожал Хельмо с минуты, когда, будучи трехлетним несмышленышем, увидел его в коридоре – облаченного в кольчугу и алые сапоги, заглянувшего к дяде после учебного боя. Малыш, немыслимым образом вырвавшись от няньки, ухватил Хельмо за плащ, потянулся к прятавшемуся за сапогом ножу и счастливо залопотал, распахнув тогда еще ярко-желтые, словно у птенца, глаза. Это повторялось каждый раз: Тсино, завидев Хельмо, мчался к нему. Звал братом, хотя разница в их возрасте была слишком велика, чтобы сближаться, да и дядя единодушно с ратными считал, что «негоже воину нянчиться с несмышленышем». Хельмо был благодарен. Ему и так стоило усилий укоренить в голове и сердце понимание: малыш не виноват, что все стало так. Время Хельмо прошло, правда ведь пора взрослеть.

Подрастая, Тсино во всем тянулся за «братцем»: изучал военное дело, читал те же книги, требовал шить себе такие же кафтаны. Полюбил и охоту, и богослужения: Хельмо нравились псалмы, он посещал храмы даже вне служб. И хотя под журчание монашьих голосов Тсино засыпал, он таскался по пятам. Постепенно Хельмо привык. К «младшему», к царевичу, к существу, которое – десятилетним, забившимся в угол храма мальчиком – проклинал. Он давно не держал на Тсино зла, единственным следом задушенной обиды была тоска, а сейчас к ней прибавилась тревога. Чего травить душу себе и ему?

– Какой же он у тебя хороший, – тихо сказал Тсино, наблюдая, как конь слизывает с ладони крошки сахара. – Его там не убьют?

– Надеюсь, – отозвался Хельмо, ощущая все же холодок меж лопаток.

Он еще не терял коней; Илги помнил колченогим жеребенком. Илги подарил Грайно, он же научил заботиться: и мыть, и кормить, и осторожно полировать костяной рог. Острара славилась лошадьми этой породы – белыми, черными, серебристыми. Они жили табунами на морских берегах, обожали соль, но не могли устоять и перед сахаром. Инрогов любили воеводы и знать. Хельмо мечтал о таком с детства, но дядя считал это баловством. Как он усмехнулся, впервые заметив невзрачное еще, подслеповатое животное в своей конюшне: «Нахлебника лукавый герой подкинул?» Но тут же

смилоствивился, смягчился, сам, вздохнув, принес жеребенку миску подслащенного молока.

– А, что это я. – Тсино улыбнулся и отряхнул ладони. – Под хорошими воинами коней не убивают, такая поговорка?

– Такая. Только не всегда это правда. Будь поосторожнее, Тсино. Отца береги...

Сердце кольнула отчего-то память о той миске. Тсино же мечтательно зажмурился.

– Жаль, мне с тобой нельзя. Интересно это – война... может, я бы поймал Самозванку!

– Или она тебя, – хмыкнул Хельмо, бегло подумав, что «интересно» – не о войне. – Лучше занимайся поприлежнее, стратегию изучай, книги иноземные, которые я тебе дал. Когда-нибудь будешь не полком даже командовать, а армией. Так все правители делают.

– Папа не делает. – Тсино открыл один глаз, затем второй. – Он и меча не носит...

Дядя действительно не знал битв – в одной-двух участвовал лишь в юности. Дальше он отдавал сухие распоряжения и поручал руководство «тем, кто научен». Это тоже настраивало многих против него, особенно воевод и ратников. Правители Первой династии все были воинами; один Вайго стоил в бою десятка человек и парочки львов.

– А ты будешь.

Тсино просиял. О сражениях он грезил, но – на сей счет Хельмо был спокоен – наказ не покидать столицу должен был

исполнить. Слово отца было для него золотым. Слово «брата» – булатным.

– Если вдруг убьют меня, – точно будешь. Отомстишь?

Он сказал в шутку, посмеиваясь, но тут же пожалел о словах.

– Хельмо-о-о! – Тсино провыл это, мгновенно перестав улыбаться, ухватил его за руку, обнял и уткнулся в грудь. Кажется, он, державшийся из последних сил, теперь всхлипывал. – Нет, нет, не спрашивай о таком! Я боюсь!!!

Хельмо устало прикрыл глаза, хлопая его по спине. И кто за язык тянул?

– Да не убьют. Не убьют...

– Самозванка зла-ая, стра-ашная... и с людоедами!

– А я слышал, что Самозванка красива, – откликнулся Хельмо и потрепал Тсино по макушке. – А ну перестань. Перестань. Я их выгоню. Всех. И лунных, и крылатых, и...

– Огненные дикари тоже могут быть злы-ые, – пробормотал Тсино. Его никак не удавалось отодвинуть, впился намертво, что котенок коготками, будто мог помешать уехать. Хельмо, пусть и тронутый его тревогой, не выдержал и пожурил:

– Да что ты такой трусишка, что ты... – Он осекся, нахмурился. – А ну постой. При чем тут язычники с Пустоши? С чего ты решил, что они...

– Папа ведь их на помощь зовет, – с готовностью откликнулся Тсино, наконец отстраняясь и выпрямляясь, вытирая

лицо. — И ты их поведешь. Я подслушал.

Хельмо растерялся. В случае чего повесят ведь на других лишнюю болтовню.

— Ох, Тсино... это должны пока знать лишь бояре, даже и не все.

— Ты не бойся, — заверил тот, шмыгнув носом. — Я никому не скажу.

— Точно?

Тсино насупился и топнул ногой, обутой в ладный остроносый сапожок.

— Государи умеют тайны хранить. И еще они держат обещания. И не врут.

В этом он был весь в дядю. Потеплело на душе от слов.

— Тогда я спокоен, — выдавил улыбку Хельмо. — Что ж... прощай, Тсино. Пора.

Тсино не посмел его удерживать, он ведь действительно все понимал. Снова дрогнули пухлые губы, но больше он не плакал, глядел твердо. Хельмо обнял его второй раз и сделал то же, что не так давно дядя, — поцеловал в лоб.

— Береги себя, братец. Благословляю. Я уверен, свидимся. Сахар прячь... — взглядом Хельмо указал на инрога, — для него. Чтобы не три жалких кусочка.

Тсино засмеялся. Хельмо взял Илги под уздцы и неторопливо повел к воротам.

Он обернулся раз. Второй. Третий. Царевич все махал ему. На четвертый показалось, что в окне мелькнул зна-

комый силуэт – тяжелый, темный, сгорбленный от забот и окруженный какими-то тенями. Конечно, дядя наблюдал. Может быть, тоже хоть раз помахал рукой, может, нарисовал на окне благословляющий солнечный знак.

Хельмо сердечно махнул Тсино и вышел со двора прочь.

* * *

Для Янгреда лучшим началом военных походов было именно это – наблюдать, как промерзшие вулканы постепенно сменяются... чем угодно. Будут ли это лесистые низины, тонущие в тюльпанах холмы, просоленное океанское побережье, устланное гладкой конфетной галькой, – неважно, и неважно, кто враг. Главное – перевоплощение пейзажа. Изобилие, теснящее пустоту; жизнь, теснящая смерть.

Последние дни оказались на это щедры.

Точно предсказать Великие Извержения было, как и всегда, невозможно, – поэтому вначале наемники двигались быстро, спеша добраться до Стены и не попасть в потоки живого огня. Высокограды – большие и малые поселения на искусственных и естественных невулканических возвышенностях – давно остались позади, и укрыться огромному воинству с лошадьми и обозами было бы негде. Вокруг простирались лишь дочерна убранные поля, торчали сараюшки, шалаши и избы. Жители оставили все, что готовы были пожертвовать огню в этом году, и ушли наверх – праздновать

второй Урожай, заготавливать морошковое вино, дожидаться, пока снова безопасно будет спуститься.

Преодолевать ту часть пути было тягостно. Янгред за службу в дальних королевствах – людных, заросших цветами, застроенных обычными городами и деревеньками, – отвык от хмурого вида Пустоши. Забыть о нем позволяла и жизнь в стройном, пестрящем искусственными садами Первом высокограде, при дворе Трех Королей.

Там Янгред провел последние годы, виртуозно выживая в распрях сводных братьев. Покойный король Эндре, скорее всего, столь фатально переел за ужином курицы именно стараниями сыновей. Тройняшки Харн, Эрнц и Рйтрих так и не поделили свалившуюся на них власть; вместо этого они, поделив лишь регалии – корону, скипетр и Огненную книгу законов, – издавали взаимоисключающие указы и плели интриги. Это занимало большую часть их дней, однако Свергенхайм еще стоял – стоял и, даже качаясь, почти не бедствовал. Народ забавлялся, судя по количеству складываемых трактирных песенок; не скучал двор: знать и священство делились на партии и строили свои – поменьше – козни. Все были при деле, и, благо, «дело» пока напоминало, скорее, разборки в семье, чем междоусобную войну. Пусть, рано или поздно интриги неминуемо увенчает предсказуемый финал – смерть двоих из братьев. Порой Янгред ждал этого, надеясь, что станет спокойнее. А вот обязанности его вряд ли изменятся. Оборонять пролив; обучать солдат техникам,

перенятым у соседей; рассуживать споры вассалов и следить, чтобы страна не вляпалась в какую-нибудь невыгодную войну, — Янгреду было чем заняться, хотя и не сказать, чтобы занятия его устраивали. С братьями — хилыми, склочными, бледными копиями отца, не унаследовавшими ни его храбрость, ни даже его рыжесть, — Янгред скучал. Вернувшись, он нашел Свергенхайм уже в их руках — без отца, без умерших еще до него королевы-супруги и королевы-матери. Этот неизменно пылающий, неизменно ледяной и неизменно переживающий неприятности мирок он и решил оборонять — пока не охватит тяга снова бежать. Свыкся. Тяги долго не было, но и чувство дома, которое он искал, не пришло. А потом Три Короля вдруг разом клюнули на странную наживку. С неожиданной стороны.

...Теперь, когда вид изменился, Янгред рассматривал поля, зелеными лоскутками стелившиеся по обе стороны широкой дороги. Поля то и дело сменяли чащи, а их — белобокие деревеньки, не временные, не жертвуемые каждый год пламени, а возведенные основательно, надолго. Судя по молодой пшенице, по траве, по пасущемуся скоту, здешний год шел вовсю, в то время как в Свергенхайме он вот-вот должен был завершиться. Было тепло: местный климат смягчали какое-то морское течение и невысокая горная гряда. Янгред слышал, будто здесь, в отличие от приютившейся в между-речье столицы, даже нет снега.

— Трудно поверить, что похожие края скоро будут наши...

да, ваше огнейшество?

Хайранг догнал его на своей резвой кобыле и поехал рядом. Всмотревшись в худое лисье лицо, Янгред отчетливо увидел в серо-зеленых глазах тень собственного восхищения – восхищения чужим благоденствием. Оба они, даром что знатные офицеры, были сейчас как оборванцы в пиратской сокровищнице: глядели и не могли наглядеться. И так, наверное, ощущало себя большинство солдат.

– Трудно, – ровно подтвердил он. – И я не спешил бы верить. О Хинсдро Всеведущем говорят, что он хитер. Придется очень пристально следить за дисциплиной.

– А сколько заплатить кровью... – Хайранг прищурился, поднимая голову к солнцу. От движения, быстрого, но изящного, несколько шелковистых светло-рыжих прядей тут же упали за спину. – Но это того стоит.

– Пожалуй.

Опасаясь наветов, Янгред избегал заходить во встречные селения на постой; ночи солдаты проводили в лесах. Он не сомневался: каждую взятую у кого-то курицу, кусок хлеба, просто взгляд в сторону женщины – все может припомнить тот, кто призвал наемников. Так что отряды шли мимо, а местные к ним не приближались – не слыша стрельбы, не встречая злобы, не узнавая серых знамен с цветными языками пламени. Не было проблем на границе, никого не выслали навстречу и позже. Не совалась городская стража – лишь на отдельных витках маршрута, держась на расстоянии, части

проводжали конные отряды стрельцов. Возможно, все здесь просто знали о сделке, но не хотели первыми открывать рот. Далеко все же, до столицы не докричишься, если что.

– Я отправлял разведчиков, – снова подал голос Хайранг. – Осфолатцев в окрестностях нет, кажется, путь чист.

– Да, – без удивления кивнул Янгред. – Здесь пока верны царю, здесь всегда было благополучно и мало что изменилось. Поэтому он и выбрал для встречи такое место...

Он помедлил. Замечание просилось, но не многовато ли он придирался к Хайрангу в последнее время? Дошел до того, что даже привычные утонченные жесты раздражают, хотя раньше по-доброму смешили, дразнить заставляли: «принц Лис». И все же он сказал:

– Послушай, я ценю твою предусмотрительность, но напоминаю: разведка должна быть осторожной. Местные могут испугаться чужаков, шныряющих туда-сюда. Нам нельзя привлекать лишнее внимание, пока я не встречу царского военачальника.

– Как скажете, – смиренно отозвался Хайранг. – Ваше огн...

И снова захотелось одернуть, сильнее. Стало досадно: давно они не говорили на «ты». В детстве, до того как Янгред сбежал в Ойгу, было только так, но по возвращении уже нет. Ничего: ни «принца Лис», ни крепкой дружбы, ни даже простого «ты». О замечании Янгред сразу пожалел. Хайранг и так все знал, был одним из самых способных офицеров кам-

пании, куда осмотнительнее, чем сам Янгрэд. И вышколенные разведчики его – как есть лисицы.

– Это титул для тех, кто уже седеет, – с напускной безмятежностью сказал Янгрэд. – Я понимаю, что тебя только что повысили и ты не чаешь, чтобы повысили еще, но лесть тут...

Хайранг перебил его с ровной полуулыбкой:

– К волосам без седины он подойдет лучше. И если кампания будет удачной, вы заслужите его как никто другой.

Не понял или сделал вид, что не понял. И неважно, не скажешь ведь прямо, что грызет. Янгрэд хмуро отвел глаза. Еще и награду пророчит. Этот предмет разговора нравился ему еще меньше.

– Не будем загадывать, – тему он решил не продолжать и, раз ужалили его, жалить дальше. – И еще. Пожалуйста, не оставляй части надолго. Несколько рыцарей тут говорили о вылазке в город на следующем привале: о хорошеньких крестьянках и каком-то местном медовом напитке. Ты же понимаешь, чем это чревато?

– Да? – Не поворачиваясь, Янгрэд знал, что в лицо Хайрангу бросилась краска. Он ненавидел беспорядок и шатание, особенно – чисто походные проблемы, связанные с тем, что кто-то возжелал самоволку. – Я не допущу, спасибо! Вот же...

Нет, зря было замечание. Чего не удержался? И как чинить такую дружбу?

– Желание простительно. Люди устали. – Вздохнув, Ян-

гред слегка пришпорил коня. – Недолго осталось до этой... как же... Инады. Ободри их. Но не отпускай. Ясно, Лисенок?

Так переводилось имя Хайранга, так его – сына одного из баронов, своего крестника, – звала королева-мать. Янгреда она – тоже по дословному древнему переводу имени – звала Зверенышем. И сами они в шутку звали друг друга этими прозвищами, когда, играя в лазутчиков, писали тайные письма. Когда-то. Сколько прошло?..

– Как скажете, ваше огнейшество, – прозвучал наконец ответ. Янгред знал, что в его лице ничего не дрогнуло. Огнейшество так огнейшество.

Хайранг его покинул и тут же начал кого-то распекать с видом озадаченной няньки. Янгред криво улыбнулся: а ведь когда-то, без званий еще, лихо гнали бы вперед вдвоем, смеясь и вопя, с восторгом озирая окрестности. Ну и пусть. Все теперь иное, не только слова, которыми можно друг друга звать. Янгред тоже запрокинул лицо к солнцу. В здешних землях оно светило мягко, приветливо. Пахло не камнем и снегом, а сеном и рекой, дышалось так свободно, что кружилась голова. За одни эти запахи и ветер можно было простить и принять многое. Тем более – глупость братьев.

Янгред не помнил, кто первым наскочил на него с восторженными разглагольствованиями о «дельном дельце». Он бы и ухом не повел, если бы дальше не последовало «разживемся землей!». Встревоженный, он решил послушать, а братец (Ритрих, кажется), вальяжно забравшись на трон, уже рас-

писывал головокружительные перспективы «совсем-совсем не войны, просто маленькой прогулки». Как оказалось, и впрямь головокружительные, но разве что в своей мутности.

Понаслышке Янгред знал: соседнее царство – Дом Солнца – бедствует. Под откос там все покатилося, когда правитель повредился рассудком и убил себя и семью. С пресечением династии настало Великое Безвластие: начали отделяться земли, заволновались крестьяне, железнокрылые людоеды повадились воровать скот, да и воины Луноликих кое-что аннексировали. Страна разваливалась на глазах, но выискался новый царь, из бояр, и навел порядок. Это дорого стоило: возвращая территории и отваживая притязателей, погибли две трети армии, от неурожаев и разрушений истощилась казна. Тем не менее волнения улеглись. Может, новый царь и не был Всеведущим, но управлять людьми умел. Союзников он наградил и возвеличил, голодающих накормил, с бунтующими примирился. Возобновилась торговля самоцветами, золотом, мехами и древесиной. Зазеленели поля. Деньги Хинсдро вкладывал в дороги, в укрепление городов, в постройку крепостей на границах. Последнее имело двойное дно: к границам он усылал служить тех, кого не желал видеть или опасался держать близ себя. В отличие от Вайго, он презирал фаворитизм, доверял лишь паре-тройке бояр. Многие воеводы оскорбились и отказались, молодежь в глушь тоже не рвалась. Крепости стояли, но гарнизоны были слабыми, однажды это подвело царя, но несколько спо-

койных лет он выиграл. А вот соседи за это время стали относиться к Дому Солнца иначе. Если доброго, пусть вспылчивого и чудаковатого Вайго любили, то теперь мало кто вообще заезжал ко двору Острары. Дипломатом Хинсдро был холодным, послы возмущались, что пиры его напоминают порой допросы. Слишком опасался боярский царь лунных, так и не признавших легитимность его власти. На каждом шагу теперь видел козни ненавистного Осфолата.

– И это нас сближает! – воскликнул брат, перестав наконец ходить вокруг да около.

«Дельце» заключалось в том, что король Сивиллус затеял жестокую интригу: отыскал где-то якобы уцелевшую дочь Вайго. С ней лунные войска уже пересекли солнечную границу и захватывали город за городом, собираясь «спасти заблудших братьев». «Братьев» – жителей Острары, некогда единой с Осфолатом, а «спасти» – вероятно, воссоединить древнюю империю, посадив на трон девчонку. Хинсдро, конечно, этого не хотел. Тройняшки тоже проявили в вопросе единодушие. Иметь под боком такого соседа! Огромного, дружащего с людоедами! Острара не была Свергенхайму союзником, но, в отличие от Осфолата, никогда не покушалась на его земли. На Пустоши до сих пор помнили войну, в которую пришлось ввязаться, чтобы уберечь от загребущих лунных лап пролив Ервейн. Поэтому, когда Хинсдро начал переговоры о возможном союзе, Три Короля и сами готовы были поквитаться с Луноликами. Окончательно они приня-

ли решение – конечно же, наплевав на необходимость посоветоваться с кем-либо, – выяснив, какую царь назначил цену.

– Он отдаст нам какую-то долину! Три огромных города и все между ними. Поля и леса, речки и озера! Ты понимаешь, что это значит, Янгред? Понимаешь?

На этом месте брат пришел в волнение, мотнул кудрями, вскочил и попытался поймать Янгреда за две широкие цепи, украшавшие его плащ. Попад в захват, он передумал; охая и шипя, принялся растирать собственную руку, засопел. Внимать возражениям он не стал. Следом, в тот же день, веское слово сказали Харн и Эрнц. Они, при всей взаимной неприязни, искренне хотели получить землю для людей, воплотив мечты нескольких поколений. Им пообещали слишком большой кусок, чтобы они задумались, как не подавиться. К тому же...

– К моменту, как мы соберем армию, кончится год, – успокаивали Янгреда на прощание в тронном зале. Скорее всего, это говорил Эрнц, но, может, Харн в хорошем настроении. – Те, кто останется, возделают землю. А к сбору вы наверняка вернетесь.

– А сколько из нас вернется? И какими? Ты думал об этом? – резонно спросил он.

Брат закатил водянистые синие глаза.

– Помилуй, Янгред. Там глупая мелкая девчонка, осфолатцы, которых мы уже били, и пара горсток дикарей. Да и не вам одним придется делать работенку, царь обещал вой-

ска. – Он помедлил и подмигнул. – Хм. Ну а если время по-
дойдет – просто повернете. В конце концов...

«В конце концов, кому какое дело?» – вот что читалось
в его взгляде. Ожидаемо для тройняшек, но Янгрэд отче-
го-то и поныне слышал желчные непроизнесенные слова. То-
гда же, рассерженный, он холодно перебил:

– На полпути? Мы вообще-то тоже даем обещания, под-
писываем бумаги...

«Помогаем людям, оказавшимся в беде». Но этого не про-
изнес уже он: наивно звучало. Скрипнул зубами – даже не
рывкнул, а братец все равно опасливо попятился.

– Бумаги, бумаги... – проворчал он и развел руками. – Бу-
маги теряются, Янгрэд, горят, переписываются... – Осмелев,
он опять немного подошел, прищурился и понизил вдруг го-
лос до приторного шепотка. – Есть много вариантов. Наде-
юсь, мне не нужно тебя учить, ты же опытнее.

Янгрэд молча разглядывал его – узкое, но притом почти
квадратное лицо, блеклые ресницы, капризные пухлые гу-
бы – последнее было семейной чертой и раздражало да-
же в собственной внешности. В который раз он задался во-
просом, как у двоих очень красивых людей – блистательного
огненного Эндре и темнокудрой шелковой полукровки Эр-
лейль – могло родиться нечто настолько невзрачное, да еще
помноженное на три. Брат улыбнулся до ямочек на щеках.
Это его немного украсило, но только на секунду.

– Ну вот, к примеру, если у них вдруг будут проблемы с

исполнением своих гарантий... нельзя ведь возвращаться с пустыми руками, да? Придумаешь что-нибудь?

Желание схватить его за подмышки и приподнять, а потом ласково поинтересоваться: «Ты за кого меня принимаешь?» было сильным, но, как и нередко, Янгрэд сдержал его и лишь нервно рассмеялся.

– Мародерство и аннексия? Значит, такой у вас уговор с их царем?

Брат и тут не дернул бровью, более того – заговорил как с ребенком:

– Янни. Янни. Янни. Главная прелесть участия в чужой войне – то, что, как ни крути, мы что-нибудь с нее поймеем, рано или поздно. Но ты же понимаешь... – он хохотнул, – что именно мы хотим больше и скорее всего на свете?

– Понимаю. – Янгрэд передразнил его слащавый голос. – Леса, речки, птички, цветочки.

– А знаешь, что самое забавное? – Поднявшись на носки, брат даже смог развязно приобнять его за плечи. Янгред не забавляло ничего, но он уточнил:

– И что же?..

Брат снова заулыбался, а потом даже потер руки. В своих словах он был, похоже, уверен.

– Чтобы получить это, нужно всего-то играть честно и требовать такой же честной игры в ответ. А ты у нас всегда был честным. Ну что, вперед? Леса, речки, цветочки... и высокие моральные идеалы, а?

Так на Янгреда и свалилась эта кампания. Вовремя: желание передуть венценосных родственников уже с трудом удавалось сдержать. Чистый на первый взгляд уговор – военная помощь за деньги и землю – в деле выходил шитым кое-как. Не расправишься с Осфолатом к урожаю – бросай союзников в бою; не доплатят – грабь их почем зря; а еще всегда можно быть убитыми ни за что ни про что. Да и... От новой мысли расхотелось радоваться теплу. Янгред хмуро уставился вперед, поджимая губы.

В Инаде его должны были встретить – кто-то из полководцев, с кем предстояло вести кампанию. Ожидаемо, резонно: что он сам бы делал, как ориентировался бы в незнакомых краях? Здесь не бывали жители Пустоши, а кто бывал, не заходил далеко. Да и местным частям, конечно, был нужен свой командующий, они не слушались бы чужака. Но одна мысль о заросшем дикаре, убежденном, что в атаку надо мчать с барабанами, а бросать легковооруженную пехоту на пикинеров правильно, наводила тоскливый ужас.

Что Янгред знал об острарцах? Прежде их боялись, хотя вооружены они были по меркам цивилизованных королевств скудно, да и техники их отставали на пару десятилетий. Но они брали отвагой, удалью, на удивление хорошими командирами, а еще, что важно, количеством. С ним-то и выходило скверно: при Хинсдро армия сократилась. Вооружение еще больше устарело, от службы повально уклонялись, а новобранцев некому было учить: из великих вое-

вод времен Вайго лишь единицы присягнули боярскому царю, прочие покинули Дом Солнца и подались в наемники. И если лучшие остатки воинства – некое Первое ополчение – ныне защищали столицу, кого мог вести в Инаду человек царя? И какой человек?

Поняв, что круг мыслей замкнулся, Янгред осмотрелся. Поблизости виднелись приземистые, увитые плющом дома; над крышами клубился белый дым. За ними наливалось багрянцем небо; над головой оно, наоборот, подернулось сиреневой синевой. Вечер не крал у земли тепла, лишь одаривал ее красками, как жених невесту, не то что на Пустошах, где сумерки несли лишь уныние и промозглость. Красиво... но глаза нужно было отвести.

Притихли ехавшие сзади, многие потупились. Янгред снова прищепил коня и зычно велел:

– Поспешим!

Приказ подхватили. Понесли дальше.

Лучше было достичь леса раньше, чем совсем стемнеет и начнут зажигаться огоньки. Янгред знал по себе и замечал по людям: теплый свет чужого крова даже у праздных путешественников – не то что у бесприютных скитальцев – вызывает щемящую тоску. Она была не нужна. Судя по карте, не так далеко лежало место встречи с царевыми людьми. Там примут как подобает. Там станет легче.

Въезжая под хвойный полог, Янгред услышал пение в одном из окраинных домов, сзади. Дети, сидевшие на крыше,

нестройно прощались с солнцем – лилась одна из местных молитв; то тянулась, то взлетала короткими трелями. В три детских голоса вплеся четвертый – девичий, покрепче и постарше. А потом, как по ворожке, его подхватили птицы.

Песня стихла так же быстро, как началась. Отворачиваясь, Янгред почти почувствовал, как в этом окраинном доме вспыхнул первый желтый огонек.

2. Чужаки и костры

Сильно пахло морем: впереди уже вырастала Инада. Стены и башни славного города-порта, откуда уходили корабли в Шелковые и Цветочные земли и куда привозили товары тамошние торговцы, были из лазурного камня и в ясные дни сливались с небом. Так казалось и сегодня, когда Хельмо подходил с северо-востока. В сердце бились насмерть восхищение и горечь: здесь когда-то... Впрочем, пустое. И не его это память.

Отряд подрост; к шестидесяти добровольцам, вышедшим из столицы, добавилось три сотни – и это немногое, чем Хельмо заручился, все же решив зайти в некоторые селения. Он рисковал, но его вела память о малых делах: этот городок он выручил, отвадив разбойников; в том уладил миром кровавую междоусобицу бояр; в деревеньке на холме помог с новым колодцем. Ни разу он пока не ошибся: воеводы, знать, крестьянские головы откликались на призывы, начинали собирать отряды, обещали примкнуть позже, когда Хельмо пойдет назад. Вряд ли все обещания чего-то стоили, но река полнится каплями. Больше, впрочем, Хельмо надеялся на Инаду: почти наверняка зная, что здесь Самозванку пока не признали, он рассылал по окрестностям дружинников – тех, кто отличался красноречием. Части нужно было увеличить, не рассчитывая на дядю и тем более – только на

иноземцев.

Среди спутников, ничего не знавших об условиях договора, лишь гадали про союз со Свергенхаймом. Многие мрачно предсказывали, что найдут Инаду разоренной; не раз Хельмо спрашивали, зачем вообще впускать в Острару язычников, которых позже придется выгонять. Он, как мог, утешал: «Они не хуже нас, такие же люди» – но на деле заразился домыслами. Он понятия не имел, что представляют собой настоящие, не легендарные жители Пустоши. Их послы редко заезжали даже к Вайго, позже пропали вовсе. Как поведут себя чужие рыцари, а ну как правда уже бесчинствуют? Но пока все выглядело спокойным: ни пожарищ, ни плачущих крестьян. На шпилях башен дрожали голубые с золотыми солнцами знамена.

Хельмо оставил людей на краю рощи, после чего тихо подозвал Цзүго. Тот просиял, заулыбался во все желтоватые зубы, ухватил коня за поводья, и многие проводили его тяжелыми взглядами. В восьмернице – ближней дружине Хельмо – Цзуго единственный вел род от кочевников, выделялся среди курчавых русых голов черной косицей, узкими карими глазами и ушами размером с молодые лопухи. Нелепица, вечно цыкающая зубом и так и не сменившая лук на палаш, тем более на пистолет, но Хельмо привечал его за сметливость. Лучший для разведки *не боем*: и на рожон не полезет, и спину в случае чего прикроет.

Они выехали вперед и начали подниматься на холм, к за-

пертым городским воротам. Не было похоже, чтобы их брали штурмом: перламутровые киты на синих створках оставались целыми и чистыми. Огненные не нападали? Или еще не пришли? Или были столь ужасны, что им открыли беспрекословно? Хельмо глубоко вздохнул, начал выдумывать еще какое-нибудь «или», но Цзуго его отвлек:

– Ого! Только глянь, а! – И он стремительно развернул коня вбок.

Тем временем на смотровой башне появились три дозорных стрельца. Они казались мрачными и, пусть угрозы не выказывали, приветствовать Хельмо не спешили. Странно: он даже облачился в красный кафтан поверх кольчуги, рассчитывая на встречу с высокими лицами; цвет этот носили только цареvy посланники. Да и должны же были часовых предупредить. Несколько секунд он колебался, на чем сосредоточиться, на этом вопиющем поведении или на том, как Цзуго цыкает и бубнит: «Ух, дурнина, дурнина...» Второе перевесило – Хельмо передумал потрясать государевой грамотой, перестал задира́ть голову и проследил за взглядом своего разволновавшегося спутника. Что еще, на что он уставился?

С холма открывался вид на низину под городской стеной: темнел хвойный лес, а до него тянулись луга и змеился тонкий рукав местной реки. Почти все это пространство оказалось загромождено: серели шатры, высились обозы и непонятные – скорее всего, осадные – конструкции. Паслись ко-

ни, виднелись мортиры. Хельмо козырьком поднес ко лбу ладонь.

– Думаешь, это... – Впрочем, ответ не был ему нужен.

– Рыжие, – все же произнес Цзуго, теребя золотую серьгу-крючок. – Там много рыжих. И енти серые флаги... Как думаешь, сколько их?

Хельмо тоже развернул коня, съехал с дороги и обогнул возвышенность, присматриваясь. Лагерь занимал весь речной берег и скрывался в роще, солнце играло на орудиях и доспехах так, что становилось больно глазам. Три с чем-то тысячи человек, не меньше, это если не прикидывать, сколько укрылось под сенью деревьев. По договору обещано было около пяти тысяч... И сейчас эта цифра не столько радовала, сколько пугала. Пять тысяч друзей – в войне бесценно, но пять тысяч врагов...

– Короткоствольные пушки-то из Ойги! – Цзуго ткнул пальцем в ближние орудия, потом вверх. – Занятные, знаешь, штуки, двух снарядов хватит, чтоб снести енту башню...

Но Хельмо уже смотрел не на мортиры, а на одетых в закрытые алые накидки женщин, стиравших в речке одежду. Подмечал, что лошади расседланы, а несколько солдат играют с косматой собакой. Все яснее улавливал дым костров, где варилось что-то мясное. К штурму так не готовятся. Зато...

– Дурнина, ты сказал? – Хельмо опять кинул взгляд на башенных стрельцов. Они переговаривались, глаза туда же,

вдаль. – Ты, пожалуй, прав. Вот только не та.

Новая мысль обожгла досадой, стыдом. Удивительно... столько навывдумывал ужасов, а самого простого не предусмотрел. Неважный из него дипломат. Скверное начало.

– Так чего делаем-то? – Цзугу проехал ближе к воротам. Хельмо, заметив, как один из стрельцов дернулся и начал поднимать мушкет, жестом велел замереть. – Я хочу...

– Не зови их, – нетерпеливо перебил Хельмо, сжав поводья. – Вернемся позже, со знаменем, и поговорим обстоятельно. У меня есть вопросы. Но сначала...

Он осекся, боковым зрением уловив движение в лагере, и опять повернулся туда. По воинам – кого можно было видеть, – словно шла волна. Они бросали праздные дела, вставали, торопливо приводили себя в порядок, сбивались в группы. Хельмо не сомневался: у волны есть и голос, точнее, целый хор голосов, отдающих вполне безобидные команды. Цзугу истолковал все по-своему: дернул лошадь, засуетился, потащил из-за спины лук.

– Давай-ка уберемся, Хельмо! Они всполошились, из пушки сейчас пальнут!

– То-то ты их стрелами перебеешь, – урезонил его Хельмо, не двигаясь.

– Всполошились, говорю! – упрямылся тот, но все же убрал оружие.

– Не поэтому. Не из-за нас.

Хельмо все более успокаивался: такие «брожения» в вой-

сках — кому бы войска ни принадлежали — он легко узнавал. Так встречаются начальство, которое долго отсутствовало, а теперь объявилось. И вот это начальство Хельмо необходимо было увидеть, хотя щеки заранее горели от понимания, куда повернется разговор. Только бы ничего не испортить окончательно... только бы не услышать с ходу «Раз вы *так*, мы уходим». Он оказался прав: человек, из-за приближения которого солдаты старались принять более-менее браво́ый вид, вскоре появился со стороны рощи, начал довольно быстро приближаться. И даже в нагромождении шатров, в дыму костров, среди множества других рыжих рыцарей, его вряд ли удалось бы не заметить.

Ехал он на такой же белой, как у Хельмо, лошади, но иной породы. Не из Шелковых пустынь она была и не из Острары. Такие встречались еще реже, чем инроги: их выращивали сами язычники в своей единственной долине, и, как и хозяева, животные отличались пятнами-веснушками по телу и пылающими гривами. А какая чистая масть! Если Илги цветом напоминал топленое молоко, то тонконогое животное с узкой мордой — свежий снег. Впрочем, восхитительная лошадь привлекла куда меньше внимания Хельмо, чем всадник.

Он был в легких светлых доспехах: такие, по слухам, ковались на вулканическом пламени. Длинные волосы мужчины — нет, скорее юноши — вились крупными рыжими кольцами. Темный плащ удерживали две золотые цепи поперек груди; у пояса — по левую сторону — блестела черненным серебром

массивная рукоять меча. Незнакомец сидел гордо, но голову держал, не вздергивая подбородка, точно пытался хоть как-то ослабить грозное впечатление, которое производил. Едва ли получалось: его приветствовали робко, хотя, судя по жестам, он никого не распекал, скорее, просто объезжал владения, бросая небрежные указания и интересуясь, кто чем трапезничает.

– Каков гусь, – присвистнул Цзуго. – Никак король нам честь делает?

– Не похож... – рассеянно отозвался Хельмо.

В столице он видел свежеотчеканенные огненные монеты: правители Свергенхайма, тройняшки, по традиции прислали ко двору Оstrarы несколько штук со своими ликами. Монеты дядя быстро отправил на благое дело – переплавку под орудия, но мягкие квадратные лица – особенно пухлые рты и низкие лбы – Хельмо запомнил. У этого язычника даже издалека черты казались породистее и резче.

– А на кого похож? Неужто...

Цзуго осекся: командующий, заметив чужих на холме, наклонился и открепил что-то от седла. Это оказался зоркоглаз – прибор дальнего видения, редкость с Шелковых земель. Он помогал рассматривать звезды, выглядывать в море рифы и озирать огромные панорамы. Стоила вещица – Хельмо знал, ведь владели ею разве что именитые ученые, богатые мореходы и воеводы высшего ранга – как две лошади. И эту посеребренную трубу, внутри которой, как объясняли когда-то

учителя, располагались мудреные дутые линзы, незнакомец направил прямо на холм.

– Я слышал, ента штука душу крадет! – опять всполошился Цзуго, отъезжая подальше и рисуя в воздухе солнечный знак. – А я тебе говори-ил!

Командующий опустил трубу и, снова наклонившись, что-то сказал окружавшим его рыцарям. Хельмо улыбнулся, хотя и его пробрал озноб. В жестах незнакомца было что-то хищное, далеко не юношеское. Не ошибся ли Хельмо, определяя его возраст? Ну... проверит.

– Поеду туда, – решил он. – А ты возвращайся-ка, дружище, да вели меня ждать.

– Еще чего! – тут же заартачился Цзуго. – Думаешь, это игры? Они ж тебя как зайца подстрелят, и твои семеро меня потом...

– А так нас подстрелят двоих разом? – уточнил Хельмо. – То-то польза.

Но этот упрямец был, как всегда, сметлив. Уверенно заявил:

– Пока по двоим попадут, наши услышат. Один-то выстрел, что он...

– Мортирного одного хватит. – Хельмо уже откровенно смеялся, хотя смех был нервный: там, в лагере, поворачивалось в сторону холма все больше голов. «Хищный» командующий тоже не отводил глаз. – Мы куда меньше этой башни. Езжай, говорю.

Но Цзуго уже рылся в седельной сумке, уныло бубня:

– Ох, все-то тебе шуточки, все-то думаешь, что бессмертен.

Поиск увенчался успехом: на свет божий он извлек огромную красную тряпку. Там было коряво, сусальным золотом, намалевано солнце – такие флаги в ярмарочные дни продавали в столице, и гости покупали, чтобы увезти кусочек города с собой. Не чета царевым знаменам, которые остались при отряде, не чета и голубым флагам Инады, трепетавшим над шпилями. Но эту тряпку Цзуго, нацепив на древко кнута, высоко вскинул и, для верности выехав вперед, помахал. Вид он при этом принял небывало важный, щеки просматривались даже со спины.

– ПЕРЕГОВОРЫ! – До лагеря вопль наверняка долетел, да даже стрельцы на башне подпрыгнули, благо хоть не стали палить.

Хельмо раздосадованно прикрыл лицо ладонью. Ум и впрямь быстрый... но блестит не ярче, чем это ярмарочное золото.

– Едем! – бодро объявил Цзуго, сторонясь и давая дорогу. – Думаю, ты вперед? Он вроде велел никому не стрелять, руками вон помахал на пушкарей.

Хельмо, чувствуя на себе взгляды – много взглядов – и слыша с башни молодецкий, издевательский гогот, с трудом сдержал стон.

– О... я тебе крайне благодарен за твои дипломатические

изверты. Славно.

Славно все сыпалось, что он напланировал, это точно. Знакомство он представлял совсем не так. Нужно ведь было показать союзникам, что страна не в такой и беде, деньги на знамя точно есть, а предводитель ополчения – человек зрелый и предупредительный. С последним-то и выходила особая беда. А теперь еще это. Как заговаривать-то? Извиняться с ходу? Или...

– Да к бесам все, – пробормотал Хельмо и слегка прищиприл Илги, сосредотачиваясь только на стуке копыт и на рыжей фигуре впереди. Изводить себя он устал.

Все могло повернуться не так плохо, не стоило совсем уж полагаться на догадки. Гордый незнакомец мог оказаться кем-то из средних чинов, отвечающих за порядок. Королем он не был точно, значит, позор не так велик, а если и король – должен быть невозмутимым, и не такое повидал. Успокоенный этой мыслью, Хельмо приосанился и, спустившись с холма, снова осадил Илги. По лугу, вдоль реки, он ехал уже неспешно, приняв, как он надеялся, независимый и решительный вид. Трусивший следом на вороной лошадке Цзуго тоже выглядел сносно. По крайней мере, тряпкой больше не махал.

Перед Хельмо расступались. Солдаты, чистившие лошадей, отводили их; оружейники откатывали круглобокие блестящие мортиры. Двигали ящики, тушили костры, вставляли. Люди – крепкие, молодцеватые – тихо переговаривались. Не

насмехались, но и не улыбались; не хватались за оружие, но и не приветствовали. Многие показывали пальцем на инрога, заинтересованные им больше, чем хозяином; других, конечно, отвлекал Цзуго, всем бросавший неловкие «Здрассте!», «Дорогу!» и «Воевода едет!». Наперерез выскочил увиденный еще с холма кудлатый пес с большим красным бантом на шее и басисто залаял – точно из мушкета бухнуло. Илги прянул, Хельмо его успокоил. Собаку оттащили, но молчание по-прежнему стояло мертвое. От этого было крайне неудобно.

Все это время рыжий офицер восседал на лошади и тоже не реагировал на происходящее. Лишь когда меж ним и Хельмо осталось не больше, чем шагов десять, язычник спешился и передал поводья подскочившему рябому мальцу. Видимо, стоило поступить так же. Хельмо оставил коня подбежавшему Цзуго и пошел вперед. Ему было интересно скорее узнать, насколько этот человек выше, старше ли и вообще... отмерзнет или останется статуей? Подходя, Хельмо смотрел прямо и видел: его изучают так же пристально. Даже если бы замешательство заставило потупить, он наверняка почувствовал бы этот взгляд: у незнакомца оказались пронзительные, цветом как ненастная ночь, глаза. Он действительно был молод, зрение не обмануло.

Последние шаги они с Хельмо сделали одновременно и одновременно остановились. Молчание все висело, накаленное и нелепое. Что оно значило? «Давай, извиняйся»? «Кто

тебя сюда звал?»? «Беги, пока можешь»? Щеки – никогда он не мог сладить с собственной кровью – стремительно загорались, Хельмо это чувствовал. Это и отрезвило его: пожалуй, первым делом нужно сгладить нелепое появление, представить... естественно? Чтобы эти люди хоть не решили, что к ним прислали ратника; чтобы, как учил дядя, чувствовалось: «У царских особ рука верная, они все знают, что делают, а коли не знают – так вид умело делают». И Хельмо поступил, как, ему казалось, следовало: прижал ладонь к сердцу и глубоко, но с достоинством поклонился, не отводя глаз от бледного лица язычника.

– Добрый день. Рад видеть вас в наших землях. Надеюсь, ваш путь был спокойным.

«И, пожалуйста, скажите, что вам *просто* нравится свежий воздух...»

Последнее лишь подумалось. А заговорил он на языке Свергенхайма – впервые! Изучал в отрочестве, увлеченный легендами о Пустоши: освоил мудреную грамматику, запомнил немало слов, на простые фразы точно хватит. Хельмо думал, что удивит гостя: связи меж странами были слабы, мало кто из солнечных знал огненный язык, как и наоборот. Но командующий все не шевелился. Из-за тяжелых век под лихими изломами бровей лицо казалось небывало надменным, плечи хотелось хорошенько встряхнуть. Хельмо понял, что хмурится и это заметно: несколько ранних морщин на лбу, углубляясь, всегда быстро выдавали его недовольство.

Он уже запаниковал, но неожиданно что-то в изгибе полных губ командующего дрогнуло, уголки приподнялись, и... лицо сразу стало другим. Появилась блеклая улыбка, тень улыбки, заснеженная, как лица прочих рыцарей.

– Зачем вы склонились передо мной? – тихим низким голосом спросил язычник по-острарски. Хельмо замер. Речь звучала уверенно, хотя и грязновато: с придыханием, жестким «р» и неприятными, почти змеиными шипящими. – Кто вы такой и что вас привело?..

Ну, хотя бы заговорил. От сердца отлегло. Все так же не отводя глаз, Хельмо приподнял подбородок, назвался и кратко пояснил:

– Я – воевода государя Хинсдро. Я возглавляю Второе ополчение и должен встретить здесь союзников из Свергенхайма. Когда я увидел вас, то решил, что вы – их командующий. Если я не прав, прошу меня извинить, но в таком случае уже мне впору спрашивать, кто вы.

– Вы правы. – Вот теперь язычник, казалось, удивился. Удивление, как и улыбка, оживило его лицо, сделав намного приятнее. – Но вы так юны...

Хельмо не обиделся, но и не сдержал усмешки. Он уже подметил россыпь веснушек на коже нового знакомого, и они не придавали ему, при всем блеске и стати, ни солидности, ни умудренности летами. А вот царская особа вышла бы из него правильная, знает, как себя держать. Но не на того напал. Хельмо лукаво, с вызовом, склонил к плечу голову.

– Вы тоже, скажу прямо, не старец. Это умаляет ваши заслуги?

Цзуго сзади щелкнул языком, явно предупреждая: «Не дерзи, у них пушки».

– Простите, я лишь ждал другого... – командующий заметно смутился. – Кого-то из «старой гвардии» вашего царя. – Три «р» подряд превратили фразу в забавное рычание.

– Радует, что хотя бы ждали, но увы, старой... гвардии, – Хельмо выговорил иноземное слово с некоторым трудом, – почти не уцелело. И это, – он смягчил тон, опять внимательно посмотрел в глаза командующего, – возвращает нас к началу. Я склонился перед вами, потому что вижу в вас надежду. Огромную.

– Понимаю. – Командующий так же неотрывно глядел в ответ. – И вы можете на нас положиться. Во всем. Ваша надежда – наша надежда, прямо сейчас.

Подтекст последних слов был понятен, и эмоция, которая мелькнула там, на секунду сжала сердце Хельмо: он вспомнил детство, разговоры с Анфилом на маяке. Вот они какие – настоящие изгнанники из легенд, и изгнание это как печать, не заметить сложно.

– Я... – начал он, не зная, зачем, но осекся: язычник тоже глубоко поклонился, не отводя глаз, хотя на несколько мгновений их занавесили волосы. – А... как ваше имя?

– Янгрэд. С этим у нас так же просто, как у вас, заморских *фамилий* не носим. – Он слегка даже хохотнул, протянул

руку, и Хельмо с облегчением ее пожал.

Кольчужный доспех на нем был сегодня неполным, голая кисть легла в перчатку. Вопреки ожиданию, металл оказался не ледяным и не накаленным – теплым, как плоть. Каждая фаланга пальцев была отдельной деталью, меж собой все соединялось золочеными перемычками; золото выступало и из наплечников – короткими широкими шипами. С этим пожатием напряжение ушло, по крайней мере, больше не сковывало фраз и жестов. Теперь, когда встреча как-никак состоялась, Хельмо хотел задать этому Янгреду сотню вопросов – как насущных, о кампании, так и самых простых, вроде того, сильно ли потеют в такой броне. Но, вспомнив о воротах и о том, почему, собственно, начал с этого знакомства, а не с попыток призвать к порядку башенных стрельцов, он спросил о более важном:

– Что вы здесь делаете? В Инаду слали гонца с вестью, что придут союзники и их – как минимум высшие чины и наиболее уставшие отряды – нужно принять до моего прибытия. Разместить. Начать собирать городское ополчение. Так почему вы...

– Ваш гонец не добрался, либо его неверно поняли, либо произошло еще какое-то недоразумение, – ровно, но уже более хмуро отозвался Янгред. – Ни о какой расквартировке речи нет, да что там... – поверх плеча Хельмо он глянул на ворота, – попасть на ваши рынки, в ваши лавки и трактиры, в ваши, прошу прощения, бордели... всего этого нам не доз-

воляют. Мы стоим под этими стенами третий день.

– О боже, я должен извиниться! – услышав ровно то, о чем и догадался на холме, Хельмо не выдержал: схватился за голову. Гневно обернулся к Цзуго: – Вот видишь?!

– А чего ты ожидал, смотри, какая орава, кто угодно бы испугался! – предсказуемо отозвался тот, и Хельмо жестом велел ему закрыть рот. Янгред примирительно хмыкнул.

– Я пытался донести хотя бы до кого-то, что мы – орава дисциплинированная и даже не слишком прожорливая. Но ни одно значимое лицо к нам не выехало, как не было, впрочем, и попыток нас прогнать. У меня вообще ощущение... – он прищурился, – что город прикидывается мертвым. По этой дороге почти не въезжают и не выезжают; в порту, наоборот, движение оживленное... но скажем так, не все корабли похожи на купеческие.

– Лунный флот? – Хельмо встревожился еще сильнее. – Подождите, но...

– Пираты и шелковые наемники, – возразил Янгред. – Весьма много. Это нормально?

– Тоже нет, – упавшим голосом отозвался Хельмо. – Точнее, не совсем. Точнее... – Мысли спутались, он поджал губы и опять обернулся к Цзуго: – Так. Берем восьмерицу, официальные знамена и едем все выяснять.

– Официальные? – раздалось рядом. Янгред, оказывается, успел поравняться с ним и, наклонившись, уставился на красный флажок у Цзуго в руке. – А это разве не они?

Лицо его оставалось непроницаемым, но похоже, он... шутил?

– Не будьте так жестоки, – мрачно взмолился Хельмо, забирая у Цзуго свои поводья. – Как подведший вас представитель царя я заслужил это, но прошу о милосердии и форе.

Янгрэд выпрямился, снова улыбнулся ему – и покачал головой. Вроде бы укоризненно, но во всем движении сквозило удивительное, обнадеживающее дружелюбие.

– Скоро вы убедитесь, что я возмутительно добр, – уверил он. – Особенно когда мне все же открывают двери. – Он помедлил, металлически щелкнул пальцами, подзывая мальчишку с конем, и вдруг подмигнул Хельмо, напрочь руша свой королевский облик. – Ну что, поедem постучим?

* * *

Красивый образ – светлые волосы мягким курчавым ореолом, алый кафтан, алые сапоги. Грозный палаш, украшенный бирюзой, и статный белый инрог. Хельмо вряд ли отрядили в кампанию от безнадежности, вернее, только от нее: вид его напоминал о временах, когда среди острарцев не было такого количества темноволосых, темноглазых, смуглых. Смешалась солнечная кровь с чужой, порастеряла сияние, но в темные времена царь наверняка вспомнил: ничто так не толкает людей сражаться, как напоминание о единстве, о Великом Прошлом, где жилось ярче, проще, сытнее. Вот и по-

явился Хельмо. Светлый рыцарь, пусть слово это в Остраре не в ходу.

Как выяснилось, ему едва сравнялось двадцать; Янгреду в его двадцать пять разница пока казалась пропастью. Двадцать... время горячей головы и опрометчивого сердца. И никакого военного опыта, ну, разумеется, кроме местечковых дел. Зато характер. Уже сейчас Янгред видел: характера не занимать, и это ему на удивление нравилось. Понравилось, начиная с более чем эффектного появления с тряпкой, с пылающих щек и пристального взгляда. Кое-что еще и подкупило – готовность вот так, с ходу, восстанавливать союзников в правах. Правда, с каждой минутой Янгред все больше сомневался, что это удастся сделать, просто помахав монаршей бумагой и флагом.

Они опять стояли у ворот, а смешанный отряд – из шести огненных и восьми солнечных – ждал у подножья холма. Подъезжать не разрешили; Янгред и Хельмо даже спешили, стараясь всем видом показать миролюбие. Янгред, впрочем, уже знал: показывай не показывай – вряд ли поверят.

Хельмо казался спокойным, только рука, судорожно сжимавшая древко флага, выдавала тревогу. Тревожиться было отчего: ему в голову глядело дуло мушкета, торчавшее меж башенных «ласточек». Часовые, впрочем, стрелять не спешили – просто вели с воеводой пустопорожний спор по третьему кругу. Янгред понимал: он сводился к «Вы обязаны

меня впустить» – «Наместник не позволяет». Но здесь понимание заканчивалось: речь была беглой. Янгред куда лучше знал вышедший из имперского языка лунный диалект, мало отличный от солнечного в основах, но разнившийся деталями: протяжным произношением, прищептыванием, нагромождением учтивых форм. А то, что говорил Хельмо и что ему отвечали, напоминало недовольный птичий клекот.

– Сколько у вас воинов? – спросил Янгред, воспользовавшись тем, что часовые начали совещаться. – Может, вы все-таки могли бы войти силой, если мы не станем вмешиваться? Вы-то действуете от имени царя...

– Людей мало, – процедил сквозь зубы Хельмо. На огненном наречии он говорил чисто, разве что ошибался в ударениях, а паузы делал коротковатые, из-за чего слова сливались. – Пока. И едва ли удастся это поправить, если я начну с клинка, а не со слов. Этот город... скажем так, давно должен нам. Но это не те долги, которые надо выбивать.

Янгред задумался. Не то чтобы он удивился, но слово «мало» не сулило легкого похода. Одни боги знают, сколько оstrarцев готовы примкнуть к этому горе-герою, как бы не пришлось отвоевывать все своими силами. Брала досада: а ведь Хинсдро в письмах всячески избегал конкретных ответов на вопрос «Какой армией вы располагаете?». Не оттого ли, что ответ был «Никакой»? Но Хельмо теперь выглядел таким напряженным и огорченным, что Янгред сжалился, просто кивнул и ободрил его:

– Здорово. Тогда, может...

Закончить он не успел. Глаза Хельмо блеснули, он – надо сказать, довольно гордо – вздернул подбородок и снова позвал часовых. Старший, с серебряными нашивками на груди и плечах, откликнулся, облокотился на «ласточки». Хельмо заговорил с ним еще быстрее, еще горячее, чуть выше подняв флаг. Янгрэд прислушался. Поняв суть нового – весьма скверного – предложения, он не сдержался и вмешался:

– Вы с ума сошли!

Но Хельмо, не поведя и бровью, твердо, медленно закончил:

– Я готов войти безоружным и один, если необходимо. Я доверяю Инаде и ее наместнику так же, как государь, просящий помощи. Но недоразумение нужно срочно уладить. Поверьте, мне хватит одного разговора, меня *должны* здесь ждать.

Последовало новое шептание наверху: трое часовых пытались что-то решить. Наконец старший опять развернулся, огладил бороду, смерил Хельмо крайне неприветливым взглядом и ответил – тоже достаточно медленно, чтобы Янгрэд понял:

– Хорошо. Вы можете проехать. Без дружин.

Двое из трех часовых исчезли – видимо, начали спускаться, чтобы отворить ворота. Хельмо посмотрел на Янгрэда и натянуто улыбнулся. Пальцы у него совсем побелели.

– Слава богу, я и на это не надеялся. Похоже, они очень

напуганы и видят в вас захватчика, во мне – какого-нибудь Самозванца. Война уже пустила здесь корни... Беда.

Улыбка быстро сползла с его лица, необычные морщины на лбу прорезались четче. Янгред его понимал: впереди, если все действительно столь плохо, маячила перспектива убийства испуганной толпой, готовой броситься в ответ на любое неосторожное движение или слово. И на этот риск Хельмо только что согласился сам.

– Насколько я помню, – Янгред в мыслях восстановил политические карты, которые изучал перед походом, – Инада была до Вайго вольной? Вы ведь знаете?

– Верно. Мне ли не знать. – Хельмо потер лоб. – Но нас связывает много лет дружбы, поэтому я иду... – он, конечно, лукавил, – без страха. Иначе нельзя, Янгред. Я должен прочесть государев указ и объявить созыв ополчения или убедиться, что эта работа уже делается. И я хочу, чтобы ваши отряды все же отдохнули здесь хоть немного.

– Знаете... – Янгред говорил за себя, но не сомневался: офицеры бы его поддержали, – чем больше я смотрю вот на это лицо, – он кивнул на бородатого часового, даже не думающего сместить прицел, – тем меньше мне этого хочется. У вас... м-м-м... и на природе живописно. – Он невольно процитировал брата. – Речка, птички, цветочки...

Он увидел улыбку, от которой осекся: у Хельмо лучились, становились все более спокойными глаза. Он слушал внимательно, с эмоцией, которую Янгред не сразу прочел, а когда

прочел, очень удивился. Благодарность? За что?

– У вас длинный путь позади, и вы наши союзники. Девиз Острары – «Солнце согреет всех»; многое у нас держится на доверии, а вот это, – он махнул вбок, явно пытаясь охватить лагерь, – вопиющее нарушение обычаев. Вас велено было принять. Я сомневаюсь, что с гонцом что-то случилось, в этих краях пока безопасно, значит, приказа просто послушались. И, тем более, – Хельмо понизил голос и перешел на огненный язык, – я должен проверить ваши сведения о кораблях. Ну... – Он вслушался. С той стороны ворот звучали шаги. – Пожелайте мне удачи. Если не опасаетесь, подождите тут. Не давайте людям делать глупости, моя дружина беспокоится. Или... – Говоря, он уже сделал шаг вперед, потянул за собой коня. Тот нервно упирался. Его сложно было не понять.

– Если мои познания ардарского языка чего-то стоят, – прервал Янгрэд, который за время длинного монолога успел принять единственно верное в такой безумной ситуации решение, – ваше «вы» подразумевает не только почтительное обращение, но и двух и более человек. Мне же позволили проехать с вами, так?

Хельмо замер, глянул почти оторопело. Это задело, Янгрэд повторил вопрос тверже.

– Мне не хотелось бы оставлять кампанию без головы, – услышал он, прежде чем успел бы возмущенно уточнить: «А вы что думали, я вас брошу?»

– А мне хотелось бы сохранить обе наши головы, – уверил Янгред. – Ваша определенно имеет ценность. Мне-то ополчение никто не соберет.

За воротами отчетливо заскрежетало: отодвигали тяжелые засовы. Первый...

– Я с вашими людьми не справлюсь точно так же, – Хельмо опять дернул коня.

...Второй.

– У меня в случае чего мгновенно отыщется не один преемник, еще выбирать будете, – подначил Янгред, уже ведя следом свою лошадь.

– Да о чем вы, я не хочу никого выбирать! – слегка вспылал Хельмо, упрямо хмурясь. – Когда вы сказали «Поедем постучим», я думал, вы пошутили...

Он, похоже, говорил серьезно, не играл в храбреца. А ведь даже инрог посматривал на него со скепсисом, а на ворота – с опаской. Мог бы – спросил бы: «Свихнулся, хозяин?»

– Я не отпущу вас туда одного, – предупредил Янгред, медленно кладя вторую ладонь на рукоять меча. – И я не разбрасываюсь такими шутками. Просто подумайте еще о том, что в случае чего в вашей смерти обвинят меня. Вы верно сказали, мы союзники, а значит, в той или иной мере мне подобает... защищать вас? И вам придется это принять.

Хельмо вдруг усмехнулся, скорее устало, чем едко, и любопытствовал:

– Ну а вы-то в случае чего примете мою защиту? Или это

выше вашего достоинства?

Это тоже отозвалось: что не запетушился как балованный юнец, не вздернул нос со словами «Мне не нужна ничья защита», что глянул так серьезно, будто ответ правда что-то решал. И Янгред без колебания кивнул:

– И защиту, и гостеприимство, и все, что угодно. Но только на равных.

Лязгнул третий засов. Хельмо облизнул побелевшие губы.

– Это звучит здраво. Что ж... тогда с богом?

Ворота уже скрипуче, нехотя отворялись; на синих створках сверкал перламутр. Янгред снова потянул лошадь за собой, и инрог Хельмо тоже наконец перестал упрямиться.

– С богами.

Пустой въездной двор окаймляли голубые одноэтажные здания, наверняка казармы. Едва Хельмо с Янгредом вступили в ворота, как створки начали закрываться – все столь же медленно, но будто бесповоротно. «Попались», – мелькнула унылая мысль. Перламутровые киты соприкоснулись лбами; проскрежетал с натугой задвигаемый засов – один из трех, нижний; толкали его, как оказалось, сразу четверо. Два других засова оставили незапертыми, что внушало некую надежду выбраться живыми. Или опасение, что трупы вышвырнут на дорогу достаточно скоро и часовые просто лентяят делать двойную работу.

– Мы едем на лобное место, где я зачитаю государев указ, – объяснил Янгреду Хельмо. – Это ближе к порту, в

противоположной части города. И как раз...

«Проверим гостей». Но это он разумно опустил, начал громче повторять первую фразу, обращая ее уже к подошедшему часовому – крупному мужчине с яркими полосами проседи в черных волосах. Судя по красным нашивкам на уже привычном голубом кафтане, это был начальник, вроде башенного коменданта. Тот выслушал, кивнул и скрылся в ближней казарме. Скоро оттуда стали один за другим выходить стрельцы помоложе – все так же в голубом, в ослепительно начищенных, как для парада, сапогах. Их высыпало с дюжину, и они безмолвно выстроились шестерками по обе стороны от гостей. Янгрэд пригляделся: кольчуги под кафтанами были плотнее той, что носил Хельмо; у четверых – двух, что открывали шествие, и двух, что замыкали, – вместо бердышей и пистолетов были мушкеты. Вновь подошедший комендант потребовал у Хельмо сдать оружие, буркнул что-то, покосившись на Янгрэда, – и под виноватым взглядом солнечного воеводы тот понял, что требование распространяется на обоих. Да... приятная будет прогулка. Стрельцы сомкнулись плотнее.

– Почетное сопровождение, – поморщился Хельмо, вновь садясь на коня.

– Полное вооружение, – желчно подхватил Янгрэд, следуя его примеру. – Не слышал, чтобы вы были так хорошо обмундированы, эти мушкеты совсем новые...

– Мы и не... – лаконично, но понятно отрезал Хельмо.

Судя по виду, ему было крайне интересно, где наместник нашел деньги на все эти элементы устрашения. — Это при Вайго всего было много, а сейчас пришло в негодность. Дядя не успел закупить до войны. Мы и пули-то бережем, полагаемся больше на клинки.

Бородатый часовой что-то гаркнул с башни, комендант — с крыльца. По взмаху его руки Хельмо, Янгред и их молчаливый конвой двинулись в путь. Дула мушкетов не целились в спину, но Янгред их ощущал. Или это на него так смотрели? Он предпочел не задумываться и, отвлекаясь, стал озираться. Стоило хорошенько запомнить путь, все возможные укрытия — дворы, галереи, арки, канавы, подъемы на крыши. Да и архитектура оказалась живописной: голубые здания, украшенные фресками; высокие золоченые шпили; неизменные флюгеры в виде морских коньков, рыб, кораблей и чачек. На некоторых крышах были разбиты цветники и целые сады, окна пестрели розами и выюнами. В жилых кварталах над головой замелькали арочные балкончики-мостики: они соединяли верхние этажи домов. Между балкончиками тянулись веревки, на которых что-то сушили. А еще всюду попадались фонтанчики в виде всевозможных морских гадов. Они прятались в самых неожиданных закутках.

Посматривая на Хельмо, Янгред видел: его лицо окаменело. Он и не думал любоваться видами, лишь, поджимая губы, глядел вперед. Так боялся? Или тоже строил планы отступления в случае... В случае чего?

– Все в порядке? – прошептал Янгред, скорее, чтобы напомнить: «Вы не одни».

– Да, конечно, – прозвучал тусклый голос. – Я готовлюсь. К смерти, что ли? Ах нет, у него же есть здесь главная цель.

– Что вы скажете горожанам? – поинтересовался Янгред. – Это всегда сложно – поднимать на борьбу тех, кто не борется сам. Вы хорошо произносите речи?

Хельмо вздрогнул, повернулся, но посмотрел, будто не видя. У него, Янгред не мог не обратить внимания, были по-детски большие глаза, и пустота в них тревожила.

– Речи... – наконец затравленно повторил он, – никогда особо не пробовал. Что скажу? Правду, ничего больше у меня нет. Заодно и вы ее услышите.

Не сговариваясь, общались они на солнечном языке: иноземная речь могла разбудить в стрельцах больше подозрений. Янгред решил не мучить Хельмо дальше, слова явно давались ему тяжело. Правильнее было дожждаться, пока он совладеет с собой. К тому же кое-что в сопровождающей компании внезапно изменилось и отвлекло внимание.

Если поначалу горожане лишь провожали всадников и стрельцов взглядами, то теперь некоторые начали присоединяться к ним. Сзади уже двигалась толпа, преимущественно дети, но все больше появлялось и взрослых. Люди видели красное «царское» знамя, особенно яркое на фоне голубых холодных стен, видели юношу в «царском» же кафтане, ви-

дели необычного иноземца — и галдели, обмениваясь догадками, что происходит. Кто-то даже звал Хельмо по имени, махал — в основном, хорошо одетая молодежь, пытавшаяся пробиться ближе. Янгрэд ловил интонации, вроде не враждебные, а вот шепоток «Рыжий какой, глянь...» звучал более встревоженно. Когда какой-то мальчишка из толпы догнал его лошадь, Янгрэд приветливо наклонился, протянул руку, но ребенок сразу отпрянул.

К Хельмо пробились два молодых воина. Это не были стрельцы; судя по скромному обмундированию и отсутствию голубых деталей, скорее, чья-то личная стража. Хельмо узнал их, заулыбался. Они заговорили, опять слишком быстро, чтобы Янгрэд понял, потом еще понизили голоса. Янгрэд отвернулся и снова глянул вперед. Улицы расширились, на площадях запестрели рынки. Подкрался шлейф «приморских» запахов: соленая вода, пряности, кофе, скот, благовония, порох. До порта явно было недалеко.

— Все чуть лучше, чем я думал, — тихо сказал Хельмо, окликнув Янгрэда. Теперь он использовал огненное наречие, а его знакомые, повинаясь сердитым жестам стрельцов, уходили. — Гонец был, разговоры об ополчении идут...

— Славно, — неопределенно отозвался Янгрэд, чувствуя: это не все.

— ...но не так широко, приказ не зачитывался, то есть речь сказать придется, — Хельмо натянуто улыбнулся.

— Почему не зачитывался? — уточнил Янгрэд. — Разве не

обязанность наместников доносить до народа волю царя?

— Наместник Кáрсо Буйноголовый... — Хельмо вздохнул, понизил голос, — у него что-то стряслось, мне начали говорить о *беде*, — он покосился на ближнего стрельца, — да закончить не успели, сами видели. Пойдем на месте: наше появление вряд ли останется без внимания. Кто-то точно уже несет весть Карсо, он прост нравом, дружен со всеми оборванцами, все от них узнает. Скоро мы его увидим. — Он все же слегка улыбнулся. — И, кстати, думаю, он вам понравится. Очень добрый и... живой, что ли?

— Судя по прозвищу, вероятно! — Янгрэд улыбнулся в ответ. — Обязательно выражу восхищение чистотой этих, — он кивнул на стрельцов, — сапог. И гостеприимством.

Хельмо потупился, разгадав упрек, но потом все же усмехнулся. Янгрэд подмигнул ему, а вот внутренний голос, увы, так бодро настроен не был. Пальцы все крепче сжимали поводья, на поясе все острее не хватало меча. Что-то *ненастоящее* витало в воздухе — ясном, прогретом, сладком. Что-то фальшивое грохотало в стройной поступи. Что-то давило со всех сторон, черной гнилью расплзаясь по голубым стенам и пестрым фрескам, но что?

Он не понимал. И это непонимание тревожило даже больше, чем безоружность.

3. Вдовье горе

Он увидел их издали – ладные корабли из темного дерева, с темными же парусами – синими, серыми, багровыми. Но не по парусам и не по древесине он их узнал, а по носовым фигурам – посеребренным волкам с глазами-корундами, золоченым крысам, ряженным в жемчуга. Пиратская Вольница. Пиратская Вольница и правда зачем-то прислала Карсо свои силы, если, конечно, может прислать силы страна, которой нет.

О тех землях – скопище островов, зовущемся чужеродно и рычаще, «Гара-Гола» – Хельмо знал мало. Находились они на другом конце мира, дружить с Остаррой никогда не рвались. Вроде люди поселились там три сотни лет назад, после каких-то волнений в Цветочных краях; вроде были это сплошь изгнанные графы, бароны и прочие правители, да все одичали, обозлились, выстроили диковинные суда, работающие не на ветре, а на огне, – и ударились в морские бои. Составляли Вольницу три не то ордена, не то гильдии: Соколы, Крысы да Волки. Если первые, как правило, нанимались служить в страны со слабым флотом, то вторые и третьи предпочитали разбой: Крысы за звонкую монету, Волки – из принципа и ража. Что Крысы и Волки забыли здесь?.. Ладони похолодели, но Хельмо быстро успокоил себя: это же Инада, с ней в вольные времена у пиратов имелись связи. Они

приходили сюда на зимовку, здесь были их притоны, рабские рынки, таверны, тайные пещеры-сокровищницы, храмы, где они могли помолиться своим богам – Рыжей Судьбе, Королю Кошмаров, Слепому Судье... Но ведь это в прошлом. Вайго присоединил город. Ничего не запретил, кроме кровавых жертвоприношений и торговли детьми, но дал понять: не рады тут пиратам, не повесят, но и не поцелуют. Вайго был лих, да только равных себе по лихости не любил.

Шелковых наемников прибыло меньше, но их корабли Хельмо тоже опознал – по красным носовым фонарям и парусам, поблескивающим серебром. Боже... они даже не пытаются скрываться, просто пришвартовались и, возможно, наблюдают за ним прямо сейчас. Но не атакуют? Он задумался. Переглянулся с Янгредом, тот вопросительно поднял брови. Скорее всего, опять пытался выяснить: «Это для вас нормально, такие гости?» Хельмо пожал плечами. Нет... не надо нагнетать, пока он не пообщается с Карсо.

Лобное место выступало над портовой площадью. Оно было обнесено заграждением из золотистого шпата; камни, расходясь лучами, образовывали солнце. Округлый центр и был возвышением; там сияло второе «светило» – подвешенный на крепких опорах, отлитый из желтого металла священный набат. Не доезжая пары десятков шагов, Хельмо начал спешиваться. При мысли, что придется подняться, привлечь всеобщее внимание, заговорить, опять бросило в дрожь. Мелькнуло опасение: «Вот тут-то пираты меня

и застрелят». Янгрэд будто прочел его мысли, спросил предупредительно:

– Я могу вас сопровождать? На вас лица что-то нет...

Стало неловко, но каким мучительным был соблазн кивнуть. Может, хоть блистательная фигура рядом придаст речи весомости? Немое: «Вот они, союзники. Вот кто нас спасет. Записывайтесь в отряды!» И Хельмо прошептал одними губами: «Пожалуйста».

Площадь бурлила: лепились друг к другу косые лавчонки и пестрые навесы, и фонтан в виде скопища угрей, стремящихся к небу, – у него многие спасались от жары. Поблизости высился белокаменный, с лазурными куполами храм, на ступенях которого сидели старухи и юродивые. Никто не обращал на Хельмо внимания, а конвой не спешил помогать его привлечь. Сгрудившись, стрельцы как ни в чем не бывало заговорили, загоготали. Хельмо окликнул ближайшего, с мушкетом, но тот словно не слышал. «Разбирайся как знаешь». Это явно был вызов, но Хельмо не стал его принимать: себе дороже тратить время на склоки. Привязав Илги и развернувшись, он пошел к лобному месту; Янгрэд последовал его примеру. Никто не остановил их – уже неплохо.

Молот, скорее всего, хранился у священников или у наряда караульных – по крайней мере, рядом с набатом не было ничего похожего. Хельмо пару раз крикнул: «Люди! Народ Инады! У меня указ!», но услышала его лишь притаившаяся за занятым зрелищем толпа из соседних кварталов.

Здесь же горожане продолжали сновать туда-сюда: торговались, поругивались, кто-то как раз поймал за ухо воришку, потянувшегося к чужому кошельку. Хорошо бы выстрелить в воздух, да только оружия не было.

Хельмо чувствовал пока не раздражение – недоумение. Никто ни намеком не предупредил его на выезде, что в Инаде ополчение не ждут. Как вообще заявить о полномочиях, где Карсо? Можно только вообразить, что думает Янгред: ничего не подготовлено, не организовано, все через... через лошадиный круп! Кулаки невольно сжались. Нет, нет, нет... он ничего не испортит.

– ИНАДЦЫ! – взревел Хельмо громче и ударил по набату. Хотел кулаком, но в последний момент разжал, побоялся богохульства, и удар потонул в площадном шуме. На рассеянных фалангах пальцев выступила кровь.

– Почем рыба? – орал кто-то, тыча в разложенные на подтаивающем льду тушки.

– Я тебе, я тебе! – честили воришку у одежной лавки.

– Пойдемте плавнем! – зазывали друг друга гуляки, вываливаясь из винодельни.

Хельмо глубоко вздохнул, замахнулся повторно, но услышал:

– Позвольте, я помогу, это я умею.

Ответить он не успел: Янгред ударил в набат. Даже не замахивался: наверное, тоже опасался, что обвинят в святотатстве, но все равно удар металла о металл прозвучал даже

зычнее, чем Хельмо ожидал, – грохнул, раскатился в знойном воздухе. Ослепительно сверкнуло солнце – оно как раз отразилось в золотом круге. Хельмо схватил Янгреда за руку, чтобы как можно меньше людей заметило, как язычник прикоснулся к солнечному символу. Стало так тихо, что было слышно: под крышей ближнего дома возится в гнезде голубь. Воришку выпустили, пьяницы замолкли, юродивые – даже калеки – начали вставать. Одна за другой к лобному месту поворачивались головы.

Хельмо осознал, что еще держит Янгреда за кисть, поймал усмешку вкупе с очередным приподнятием бровей и торопливо отпустил. Стало еще более неловко, захотелось даже извиниться, но эту глупость нужно было скорее отбросить. И он отбросил – улыбнулся, шепнул: «Спасибо» и, крепче сжав флаг, шагнул вперед. На него смотрели в ожидании, и отчего-то под этими взглядами рука, потянувшаяся за пазуху, замерла. Нет... не нужно по бумаге.

– Инадцы, – повторил он громко, но ровно, зная: теперь-то его слова ловят, а не выбрасывают небрежно под ноги. – Инадцы, я прибыл от царя Хинсдро, прибыл с дурной вестью. В Остраре началась война.

Мало кого могло бы это удивить. Ну не глухие же отшельники здесь жили, знали, что Самозванка уже на северо-западных берегах. Но может, так действует любая изреченная правда: бьет оглушительно, как закованный в металл кулак по набату. Тишина вроде не могла стать гуще, но стала, и

несколько отдельных горестных возгласов — женских и детских — взрезали ее ножами.

— Вы вряд ли рады мне и, похоже, меня не ждали, — продолжил Хельмо, скользя по толпе взглядом: как вытягиваются лица, потупляются некоторые головы, разбегаются шепотки. — Но я здесь, чтобы не оставлять вас в неведении и... — потребовалось промедление, — просить помощи. Первое ополчение, все лучшие воины, уже защищают Остару. Их берут измором, их калечат и пожирают... — говорить этого он не хотел, но должен был и сразу, кожей, почувствовал холод чужого страха. — Их сил хватит еще на некоторое время. Но чем дальше продвинется Самозванка, тем сложнее будет. Пора готовиться к обороне, собирать второе ополчение, и мы уже начали делать это, начали по всем храбрым землям... — он понял, что частит, перевел дух, опять оглядел толпу и добавил то, что, как он надеялся, воодушевит ее: — Впрочем, мы будем биться не одни. У нас есть друзья.

Рука еще кровоточила, когда Хельмо положил ее на плечо Янгреда. Тот, прежде глядевший вниз, тоже посмотрел на толпу и слабо, заледенело улыбнулся. Наверное, ему было неуютно. Наверное, он привык к своему лихому народу, всегда готовому драться. Здесь же... здесь он не мог не заметить ужас, выглядывающий из каждой пары глаз. Янгред ничего не сказал, только, приложив ладонь к груди, слегка поклонился, и солнце заблестело в его наплечниках, запуталось в волосах. Это было величественно; люди, кажется, впечатли-

лись, потому что опять воздух зазвенел шепотками.

– А они-то нас не захватят? – выкрикнул вдруг кто-то из гущи людей у фонтана, и людское море загудело. А правда?

– А поживем – увидим! – в тон ему, так же дерзко ответил за Хельмо Янгред, и неожиданно это встретили целой россыпью смешков.

– Если не верить союзникам, кому верить? – Хельмо сказал это громко, подняв руку в призыве замолчать, после чего продолжил: – Но это не ваша, поверьте, не ваша забота: я возглавлю ополчение и только мне вести вперед это пламя. Вас тронут, только если тронут меня. И касается это... любой дурной воли. Клянусь.

Он чувствовал себя странно: будто его охватывает невидимое пламя. Может, у него горело лицо, может, просто он наконец упарился, а может, Янгред смотрел с таким вниманием, что становилось жарко. Хельмо облизнул губы. Было немного дурно, но он собрался и продолжил о более насущном: о том, где и как можно будет записаться в ополчение; о направлениях, в которых Самозванка еще не преуспела; о защите столицы, к которой обязательно нужно будет вернуться. Его слушали, не перебивая. Дядю он старался не упоминать: понимал, что обязательно услышит что-то вроде: «А где сам царь? Прячется?» Пойдут за ним, за Хельмо... значит, ему и сулить, и утешать, и ободрять. Закончил он тихо, просто, понимая: ничего не выдумать лучше:

– Не пойдете – что ж. Мы не просто потеряем свои до-

ма. Не просто будем убиты, ограблены, съедены на кровавых пирах. Мы будем стерты как народ. Небесная луна лишь отражает свет солнца, а на земле станет наоборот. Я этого не хочу.

Хельмо замолк. Тишина надвинулась, стала еще пронзительнее, но наконец раздались хлопки, все чаще и чаще. Они сопровождались криками; некоторые в толпе склонялись, другие напирали на них, чтобы подобраться ближе и о чем-то спросить. Гвалта, не разделяемого на отдельные фразы, было много. Но один голос, словно колокольчик, вдруг вырвался из гулкой пелены и заставил замолчать все прочие:

– Чудесно! Пропустите, пропустите меня, мои люди! Не видите, кто идет?

Это воскликнула женщина в ближних рядах – она и захлопала первой. Разумеется, Хельмо сразу ее узнал, и сердце опять екнуло, но иначе. Он облегченно улыбнулся.

С ней была стража, но не стрелецкая, вместо молодцов в голубом – быстрые сероглазые люди в черной кисее и золоте, в плотной чешуе и остроконечных шлемах, сплошь длинноволосые. Выходцы из Шелковых пустынь, такие же, как та, кого они сопровождали.

– Какая речь, мой юный друг! – повторила женщина и грациозно, величественно скользнула вперед. – Каким ты стал взрослым!

Янгрэд с любопытством, пожалуй, бесцеремонным, на нее уставился, но Хельмо сложно было его не понять. Как может

не поразить такая дикая, точеная красота?

– Имшин Велеречивая... – выдохнул он и тихо пояснил Янгреду: – Это супруга наместника Карсо.

Она почти летела, а пред ней расступались. Одета она была в синюю хламиду, шитую перламутром, но Хельмо знал, под этим нарядом, как обычно, полупрозрачные шаровары и открытый лиф, а пупок проколот. Волосы, тяжелые, черные, гладкие, трепетали на ветру. Мерцающий взгляд раскосых серых глаз еще острее делала красная подводка; лицо – свежее, золотисто-смуглое – могло бы принадлежать деве. Мало кто угадал бы истинный возраст этой чарующей женщины, у которой росли два сына, рожденных в один год с Тсино. Хельмо никогда и не пытался, помнил ее вечно юной.

– Ты все же здесь! – проговорила она, подступив. – Что ж, добро пожаловать.

Хельмо поклонился, но Имшин тут же рассмеялась и подцепила его подбородок тонкой, униженной звенящими браслетами рукой. Жест был нежным, хотя багровые коготки и впились в кожу. По пальцам тянулся черненный рисунок: волны, линии, а обильнее всего – обережные треугольники, символ чужого божества.

– Государеву племяннику негоже склоняться перед супругой городского головы, милый, – строго сказала она, и Хельмо почувствовал, как заливается краской.

– Мужчине подобает поклониться красивой женщине, Имшин.

Украдкой он заметил, как нахмурился Янгред, как шевельнулись его губы, повторяя: *«Государев племянник?»* Запоздало Хельмо осознал, что не сообщил союзникам таких подробностей, представился лишь воеводой, побоялся заискивания... Он вообще не любил дуть щеки, не считал важным родство с царем. А еще, что таить, постеснялся раскрывать положение при дворе, когда опростоволосился перед блистательным, гордым, взвешивающим каждое слово Янгредом – простым офицером.

– А ты, похоже, знаменитый рыцарь счастливой звезды, Огненный Янгред... – продолжила Имшин. – Не думала, что увижу тебя воочию.

Она смотрела с таким же цепким любопытством, как он на нее. Глаза встретились, губы изогнулись в одинаково прохладных улыбках. Это читалось: Имшин встревожена присутствием иноземца, пусть и не скажет об этом из расположения к Хельмо. Янгред же... скорее всего, он насторожился, услышав свое имя. Не кланяясь, он ровно спросил:

– Я столь приметен среди других офицеров Свергенхайма?

Глаза Имшин блеснули. Разговор напоминал поединок.

– Ты один из немногих, кто покинул его и прославился. И также, – она помедлила, – один из немногих, столь похожих на его покойного короля, точно... плоть от плоти его?

Теперь опешил Хельмо, метнул на Янгреда взгляд и заметил смущение. Тот, похоже, понял подтекст: сжал губы,

опять обратился в ледяную статую. Мог ли «простой офицер» быть... принцем? И ведь тоже не признался! А похоже, еще Цзуго что-то такое заметил! Хельмо облизнул губы и почти тут же осознал: не обижается. С чего обижаться, если у обоих по мешку секретов за плечами? Имшин тем временем, решив, видимо, оставить в покое тайны чужой крови, снова обратилась к нему:

– Я рада, что ты здесь. Рада, что государь в добром здравии. И... – вздохнув, она опять глянула на Янгреда, – рада, что ты обзавелся союзниками. У тебя сейчас трудное время.

– У нас, – робко поправил он. Что-то его встревожило.

– У нас, – нехотя повторила она, замолкла, и пришлось самому перейти к сложному, неприятному, но неминуемому:

– Почему вы не пустили, – Хельмо кивнул на Янгреда, – их? Они стоят под стенами несколько дней. Мне доложили, что гонец был, предупреждал. И... – вопрос о кораблях он пока опустил, спросил главное, от чего и теперь тревожно щемило в ребрах: – Где наш славный Карсо, неужели еще спит? Почему ты встречаешь меня, а не он?

Вопросы упали камнями, тяжело и звучно. Хельмо опять попытался улыбнуться, не зная зачем, – не облегчит улыбка дурной ответ. Не вышло; наверное, лицо, скорее, покривилось. Такая же судорога исказила черты Имшин. Не отвечая, она медленно подняла к глазам Хельмо левую руку, провела ею вправо-влево. Тоненькое деревянное колечко на среднем пальце было черным как уголь.

– О Господи, – прошептал Хельмо, едва не отпрянув. Все стало ясно. – Нет, нет...

– А они, – отозвалась Имшин, другой рукой поведя в сторону моря и кораблей, – прибыли проводить его и поддержать меня. Говорю на случай, если они тебя напугали.

Хельмо молчал. Колени предательски подрагивали, горло сдавило. Он сглотнул.

– Что случилось? – поинтересовался Янгрэд хмуро, и Имшин, видимо, сжалившись над потрясенным Хельмо, пояснила сама:

– Это венчальное кольцо, Огненный Янгрэд, светлое, из орехового дерева... было светлым. Пока не умер мой супруг. Это произошло две седмицы назад.

Немало стоили ей слова. Она опустила голову, сжала зубы так, что заходили желваки, нервно оправила волосы, звякнув сережками. Ресницы дрогнули, потом сомкнулись веки – тоже покрашенные алым, напоминающие рыбок. Было похоже, что Имшин с трудом сдерживает то ли слезы, то ли крик.

– Мне очень жаль... – все, на что Хельмо хватило. «Как не вовремя» – чуть не сорвалось с языка, но это он удержал. Имшин грустно кивнула.

– Мы не думали, что это случится, да еще так нелепо. Его одолела лихорадка, он долго боролся и даже переносил на ногах, продолжал трудиться... – Она потерла лоб. – Ты же помнишь, каким грязным был раньше этот город; знаешь, какие тут свирепствуют ветра и как любят все пить из этих

гадких фонтанов, хоть мы и запрещаем. Мы болеем каждый раз, как приходит Зеленая Сестрица, и неоднократно, всем чем можно, разносим заразу, и вот... Карсо нет. Многие подавлены и напуганы. Городом управляю пока я.

Хельмо покачал головой. Принять вестъ он еще не мог, сказал, будто это что-то меняло:

– Но об этом не сообщили в столицу... – он запоздало понял, что звучит это как упрек. Имшин оправдываться не стала.

– Хельмо, мы едва-едва оправились. Вести ныне идут неважно, и я не решила послать их. Если перехватит Самозванка, если узнает, как мы стали беззащитны, если придет... – Имшин всплеснула руками. Она все сильнее начинала волноваться. – Ох, Хельмо... Я же не воин! И если бы не славные друзья... – Она опять обернулась на корабли.

– Не знал, что Карсо успел так... тесно подружиться опять с пиратами. – Хельмо мысленно пересчитал «крысиные» и «волчьи» корабли, прикидывая, сколько их еще может стоять в дальних бухтах.

– Не вижу ничего дурного в пиратах, – довольно холодно возразила Имшин и посмотрела теперь на шелковые корабли. – Да и многие мои прежние соотечественники наняли их просто как охрану, чтобы пересечь море. Не все пустынные – воины.

– Да, помню... – Хельмо, поколебался и уточнил: – А когда они уйдут?

Имшин ужалила его взглядом. Он пожалел о вопросе.

– Странно слышать подобное от коренного остарца, в крови которого уважение к законам гостеприимства. Они нам не мешают, они даже привезли мне подарки...

– А вот эти гости остались под стенами, – все же решился повторить Хельмо, кивнув на молчащего, о чем-то задумавшегося Янгреда. Ссориться он не хотел, поэтому мирно, полусхотливо уточнил: – Тебя извиняет то, что ты все же не коренная остарка?

Имшин улынулась, невесело, но и без желчи. Опять посмотрела на Янгреда и, окликнув его, проговорила:

– Посмотри, он стыдит меня, словно девочку. Но я не в обиде. Поймите правильно оба: я боялась многого. Что горожане, которым не ясна обстановка в стране, перепугаются; что мы не справимся с таким количеством... вас, что вы заболеее, напившись из наших фонтанов, с которыми, как я уже говорила, беда... и, в конце концов, что вы – не вы.

– Понимаю, – уверил Янгред. Хельмо сейчас смотрел, в основном, на него и видел то, что и при знакомстве: лед. Он все же был задет, как ни пытался это смягчить. Тем не менее, помедлив совсем чуть-чуть, он прибавил: – И даже поддерживаю, это разумно в военное время.

– Но, конечно, так нельзя, – твердо продолжила Имшин и улынулась теплее. – Прости меня. Твои люди, самые уставшие, могут перебраться на постой. У нас всегда пустует часть казарм, прежней армии ведь давно нет. К тому же, не думаю,

что это займет много времени. — Она бросила рассеянный взгляд на стоявших перед лобным местом шелковых. — Вы ведь, если я не ошибаюсь, скоро собираетесь в путь.

— Не займет... — так же рассеянно пробормотал Янгред. — Спасибо за щедрое приглашение. Пожалуй, я его приму.

Имшин оживилась. Кажется, она правда чувствовала вину и теперь радовалась.

— Скажи, сколько солдат придет к нам? Нужно же подготовить им кров.

— Четыре сотни... — медленно, что-то считая в уме, сказал Янгред, — разместятся?

— Вполне! — Она продолжала внимательно на него смотреть. — А командующие? Я могла бы предоставить вам покои в нашем... моем Голубом замке. Это честь — принимать вас. Я даже почтила бы это пиром, пусть и горюю по Карсо... — Снова губы дрогнули в слабой улыбке, она перевела взгляд на Хельмо. — А ты что скажешь, милый? Это ведь касается вас обоих, тем более тебя я давно не видела.

Хельмо поймал взгляд Янгреда — и «Да» не слетело с губ. Он сам скучал по жене Карсо, по ее чудным мальчишкам, чьей любимой забавой было заклинять змей, и все же... в приглашении многое виделось неправильным — прежде всего, то, что заночевать в тепле удастся далеко не всем. Несколько сот наемников, а остальные? Конечно, он не сердился, опасения и некоторая прижимистость Имшин были понятны, и все же.

– Ты очень добра, – покачал головой он. – Но, думается мне, место командиров с теми, кто будет ночевать без крыши и очага.

Янгрэд одобрительно кивнул, даже хлопнул его по плечу. Имшин, наоборот, огорчилась.

– Жаль. Мне... нам всем... так грустно без Карсо. И вообще, я тоскую по былому... – Она взяла Хельмо за руку, кончиком пальца начала водить по линиям на ладони. – Помнишь, как я тебе гадала? Разучилась, все забыла... а тоскую.

Он опять потупился, стал колебаться – все же какая она была красивая, какая родная. Часто он видел ее в Ас-Кованте в детстве; часто слышал ее звонкий хохот на пирах. Как головокруглительно она там танцевала, не стыдась поражать всех обнаженной полоской живота и стройными ногами, как обтирала ему, Хельмо, окровавленное лицо после пары неудачных детских драк и как хотелось утешить ее сейчас – погасшую, потерянную. Но, увы, приехал он не ради этого. И, увы, приглашения в гости стоило скорее оставить позади.

– Я навещу тебя, если успею, – мягко, но непреклонно отозвался он. – Позже. Мы едва встретились с союзниками, у нас ничего не оговорено, много дел. И также многое не оговорено у нас с тобой, ты ведь понимаешь? Учитывая, что получила дядино письмо.

– Не совсем. – Она отступила, оправила широкие рукава и спрятала в них руки, точно вдруг озябла. Похоже, обиделась, но спорить более не решилась. – Что, Хельмо?

– Скажи, Имшин. – Голос дрогнул, но он овладел собой, поднял глаза и прямо спросил: – Сколько ратников ты предложишь в ополчение при таких обстоятельствах? Городские воеводы смогут уменьшить дружины и направить часть людей ко мне? А что со стрелецкими отрядами? Может, Карсо успел начать хоть что-то?

Об ответе – как и о том, что грянет дальше, – он догадывался, поэтому не дрогнул, когда Имшин недоуменно, испуганно глянула ему в лицо. Какое-то время она молчала, кусая пухлые капризные губы, но наконец, кашлянув, заговорила:

– Я понимаю... правда. Но для начала ты ответь, что без части воинства будем делать мы, если придет Самозванка? Кто защитит нас от людоедов при *таких* обстоятельствах? – Последнее она повторила его тоном. – Карсо во всем этом хотя бы разбирался. А я...

– Имшин. – Хельмо все же немного растерялся. Казалось, она готова броситься.

– Ответь. Сейчас же. О чем думает твой... наш царь? – Имшин, расправляя вновь плечи, подступила ближе. Взгляд ее жег. – А ты?! Я так рассчитывала на милосердие...

Она все крутила вдовье кольцо на пальце, глаза горели серебром. Расстроенная, рассерженная, напуганная... Хельмо понурился, проклиная все на свете. Возможно, торг не стоило затевать сейчас, «с порога», но поздно. В конце концов, лучше сразу, чем непонятно когда и непонятно как. В конце концов, она – родная.

– Ну и что же? – наседала Имшин. Хельмо молчал, понимая: с этой бедой он один. Янгред, судя по виду, жалел его, но вмешиваться не собирался. Себе дороже: внутренние дразги союзников его не касались, могли, скорее, выйти боком, а уж с женщинами...

– Имшин, – наконец начал Хельмо. Он знал: следующие слова прозвучат высокопарно и бездушно, но других не было. – Нужно защитить столицу. Неприятель идет к ней, это его основная цель. Если падет сердце страны, за приходом Самозванки сюда дело не станет. Но пока все иначе: ваши земли окраинные, флот не задействован. Мы прогоним врагов раньше.

– *Сердце*. – Имшин скривилась. – Каждый город – разве не маленькое сердце? Твое сердце... разве не так же оно уязвимо для пуль и клинков, как сердце царя? А мое? Тебе его не жаль? Оно и так кровит.

Янгред усмехнулся. Имшин это заметила, судя по тому, как нахмурилась, и бросила:

– Да-да, Огненный, мы говорим красивые речи о грязном. Но это, скорее, печально, чем смешно. – Снова она посмотрела на Хельмо и мрачно, но уже твердо продолжила. – Впрочем, я знаю: ты лишь выполняешь долг. Столица – край господ, все прочее – край слуг. И я – тоже слуга. Бери все, что пожелаешь, бери.

Она будто обрушивала хлесткие оплеухи. Больше всего Хельмо хотелось сдаться, сказать Янгреду: «Вернемся поз-

же» – а потом... потом что? Он не знал. Он не сможет уйти без подкрепления; он рассчитывал на этот город, с вольных времен полный ловких, храбрых, не пренебрегающих оружием людей. Здесь жили потомки кочевников, пришедших с Карсо; остепенившиеся пираты и разбойники; почти всякий богач имел хотя бы небольшой отряд. Что сделать? Пожалеть? Уступить бедной вдове, боящейся за себя и свою вотчину, мол, «Пусть со мной уходят лишь те, кто сам захочет»? А если не захочет никто?

– Ты не права. Мне тоже дорога Инада... – начал он и осекся, не зная, чем продолжить. – Имшин... я не господин, а вы не слуги; я не прошу и тем более не приказываю. Я умоляю. – Он окинул взглядом толпу перед лобным местом. Ее оттеснили пустынники; она поредела, но не рассосалась полностью. – Не надейся на спокойную жизнь в случае, если убьют дядю, меня, перебьют наши войска. Не дав людей, ты, скорее всего, просто отсрочишь свою гибель, спасешь что-то сейчас, но лишишься потом. Подумай об этом.

Теперь потупилась она. Глаза блестели, в них, кажется, вскипали слезы. В конце концов Имшин пришлось вытереть их – и красная подводка превратилась в грязные косые росчерки. Даже это не испортило ее лица. Хельмо не сводил с него взгляда. Желание отступить усиливалось, слова заканчивались, оставалось только повторить:

– Подумай. Пожалуйста. Я буду тебе защитником, если ты поддержишь меня.

Янгрэд все не вмешивался. Покосившись на него, Хельмо так и не прочел на лице ни единого чувства. Как бы действовал он, чем бы ободрял? Скорее всего... да полно, скорее всего, его призывная речь заразила бы толпу сразу; скорее всего, ни у кого, включая наместницу, не осталось бы сомнения: война будет выиграна, и блестяще. Но он был здесь чужим. Он молчал, не пытаясь выпятить грудь, и просто наблюдал. Хотелось послать ему хотя бы умоляющий взгляд, но это было бы глупо. Хельмо даже разозлился на себя: знакомы один день, нет, меньше дня, почти равны по возрасту, совершенно равны по статусу... а он уже чуть что тянется за поддержкой, как к какой-то мамке-няньке.

– Хельмо, – голос Имшин, полный горечи, заставил его отбросить эти мысли. – Бедный мой маленький Хельмо. Все-таки удивительно, как же ты возмужал.

Она уже подняла глаза, снова слабо, грустно заулыбалась. Руки ее дрожали. Хельмо не нашелся с ответом; с языка просилось только «Прости». Он покачал головой:

– Не так я себе это представлял.

– Я надеюсь, – заговорила она чуть спокойнее, – ты хотя бы дашь нам с... немногими, на кого я могу сейчас полагаться, время. Мы обсудим, как можем перераспределить силы в обороне города; разошлем гонцов по окрестностям. Принуждать я никого не стану, но думаю, твои героические трели, – она тихо усмехнулась, – некоторых уже воодушевили. Я...

– Пять сотен, – глухо, но непреклонно оборвал Хельмо. Это был последний виток его выдержки.

– Что? – Имшин прищурилась.

– Это большой город, – он очень старался не отводить глаз. – От тебя мы рассчитываем хотя бы на пять сотен. И две сотни с окрестностей. Это... самое маленькое число, какое я могу назвать. Будь обстоятельства иными, просил бы больше.

– Ох, Хельмо. – Имшин покачала головой. Было видно, что она расстроилась еще сильнее. – Хельмо, мы ведь давно стали мирными, у нас здесь одни торговцы, рыбаки, художники, музыканты, священники... женщин больше, чем мужчин...

– Я понимаю. И не прошу тебя отправлять кого попало. Просто постарайся...

– Мы с боярами все обсудим, и я подумаю. – На этот раз она, явно не в силах больше сдерживать чувства, даже махнула рукой, зазвенела браслетами. – *Подумаю*, Хельмо, слышишь? Но ничего пока не обещаю! Какие-то люди... какие-то – да, будут. Я все сказала.

Она побледнела за время разговора, сжалась, еще и обхватила себя руками за плечи. Но Хельмо ее понимал: его и самого поколачивало, несмотря на жару. Он запустил пальцы в волосы, стиснул их, делая себе больно, отвел назад... Полегчало, прояснился рассудок. Он понял: заканчивать нужно сейчас. Он и так вытребовал все, что мог.

– Я благодарю тебя от всего сердца и, конечно же, соболезную. – Он поклонился, намного ниже, чем при встрече. – У вас два дня, союзники за это время отдохнут.

Больше Имшин не коснулась его лица, не пожурела – осталась непреклонно возвышаться, принимая поклон. Верила ли она обещанию о защите? О чем думала? Лицо ее снова стало ласковым, но во взгляде сквозила болезненная отрешенность.

– В таком случае мне пора. И вас, думаю, тоже ждут хлопоты. Прощайте.

– Скорее, «до встречи», надеюсь, мы еще увидимся так или иначе... – начал было Хельмо, но поранился об очередную горькую усмешку.

– Никогда не знаешь, успеешь ли попрощаться. Карсо вот умер, пока я была на совете... не у его постели я встретила эту кончину.

– Как я буду скучать по его буйствам, по его смеху, – тихо произнес Хельмо то, что теперь грызло его. Он уже сожалел об отказе пожить в Голубом Замке, расставание на таком надрыве казалось ему неправильным, и он цеплялся за что мог: – Помнишь, как он выходил один на медведя и побеждал? А помнишь...

– Я многое помню, – сухо откликнулась Имшин. Было ясно: она передумала беречь вдовьи раны нежными воспоминаниями, по крайней мере, более не станет делить их с Хельмо. – И одно, знаешь ли, сейчас примиряет меня с то-

бой: Карсо был бы на твоей стороне. По крайней мере, пока не увидел бы первые трупы своих воевод. А может, и потом. Мне сложнее.

– Я... – начал Хельмо, но она уже сделала шаг назад.

– Будь покоен, оправдания мне не нужны. Иди, отдохай... – Опять она метнула взгляд на Янгреда. – И будь добрее к ним, все же они – пока твоя основная сила. Прощайте.

Повторив это, она сошла к безмолвной страже – и вскоре все они направились прочь. Янгред проводил маленький отряд глазами, потом перевел взгляд на Хельмо, открыл рот, но промолчал. Скорее всего, увидел печаль и раскаяние, с которыми тот не мог совладать. Скорее всего, не знал, что с этим делать. Хельмо не знал и сам и, пытаясь завести хоть какой-то разговор, коротко объяснил:

– Карсо Буйноголовый был из присягнувших Вайго кочевников, а жену взял из Шелковых земель. Священники не одобрили этого, у нас запрещены браки между людьми разных вер. Но царь союз благословил, и пришлось им уступить. Вайго вообще любил иноземцев, дружил даже с некоторыми людоедами. Он был вспыльчив, но уважал храбрых врагов, храбрых друзей – и того больше. Карсо был и вовсе первый друг...

Второй. Но об этом союзникам знать вообще не обязательно. Янгред равнодушно кивнул: похоже, о чем-то размышлял. Хельмо не удержался, закусил губу и спросил, хотя понимал, как глупо это прозвучит:

– Я был жесток, да?

Янгред очнулся, глянул удивленно и без промедления возразил:

– Вы были разумны, так или иначе. Войска не собрать словами «Приходи сражаться, если хочешь, а не хочешь – не приходи». Стратегически Инада вряд ли будет важна Самозванке, далеко лежит. Разве что лунные и правда задействуют суда... но таких планов вроде бы пока нет, мы бы знали, и мы их *не* пропустим. Так что эту овцу стоит обстричь.

– Овцу. – Хельмо невольно улыбнулся, потом спохватился. – У вас разве есть овцы?

– Нет. – Янгред мотнул головой. – Как вы помните, у нас вообще мало живых тварей. Но мы видим овец со стены, в ваших приграничьях. Симпатичные существа...

– Куда приятнее нас, – вздохнул Хельмо, потер веки и постарался взбодриться. – Ладно, горевать не время. Пора нам, думаю, в лагерь, да, мой... друг?

Хельмо помедлил перед последним словом, а произнес его, смолк. Прибавил шагу, скорее покинул лобное место – лишь бы Янгред не увидел его смущенного лица. «Друг»... Сильно, а главное, обязывает. Можно только гадать, как это прозвучало со стороны, как принял слово такой холодный, сдержанный человек. Ожидаемо, ответа не последовало. Захотелось провалиться сквозь землю.

Стрельцы вернули Янгреду и Хельмо оружие: видно, за ним послали по приказу Имшин. Когда лошади тронулись,

конвой остался на площади – такой знак доверия нельзя было не расценить как добрый. А вот толпа опять увязалась следом. Люди держались на расстоянии, но не спускали с гостей глаз, шептались. Сейчас любопытство, пусть дружелюбное, раздражало. Хельмо прищипорил Илги; Янгред последовал его примеру. Вскоре они все же остались вдвоем, но еще довольно долго меж ними висело молчание. Хельмо не знал, как его нарушить, не знал, нужно ли, а голова ныла от тревог. К счастью, Янгред заговорил первым.

– Вы хорошо произнесли речь, – отметил он уже на подъезде к казармам. – Пожалуй, мои родственники не смогли бы так просто, по-человечески объясниться с народом. Скорее, посулили бы деньги или пригрозили казнью.

– Я тоже пригрозил, просто вражеской, – напомнил Хельмо, но на сердце потеплело. – А вообще спасибо. Я все запомню.

– Право, это не стоит благодарности, – удивленно возразил Янгред, а Хельмо осознал вдруг подлинный смысл собственных слов и, решившись, выпалил:

– Я не только об этом. Спасибо, что вы поступили так, как поступили.

Оказывается, он давно хотел это произнести – и теперь стало чуть легче. Правда, Янгред воззрился на него с искренним изумлением, даже нахмурился.

– Поясните. – Он говорил разве что не с опаской, и это искреннее непонимание трогало, хоть и удивляло. Хельмо

вздыхнул и начал перечислять:

– Въехали в этот город. Пошли на лобное место. Вы очень поддержали меня...

– Ой, да бросьте, – Янгред быстро отбросил волосы за спину. Было похоже, что он в замешательстве. – Мы союзники? Тогда как иначе?

«Как иначе?» Правда, как? И Хельмо, глубоко вздохнув, сказал главное, что в той или иной мере преследовало его уже долго. Не день. Не два. Не с выезда из столицы. Буквально со дня, как дядя написал первое письмо Трем Королям:

– Я вообще сомневался, что это правильно, – он помедлил. – Я, как вам сказать... не верю в войны *за чужих*. Мы никогда не звали наемников. За что, кроме своего дома, вообще стоит воевать?

– За друзей, нет? – Янгред улыбнулся. Удивительная все же улыбка, лицо, правда, стало совсем иным, светлее. Так, правда, мог улыбаться принц, не знавший бед.

– Наши земли не друзья, – вздохнул Хельмо. – И мы тоже.

– Недавно вы сказали другое, – не без лукавства напомнил Янгред, потрепав лошадь между ушами. Хельмо смутился. – Да и вообще, бросьте. Вы не забыли, что кое-что из того, за что мы воюем... наше? Например, может, нам полагаются какие-нибудь овцы?

Он раскатисто засмеялся над своей шуткой, но Хельмо от этого здорового напоминания стало лишь хуже. Вздохнув, он озвучил еще одну вещь, которую стоило – судя по давнему,

пусть непрямому наказу дяди – утаивать как можно дольше. Но он не мог, теперь это казалось почти подлостью. Молчать нельзя. Будь что будет.

– Государь... дядя... не отдал мне ключи от ваших городов. У меня лишь бумаги и часть платы.

Он пристально следил за лицом Янгреда, но оно не дрогнуло. Догадывался? Короли Свергенхайма, по словам дяди, не отличались наивностью и умели выжидать. Интересно, что они приказали? Докладывать о каждой подвижке и препоне? А если препон станет слишком много?

– Понятно, – сказал Янгред. – Но за все нужно платить в свое время. Не слышали эту присказку?

Хельмо вздрогнул от его ободряющего тона. Не ожидал, что все примут столь спокойно.

– Слышал другую.

«Какие времена, такая и расплата». Но этого он не произнес, пообещал лишь:

– В столице вы получите их прямо из рук царя.

– Дяди... – не без усмешки поправил Янгред. Хельмо смутился еще сильнее, но почти тут же нашелся:

– Да-да. *Мой* дядя отдаст вам ключи. Для *ваших* братьев.

Они сражались взглядами некоторое время, потом Янгред все так же мирно, даже весело полюбопытствовал:

– Отчего скрыли-то?

– А вы? – Хельмо понимал, что это по-детски, но заупрямился. Он стеснялся признаваться в причине, связанной с

тем, сколь «царственно» держался при встрече его новый союзник и сколь дурачки – он сам. Но стеснение забылось вмиг, стоило Янгреду беззлобно, но сдавленно признаться:

– Они мне не семья. И никогда не были. Надеюсь, у вас...

– Не так, – выдохнул Хельмо быстрее, чем осознал это.

Янгред вдруг опять улыбнулся.

– Рад. Это видно. Даже завидно немного.

Их выпустили за ворота – и солнце ударило в лица вместе с морским ветром. Стало теплее, светлее, легче. Чувствуя, как падает с плеч какой-то камень, Хельмо поднял глаза к бегущим облакам и опять услышал голос Янгреда:

– Вы будто светитесь. Как и весь ваш дом. Такое правда стоит защищать.

Сердце сжалось одновременно тревожно и благодарно. Захотелось ответить что-то столь же обнадеживающее, но Хельмо не успел. Навстречу ехали дружинники и огненные офицеры. Похоже, они были нешуточно рады возвращению живых командиров. Хельмо вздохнул, выпрямил спину и, не оборачиваясь, устремился к ним.

Многое еще предстояло сделать, обдумать и принять. Но это уже казалось проще.

4. Королевна и ее птицы

Южный виноград определенно уродился; каждая лилово-розовая ягодка буквально таяла, стоило вонзить зубы в тонкую кожицу. Этот ранний сорт был особенно хорош тем, что не имел косточек. Лусиль ненавидела косточки – любые, хотя ими было забавно плевать в раздражающих людей.

Она в последний раз обернулась и величественно махнула рукой – так, чтобы непременно поймать тоненькими золотыми кольцами косые лучи солнца. Толпа, высыпавшая за городские ворота, исступленно заорала напутствия. Лусиль удовлетворенно ухмыльнулась, дала знак – и ехавшие за ней конники наконец сомкнули строй, а в небо взметнулись знамена: ночная синь, солнце и луна, слившиеся в нежном поцелуе. Ворота и горожане исчезли из виду; единственные, кого еще можно было различить, если оглянуться, – солдаты оставляемого здесь гарнизона, они замерли на бастионах. Лусиль помахала и им тоже, отвернулась и отправила в рот еще виноградину.

Берестяное лукошко с ягодами, удобно крепящееся к седлу, дала ей старуха с изрезанным морщинами смуглым лицом и длинными седыми косами. Она чуть ли не бросилась лошади под копыта, чтобы только «юная царевна» заметила ее. «Царевна» заметила, даже с преогромным удовольствием ударила хлыстом солдата, бросившегося оттащить дерз-

кую простолюдинку. Остановившись, Лусиль ласково заговорила, и женщина, заливаясь слезами, стала проклинать царя. Два сына этой крестьянки то ли восстали против него и были казнены, то ли ушли по рекрутской повинности и погибли, подавляя какой-то бунт, в общем, что-то с ними произошло. Нет, первым подобным историям Лусиль искренне внимала, старалась запоминать, но вскоре они невозможно смешались в голове. Послушать народ Острары, так за время правления Чернокровца, Сыча, Гнилого – как только его не звали! – каждая вторая семья настрадалась. А с виду-то все было неплохо: города не в запустении, дороги терпимые, поля возделаны. Гостей встречали щедро, а сколько роскоши – золотых чаш, самоцветных ваз, точеных скульптур из мрамора и перламутра – оказалось в храмах... Есть на что посмотреть, есть что прихватить, и начать можно с малого, вот с таких подарочков. А что? Нельзя же не брать. Так что «царевна» милостиво приняла лукошко, а в ответ осенила женщину солнечным знаком. Внутренне она передернулась: сама была лунной, на службы ходила ночью, на груди носила, конечно же, не солярис. Но такая она была светлая и златовласая, что люди тянулись к ней и тянули детей. Многие были убеждены: она лишь прячется за верой приютивших ее союзников. Лусиль же не мешала заблуждаться на свой счет, давно поняла, что в большом деле – в политике, к примеру, – от этого только польза.

На развилке большой дороги королевский полк стал со-

единяться с основной армией – той, что покинула город накануне и обосновалась в предместьях, дабы не смущать народ слишком помпезным выездом. Лусиль кивала командующим, скользя праздным взглядом по лицам. Мелькали и тени из-под облаков: железнокрылые тоже явились вовремя. Интересно, они вили на ночь гнезда, а головы под крылья прятали? Ха. Нелепые все-таки создания, жаль, не скажешь этого вслух. Гордый народец, убьет – не заметит. До сих пор смешно вспоминать, как еще дома она довольно громким шепотом спросила у отца, откладывают ли союзники яйца или с этим у них как у всех, а гнездорнский посол услышал. Лицо его стало таким красным, будто вот-вот – чисто от злости – яйцо он все-таки отложит, да прямо на мозаичный пол залы.

Здрав голову, Лусиль в который раз не смогла оторвать взгляд от вычурной брони крылатых воинов. Легкие чешуйчатые пластины-перышки сверкали даже издали, слепили красными бликами. Когда очередной силуэт взрезал воздух и, сверкнув наплечником, умчался, Лусиль раздраженно прикрыла один глаз. Она в который раз задалась важным, как ей казалось, вопросом – уже не о гнездах, не о яйцах и даже не о том, есть ли у замечательных соседей Осфолата привычка гадить на людей с неба, свойственная обычным птицам.

– Что мы будем делать, если союзнички взбунтуются? Или выжрут целый город, и тогда нас убьют будущие подданные? Зачем было брать таких друзей и в таком количестве?

Она спросила это вслух, не оборачиваясь, но без труда узнавая поступь коня, на котором ее догоняли, и получила незамедлительный ответ:

– Ты же не можешь, о солнечная царица, придерживаться пагубных заблуждений?

Лусиль соизволила глянуть через плечо. К ней действительно спешил Влади, как всегда, опрятный, благодушный, но трогательно сонный. Она широко ухмыльнулась вместо приветствия и простерла навстречу руку. Поравнявшись, Влади ее пожал, а потом и поцеловал. Лусиль неотрывно смотрела на него: слегка исподлобья, покусывая губы. Когда ее пальцы, высвободившись, игриво пробежались по его запястью, Влади быстро отвел глаза. Он знал – ее взгляд говорит: «Я скучала». Ответный говорил то же, но менее распутно.

Король-отец звал Влади и Лусиль близнецами, так повелось с детства. Они и были неуловимо схожи нежными лицами, как если бы приходились родней. Волосы королевича были, как и у Лусиль, светлые и длинные, только не вились и оттенком напоминали холодное сияние луны. Лунным светом лучились и глаза – серые, очень блеклые в сравнении с голубыми глазами королевны. Зато одно сходство было, по мнению Лусиль, несомненным: Влади, несмотря на высокий рост, тоже напоминал хорошенькую, нет, восхитительную девушку. Об этом она ему иногда и сообщала, подстрекая к перепалкам. Но сейчас перепалку явно собирался

начать он сам.

– О, мой королевич... – пропела Лусиль, – а как вам ночевалось в стогу сена?

Тонкие брови Влади приподнялись, он даже начал обшаривать волосы в поисках соломы.

– С чего ты взяла, что я спал в стогу сена?

– Ты же только об этом и говорил, когда мы собирались в поход. *Романтика интервенции*. Мытье в речке, еда на костре, сон в стогу...

– Кажется, мы с тобой уже удостоверились, что сено забивается в разные места. – Влади опустил руку. – Я спал в шатре, как и всегда, и мне было грустно.

– Один? – тут же прицепилась Лусиль, лукаво облизнувшись.

– Я же говорю, было грустно, – повторно посетовал Влади. – А вот ты наверняка без меня пировала... – Он укоризненно покосился на ягоды. – Что ты там опять лопаешь?

– Угощайся. – Улыбнувшись уже миролюбивее, Лусиль отщипнула виноградину от верхней лежавшей в лукошке грозди. – Народное подношение.

Влади задумчиво склонил голову – тонкая прядь упала на высокий бледный лоб, нос дернулся, как у куницы.

– А кто-нибудь их проверил?

– Проверил, конечно. Я.

– Ох, Лу, вечно ты... – Только воспитание не дало ему закатить глаза. Лусиль терпеливо пояснила:

– По местным обычаям, если тебя угощают союзники или хозяева дома, где ты остановился, лучше не давать пробовать слугам. Доверие... здесь все на доверии.

Влади продолжал смотреть с укором, но, наконец сдавшись, вздохнул.

– Давай. – Он немного наклонился. – Я же не хочу, чтобы ты умерла одна. Если это случится, я все равно не выберусь из этой дыры живым.

Лусиль довольно кивнула и, вновь глядя тем самым взглядом, поднесла ягоду к его рту. Влади забрал ее, коснувшись пальцев поцелуем. Взгляд на него действовал, кто бы сомневался, а от ощущения – губы задели кожу на подушечках – побежала по спине приятная дрожь, разлилась теплом. Не нужно было расставаться на ночь, в который раз мелькнула досадливая мысль. Да, Влади и дисциплина в войске – вещи, которые неплохо ладят; только благодаря ему никто никого не сожрал, а часовые не проворонили пару лазутчиков, но все же... когда теперь армия нормально заночует? То есть так, чтобы, когда ты на ком-то или под кем-то, солома *не* забивалась в разные места.

– Острара – не дыра, – все-таки напомнила она, отвлекаясь от вопросов без ответов и поругивая себя за ненужные плотские фантазии. – Это вроде бы моя родина. И будущие владения Осфолата. Твои. Наши.

– Давай еще, – потребовал Влади, поглядывая на лукошко. Лусиль скормила ему вторую ягоду, получила второй по-

целуй и продолжила:

– Возможно, отец даже прав и я действительно родом из этих мест. Знаешь, мне чем-то нравится здесь. Так дико... бесприютно. Будто все спит. Спит, а я бужу.

– О, я-то знаю, как ты любишь всех будить, особенно в дни, когда можно и поспать.

Несмотря на шутливость тона, Влади не смеялся. Конечно, он внимательно выслушал и принял слова всерьез. Он всегда принимал всерьез ее слова – со дня, как, охотясь с псарями и двором, случайно нашел в королевских угодьях изнуренную, забывшую свое имя – да и все прочее – девочку. Девочку в драной одежде, стоптанных туфельках и дорогах золотых серьгах с подвесками-солнцами. Ее он вместо трофеев и привез отцу; он же вскоре дал ей новое имя – Лусиль, от «лусс» – «найденыш» и «иль» – «прекрасная». Удивительно... несколько лет спустя он признался, что прекрасной она показалась ему уже в ту минуту, когда, испуганная выстрелами, налетела на него в чаще и, приняв за разбойника, принялась душить. Она была ослабшей, не то что сейчас, Влади повезло. Впрочем, Лусиль смутно помнила встречу и сомневалась, что взаправду хотела убить мальчика, который так светло ей улыбался и так ласково хрипел под хваткой ее дрожащих пальцев: «Не бойся... успокойся... я же тебя не обижу...»

– Возвращаясь к людоедам! – Влади хмыкнул. – Давай-ка вспомним все, что нам нужно помнить, чтобы не бояться их

и не плодить предрассудков. Итак, людоеды...

— На самом деле едят людей только на два своих больших праздника, в конце и середине года, — послушно повторила Лусиль. — И едят убитых врагов, если враги достойно с ними бились. Потому что...

— ...верят, что так заберут их силу, — подтвердил Влади. — А детей...

— Детей они не едят, дети бесполезны, это только пугалка. А мы с тобой считаемся детьми? М-м-м...

Им едва сравнялось по семнадцать. Отец, отправляя их дурить оstrarцев, называл амбициозный поход не иначе как детским. Только цель детской не была.

Влади озадаченно потер переносицу.

— Давай для общего успокоения пока верить, что да. Дальше. Крылья у людоедов...

Тень пронеслась над самыми их головами, лязгнула броня. Оба пригнулись; потоки воздуха нагло хлестнули по лицам. В следующий миг тень, снизившись, оказалась рядом с прянувшей лошастью Лусиль. Новоприбывший без труда удерживался на месте и явно собирался остаться. Крылья молотили воздух с гулким назойливым звуком, похожим на шум мельничных лопастей. Лусиль, выпрямляясь и приглаживая волосы, быстро растянула губы в улыбке, хотя улыбка эта наверняка подрагивала. Зато голос не подвел, прозвучал буднично:

— Крылья у людо... железнкрылых... не железные. Это

такое оперение. Прямо сейчас, глядя на многоуважаемого командующего Цу, мы можем в который раз в этом убедиться, даже потыкать его пальцем, но не будем. Здравствуйте, командующий.

– Мое почтение, королевна, – прохрипели в ответ.

Цу – высокий, плечистый, но весь какой-то угловатый – полетел рядом, сверкая и гремя доспехами. Лусиль, внутренне взбешенная, продолжала приветливо улыбаться. Влади раздражение скрывал чуть хуже: сильнее выпрямил и без того прямую спину и поджал губы; одной рукой опять стал нервно щупать волосы. Ему-то почтения не выразили.

– Не будет ли поручений, королевна? – спросил Цу. – И... – Последовало промедление, дерзкое по любым церемониалам. Влади его проигнорировал, только снисходительно хмыкнул и отвел за ухо белую прядь.

– И *королевич*, – напомнил он не поворачиваясь. – Так называются птенцы коронованных особ. Подзабыли?

Ответ явно оценили: Цу наконец склонил голову, изображая ленивое подобие поклона.

– О нет, что вы, несколько. У меня отличная память.

Он все еще смотрел только на Лусиль. Она отлично это ощущала.

Цу было по виду около сорока. Его смуглая кожа отливала красным золотом; золотистыми были глаза с искривленными зрачками – типичными для жителей княжества Гнездорн, ютившегося в северных горах. Глаза и крылья, а еще жест-

кие, как пакля, волосы более всего выделяли этих существ. Свирепостью они не уступали своей богине – алоперой Кам-эш, Деве-Птице с лицом праведницы и когтями, способными вырвать позвоночник. Дева глядела с нагрудников и плащей гнездорнцев; ее именем они проливали кровь. И хотя большинство «сказок о людоедах» оставались сказками, Лусиль было жутко находиться с ними бок о бок. Зато сражались они умело и – в отличие от насквозь продажных свергенхаймцев и еще более продажных пиратов – скорее, упивались войной, чем стремились нажиться на ней. За это Сивиллус и многие Луноликие до него привечали железнкрылых: привлекали к кампаниям, нанимали для авантур и мести.

«Ну вот и шел бы отец сам в поход, и целовался бы с этим типом, и все было бы славно!» На этой раздраженной мысли Лусиль окончательно собралась и покачала головой.

– Ничего не нужно. Разве что как обычно. Следите, чтобы ваши никого не съели.

Она грубила сознательно, страху вопреки. Она часто грубила Цу, а он все пропускал мимо ушей. Как ни мерзко было вообще беседовать с ним, осознание того, что это свирепое существо не смеет ей возразить, и даже *не* потому, что она королевна и главнокомандующая, – льстило. Вот и сейчас командующий безмятежно улыбнулся уголком узкого сухого рта.

– Мы не голодны. Настоящей крови пока не пролилось, остальная пресна.

Улыбка была даже приятная, хоть без оскала. По ней Лусиль поняла, что пора прикусить язык: храбрость храбростью, а лучше не доводить до того, чтобы *настоящей* и самой вкусной на свете сочли твою кровь, а не кровь врага.

– Вот и славно. А это хотите? – Лусиль ловко сунула ему в рот виноградину, в этот раз быстро: чтобы, не дай бог, не попытался откусить или, того хуже, поцеловать пальцы. – А теперь извините, командующий, я крайне занята беседой с моим возлюбленным супругом.

Она услышала, как на последних словах мелкие острые зубы командующего впились в виноградную кожицу, как брызнул сок. Но заговорил Цу ровно:

– Благодарю вас.

– О, не стоит.

– Моя жена вообще очень щедра, – небрежно подал голос Влади.

На него ожидаемо не взглянули. Лусиль продолжала стоически терпеть золото птичьих глаз, хотя с каждой секундой все отчаяннее мечтала надеть на голову лукошко – либо себе, чтобы спрятаться, либо командующему. Ну что еще надо проклятому выродку?

– А не хотите ли посмотреть на свою великую армию сверху, королевна? – внезапно предложил Цу. – Я смогу поднять вас к небу, если только захотите.

Поднять к небу. Очаровательно и двусмысленно. Нагло. Лусиль заметила, что Влади слегка дернулся, но сама даже

не повела бровью, лишь сунула в руку командующему целую гроздь винограда. Пальцы слегка тряслись, но может, он не заметил?

– Поешьте-ка лучше ягодок, – проворковала она. – Я вынуждена повторить: у меня предостаточно дел. И еще я побаиваюсь высоты. И птиц. Да и вас, что скрывать.

Уж это-то «Отстаньте» не понять нельзя? Командующий учтиво рассмеялся, но горящие глаза его остались прохладными, и там сложно было не прочесть досаду.

– Как угодно. Шлите за мной, если от меня или воинов что-то потребуется.

– Непременно. Обязательно. Ждите.

Особенно тяжело и мощно махнув крыльями, Цу взмыл в небо. Дышать сразу стало легче, расслабились непроизвольно сжатые челюсти. Лусиль проводила крылатый силуэт взглядом, убедилась, что он исчез, и повернулась к Влади.

– Молодец, – тихо сказала она и, протянув руку, погладила его скулу. – Ты будущий король, тебе и не таких придется терпеть. Пусть ухлестывает. Вернее будет.

– А если выкрадет тебя и улетит? – По глазам Влади не получилось понять, шутит он или правда тревожится о подобном. Лусиль порой тревожилась, но не признавалась.

Она с бравадой ухмыльнулась и, отстранившись, запустила руку под воротник. Из брони на ней были сейчас только нагрудник и наплечники, так что она без труда извлекла на свет лунницу на плотном кожаном шнурке. Кончики были

заточены, как ножи.

– Воткну ему это в глотку, а как упадет, сама уж постараюсь шлепнуться сверху, доломать ему кости. – Она даже хохотнула, вообразив такое. – Да и... все-таки сомневаюсь, Влади. Я бескрылая, яйца не несу, зачем я ему? Это все ерунда от походной скуки: кто-то приискивает доярок-девственниц, кто-то – чужих жен. Главное, чтобы ты не ревновал.

– К птице? – с такой же бравадой усмехнулся он. – К лю-
доеду?

– Еще раз повторим друг другу все заблуждения об их на-
роде?

– А что, если он еще раз прилетит? – серьезно уточнил
Влади. – Вспомнишь...

Оба рассмеялись. Лусиль протянула Влади еще виногра-
дину и села прямо, с удовольствием подставляя лицо тепло-
му ветру. Судя по карте, вскоре с теплом предстояло попрощаться – близился поворот на восток. Оставалось насладиться
последними каплями.

Она радовалась, что поход наконец продолжился. Остановка в Анкленне – гостеприимном и сразу сдавшемся городе – по мнению Лусиль, затянулась. Командующие оправдали ее необходимостью восстановить силы и последними вещами: судя по перехваченному письму, со свежими частями у Дома Солнца не ладилось. Столицу защищали порядком уставшие, потрепанные полки Хинсдро, едва спасшиеся в последних битвах. Это значило, что можно не спешить.

Лусиль, напротив, поспешить хотела и уже не раз ссорилась с командующими, многие из которых погрязли в пьянстве, обжорстве, грабежах и лени. Ее очень тревожил их излишне самонадеянный настрой, она планировала все иначе. Но в этих спорах не всегда спасало даже то, что она – королевская дочь. Почти дочь.

– А всегда бы так, – вдруг снова заговорил Влади задумчиво.

Лусиль с интересом повернулась к нему.

– Что именно?

– Открытые ворота. Ягоды. И смотрели люди на тебя как...

– Мечтай, – буркнула Лусиль. – Скоро все будет еще хуже, чем сейчас.

Поход не был легким и ровным, лишь казался таким в эту мирную солнечную минуту. Острара напоминала те дикий пески, которые, по рассказам путешественников, стелились за государствами Шелковых земель: вот ты идешь по надежной поверхности, а вот уже провалился по колено в раскаленное месиво, вот по пояс, по грудь – и нет тебя. Так и тут: один город встречал хлебом и вином, а другой, расположенный в паре часов езды, обрушивал снаряды, пылающие стрелы, кипящую смолу – чем располагал. Почти невозможно было предсказать, где упадут ниц, а где будут драться до последней крови. И, к слову, Лусиль, скорее, нравилась такая непредсказуемость, чем нет.

– Влади, – назидательно подняла палец она, – я бы разочаровалась, если бы все они были такими глупыми.

– А если глупая – ты?

Взгляды снова встретились. Влади смотрел серьезно. Лусиль показала ему язык и быстро кинула себе в рот еще пару виноградин. Но это не успокоило.

...Притащив к отцу найденную девочку, маленький Влади решительно сообщил, что она теперь – *его*. Что это значило, не имел понятия ни он сам, ни Сивиллус, ни Лусиль, радовавшаяся теплоте плащу, в который ее заботливо завернули по пути. Поговорив, дошли до того, что «моя» означает «сестра, которой у меня нет». Сивиллус, занятый какой-то очередной политической махинацией, отнесся к капризу спокойно, покивал. Возможно, сделал мысленную пометку: через пару недель услать бродяжку на кухню или в служанки. Но через пару недель стало известно об ужасной смерти острарского царя, и дорогие золотые серьги-солнышки обрели новый смысл. Сама Лусиль так и не смогла рассказать, как оказалась там, где встретила беловолосого мальчика с гончими. В памяти мелькали лица, вспышки и особенно часто – крики. Сонмы криков, примерно такие можно услышать в порту в час погрузки или на площади во время массовой казни. Сколько Лусиль ни старалась, она не могла вычленить отдельных голосов. А еще она откуда-то точно знала: крики не так страшны, как вспоротая ими тишина. Больше, чем косточки, Лусиль ненавидела только тишину.

Сивиллус Лунолийкий всегда мыслил с размахом и перспективой – это был главный его талант. Возможно, уже вынашивая планы, он оставил чужую девочку расти с сыном и стал ей заботливым родителем. Обратил в местную веру – никаких знаков на ней не было – и сам стал называть королевной. Он одобрил даже абсурдное, казалось бы, желание Влади жениться на ней, на бесприданнице. Конечно, Лусиль не сомневалась, что для короля нет ничего проще, чем в случае чего по-быстрому сменить сыну жену, и тем не менее была тронута: будучи не очень доверчивой, она ждала, что ее выставят, чуть ли не с первого дня. А потом... Потом оказалось, что приданое у нее есть, и немалое. Или, скорее, отличная возможность это приданое достать. Когда отец позвал их с Влади – двоих, все дела они решали вместе, – и показал портреты последних членов Первой Солнечной династии, Лусиль на пару мгновений... впрочем, нет. Ничего такого она себе не надумывала, даже на «пару мгновений», и при имени «Димира» в сердце ничего не отозвалось. А вот Влади поверил сразу.

– Я всегда знал, что ты царица, – сказал он в тот вечер.

– Приятнее осознавать, что ночью тебя седлают или связывает царица, мой корольчик? – не отказала себе в остроте она.

И он опять покраснел. Это всегда работало.

– Убью его... – пробормотал Влади, видя, что прежняя тема разговора Лусиль не по душе. Он снова смотрел вверх,

на крылатые фигуры. – Убью, когда все кончится.

– Разрешаю даже сделать это в спину, – откликнулась Лусиль, безошибочно догадавшись, о ком речь.

Влади сразу нахмурился.

– Никогда. И вообще, я так, шучу...

– А стоило бы. Хотя что это я? Мой «отец», насколько я знаю, как раз это не любил, так что забудь, забудь мой совет, глупый королевич. Не слушай Лусиль, слушай Димиру.

И она рассмеялась, выуживая из лукошка последние виноградины. Две она отдала Влади, одну сунула себе в рот. Когда она уже самозабвенно жевала, ее снова отвлекли.

Новый командующий, возжелавший ее общества, был приятнее: приехал на довольно пухлом для боевого вороном коне сам Анхаллон. Он вел разведывательный полк. Поравнявшись и поклонившись, он сказал Лусиль и Влади всего несколько коротких фраз, но их хорошее настроение вмиг улетучилось.

– Вот как... – пробормотала Лусиль. – Иноземцы, значит? Хитро... но мы ответим не хитростью.

Анхаллон – высокий и худой, носатый, похожий на бритого аиста, – ждал. Перебросившись с Влади парой фраз, Лусиль страдальчески покачала головой:

– Что ж, раз так, командующего Цу спустить ко мне. Для него есть дело.

– Какое? – предсказуемо передернувшись, спросил Анхаллон и не без обиды добавил: – Почему он, не я?

Лусиль усмехнулась. Внутри она просто кипела, но в этом кипении было и сладостное чувство: пора действовать. Действовать, действовать, действовать, и, может, это наконец будет правда интересно. Хинсдро сделал ответный ход, использовал пару каких-то неизвестных игральных фигурок... ну а Осфолат пустит в ход свои.

— Оставим этому загадочному Второму ополчению подарок — в знак того, что нам не терпится поближе познакомиться. А для кого-то... — Лусиль вскинула глаза к небу, — а для кого-то подарок будет весьма вкусным. Уверена. А вы уймитесь. Не по вам работа.

И, задумчиво оглядев последнюю виноградину, Лусиль кинула ее в рот.

5. Солнце, сладость, лед

От дневной жары они спасались в шатре. Сидели, склонившись, над картой, планировали маршрут: куда и как двинутся после Инады. Хельмо тревожили переметнувшиеся приморские города, вообще то, как плавно смыкается с севера и юго-запада кольцо вокруг Ас-Кованта. Одни только острова, восточные лесистые области и монастырская Озинара еще были верны царю, обнадеживающе сияли... впрочем, нет, не одни. Три крайних юго-восточных города, о которых Хельмо не заговаривал, тоже не достались лунным. И когда с маршрутом стало более-менее все понятно, Янгрэд осторожно обвел кинжалом золотистый треугольник Салары, Гомберги и Эйры, ограничивающий Эрейскую малую долину.

– Да. – Хельмо, казалось, пытался угадать или, наоборот, направить его мысли. – Их не придется очищать, если нам повезет справиться быстро. Войска Лунных движутся иначе.

Янгрэд прислушался к его тону: есть ли там сожаление? Прямо сейчас, разглядывая острарскую карту, не иноземцами кое-как нарисованную, а детально составленную лучшим ас-кованстким картографом, он видел: куш более чем хорош. Картограф не поленился обозначить и множество лесов, и все рукава рек, и большое озеро, и плодородные долины. А ведь поначалу, когда речь о кампании только пошла,

довольно было одного: тут нет вулканов. Теперь же – когда частично он долину пересек, а полностью увидел в миниатюре, – от перспективы захватило дух. Словно дорогой подарок, на который никогда не надеялся и тут он сам готов упасть в руки. Да. Теперь-то Янгред понимал братьев. Их азарт. Их жажду. Их... смелость пойти против судьбы? Пусть и чужими – его, Янгреда, – ногами.

В глубине души он всегда считал, что каждый человек – и, беря шире, народ – неизменно получает ровно то, что заслужил. Обиженным же несправедливостью мнить себя непочетно, если не сказать унижительно. Недоволен? Старайся лучше, ведь все в этой жизни можно получить, если закусить удила. Добиться любой цели. Овладеть чем угодно. А вот пустая обида и часто сопряженная с ней зависть – бездонный колодец, куда ты сам же вероломно выбрасываешь силы. Прежде казалось, в этом мнении Янгред одинок. Более того, ему рано дали понять, что думающий так в Свергенхайме жить не может и не должен. Самая суть всех здешних национальных идей, политики, дипломатии – в Великой Обиде.

«Наш дом разрушили».

«Нас не приняли соседи, не помогли нам, когда мы нуждались».

«Мы – особенный народ, раз не погибли под гнетом судьбы».

«Мы заслуживаем великой награды и получим ее. Однажды».

«И никто не посмеет обидеть нас еще раз».

Не будь народ столь мал, а соседи так огромны, многочисленны и сильны, политика Великой Обиды давно стала бы политикой Великой Войны. Отец к тому и шел, а вот Янгреда эта политика отвращала. Война рано стала его жизнью, но – это он мог сказать точно, – каждая кампания, в которой он участвовал, пронизывалась некой идеей. Не всегда Большой. Не всегда отзывающейся лично ему. Но никогда не завязанной на Великой Обиде. Янгред хранил внутри слишком много своих обид и потому, возможно, с брезгливой дрожью сторонился чужих. И только под солнцем обиды его слегка растворялись, как тает промозглая росистая паутина. Солнце было его успокоением.

В Свергенхайме солнце тоже светило, но мутно, из-за пепла. Янгред знал: у вулканов иных краев – обычных, не дающих живого магического огня – пепел еще и сродни заразе. Спускается, пробивается в нос и глотку, мешает дышать. Живущие там слабы, рано умирают. «Особенному» народу повезло: пепел Пустошей просто витал высоко в небе. Единственным способом столкнуться с ним было угодить в свежее, исторгаемое кратером облако. Говорили, это напоминает нырок в рой раскаленных мотыльков. Мотыльки больно кусают и уродуют глубокими ожогами. Так – заставляя во время Великих Извержений пройти сквозь пепельное облако – испокон веков наказывали монахинь за блуд. Весь остальной год пепел стремился остаться в вышине, кутал солнце,

словно чахлое дитя, – не так, чтобы оно совсем перестало греть, но так, чтобы украсть все его золото. Солнце Острары же сияло, да еще его воплощение оказалось рядом. Когда Янгред впервые увидел Хельмо в зоркоглаз, ему даже пригрезился ореол вокруг легкокудрой головы. Возможно, так мерцали русые волосы; возможно, дело было в линзе, не поймешь. Но похожее чудилось и позже, на площади.

Сейчас Хельмо наблюдал, как кинжал снова и снова очерчивает на карте треугольник, от одной вершины к другой. Нет, сожаления Янгред не видел, лишь отстраненную задумчивость, но и она тревожила. Молчание казалось неловким. Ни с того ни с сего Янгред ощутил себя волком в ухоженном саду. Если разобраться... не так ли видели наемников острарцы? Янгред быстро убрал кинжал за пояс и опустил на карту руку.

– Справиться быстро нужно не по этим причинам. И мы сделаем все возможное. Я просто... – Он запнулся: Хельмо опять поднял глаза, и во взгляде отразились вопросы «Стоит ли доверять вам?» и «Не броситесь ли вы рвать нашу землю при первой же возможности?». – Хельмо, напоследок мне было бы интересно что-нибудь услышать об этих краях. Они выглядят... невероятными. Почему вы отдаете их?

Хельмо слегка расслабился, даже улыбнулся уголком губ. Потеплел и взгляд.

– Желаете, чтобы вам расписали красоты? – спросил он не насмешливо, не раздраженно, скорее, смущенно. – Мне

будет сложно, это же не вещь, которую вы покупаете. Думаю, вашим братьям многое уже известно, раз они подписали договор.

– Но я хочу узнать, как видите вы. – Ответ пришел сам, и Янгред удивился ему не меньше, чем Хельмо. Рука солнечного воеводы, рассеянно потянувшаяся все к тому же треугольнику долины, отдернулась, а вот глаза он отвести не успел.

– Почему? – Взгляды столкнулись, и, возможно, впервые за жизнь, Янгред почувствовал немыслимое: как приливает к лицу кровь. Ощущение быстро исчезло, скорее всего, накатило от духоты. Но в теле оно отозвалось призрачной дрожью. Да что такое...

«Потому что вы словно душа солнца над этой землей». Но подобные поэтические вольности могли испугать Хельмо, самого Янгреда бы точно испугали. И он просто сказал:

– А кто расскажет лучше, чем воевода Дома Солнца? Вы готовы проливать свою кровь, значит, знаете, за что. Готовы и мы, но наши знания не сравнить.

Хельмо понравился ответ, напряжение с его лица немного сгладилось. Он кивнул, облизнул губы и наклонил голову, всматриваясь в черненные рисунки елей, лип и низких холмов. Пальцы коснулись края бумаги, провели по ней. Когда они добрались до границы со Свергенхаймом, Янгред опустил рядом свою руку.

– Этот край укутывают леса. Большинство – сосновые. Че-

рез них пролегает Речная Сердцевина, место, где наша Аса-Кованта – главная острарская река, сестра столицы, пронизывающая всю страну, а начало берущая еще в княжестве людоедов, – разделяется еще на два рукава. Один бежит к вашим вулканам, но не достигает их, второй спешит в Эйру – город, что стоит на озере. На озере, к слову, есть древний замок, еще доимперских времен, и построен он якобы из межзвездного корабля... неважно, это легенды, которые церковь отрицает, так или иначе замок заброшен и там никто не живет.

– Чувствую, братья с охотой займут его. – Янгред усмехнулся. Хельмо задумчиво посмотрел на него, взял с нагромождения ящиков, служащих столом, писчее перо и очертил долину еще раз.

– Боюсь, это будет сложно. А... – светлые глаза вновь устремились на Янгреда, и там блеснуло живое, почти детское любопытство, – что займете вы? О чем вы-то мечтаете?

Янгред неожиданно растерялся. При всем восхищении будущим приобретением, при всем понимании своей несомненной в нем роли, мысли о жизни в этих долинах, лесах, городах были зыбкими – может, оттого что неубитых зверей не делят. Хельмо ждал. И, уклоняясь от неясной даже ему самому правды, Янгред самым безмятежным и шутливым тоном велел:

– Рассказывайте дальше. Тогда и решу.

– Что вам еще?.. – Теперь растерялся Хельмо, опять опу-

стил глаза. — Есть пара липовых лесов. Вокруг городов земли плодородные. Если бы кто-то распахал хоть треть этих равнин, можно было бы вырастить немало хлеба...

— А почему не распахивают, не выращивают?

Хельмо пожал плечами:

— Это и есть главная причина, по которой дядя отдает их. Людей там немного, а поселения в сравнении с прочими молоды. Молоды — и уже в запустении. — Хельмо помедлил и опять приподнял голову. Янгрэд поймал грустную улыбку. — Знаю... титул обязывает меня радеть за неделимость Оstrarы, но я рад, что они отойдут вам.

Звучало искренне. Было ли продолжением «...потому что мне вас жаль» или «...потому что вы лучше поймете, как ими распорядиться»? Янгрэд счел неподобающим спрашивать, но подумал — и довольно навязчиво — о другом. Как же ему повезло. Иметь земли в этой долине, не обносить их стеной, чаще видеть солнце... два солнца, ведь если кампания удастся, отношения Свергенхайма и Оstrarы станут теснее. Царю нужны друзья, Трем Королям — тоже. Янгрэду — не так чтобы, но Хельмо он не отказался бы узнать ближе. Такие светлые люди — особенно если они еще умели держать оружие — никогда не вызывали у него ни насмешек, ни жалости. Он не считал их блаженными и недалекими. Наоборот, тянулся к ним с безотчетностью дикаря, ищущего выход из замерзшей пещеры. Янгрэд одернул себя: рановато делать выводы. И все же на дальнейшем рассказе он сосредоточился

с трудом.

– В долине долго жили кочевники, устраивали набеги на соседей, – пояснил Хельмо. – Потом Авано Сметливый, отец Вайго, прогнал их к морю, забрал землю и решил превратить в самую цветущую из провинций. Ему казалось, слишком люди тяготеют к столице, прочие же края обжиты плохо, и он был прав. И вот он велел выстроить в долине три города и десяток деревень, начал жаловать наделы, обложил эрейцев податями: чтобы поставляли столько-то зерна, меда и медовухи, рубили лес. Пока он был жив, люди слушались, ехали, работали, ведь он умел воодушевлять и сам туда наезжал. – Хельмо усмехнулся. – Но пришел Вайго. Он мечтал о выходах к морю и отвоевывал их, а вот долину не вспоминал. Зато слава его гремела на всю Острару. Всем опять казалось, что «где царь, там лучше», «где двор, там веселее». И снова люди поспешили на свет, особенно молодые. Скучно им было вспахивать землю и гулять по лесам, сидеть вдали от больших дел. Я, наверное, понимаю их...

– А я нет, – ровно отозвался Янгрэд, прежде чем отдал себе в этом отчет.

Хельмо окинул его новым удивленным взглядом и сделал неожиданное – протянул руку, провел рассеянно по золоченому наплечнику. Янгрэд проследил за движением.

– Да? А ведь вы кажетесь таким... – под взглядом Хельмо быстро замолчал, пальцы отдернул, будто обжегшись. Именно это смущение сделало простой жест... личным? – Изви-

ните.

– Каким? – уточнил Янгред, подаваясь чуть вперед и прикидывая, что услышит, комплимент или упрек. – Не стесняйтесь, жажду знать.

– Блистательным, – вздохнул Хельмо. Тон не был восхищенным, скорее, напоминал выносимую учителем оценку, и тем занятнее все звучало. – Вам правда близка природа? – это он спросил с некоторым, даже обидным сомнением. – Обычная жизнь вне статуса?..

– Ну, так или иначе, я не считаю ее менее достойной, чем моя нынешняя или жизнь ваших царей, – снова Янгред немного уклонился от ответа, которого не знал. Зато о другом, о не дающем покоя, об отголоске Великой Обиды он мог рассуждать долго и не сдержался. – Простите за прямоту, Хельмо, но ваши люди глупы. У вас так много великолепной земли, которую можно превратить в сокровищницу, а вы жметесь на огрызках. Золоченых, шумных – но огрызках, которые в случае чего вас даже не прокормят. – Новая мысль заставила его помрачнеть, он и сам понял, что тон звучит резковато, с неуместным укором. – Вы будто... ничем не отличаетесь от нас. Вы будто так же бедны, хотя это ложь. Разве нет?

– Все ищут, где лучше. – Хельмо не ответил грубостью, наоборот, тон его зазвучал мягче, будто он переубеждал ребенка. – Но «лучше» у каждого свое. Многие эрейцы, например, пожелали воспользоваться дядиной милостью и поки-

нута долину после того, как она перейдет к вам: им он пообещал наделы ближе к столице. Прочие же обрадовались будущему соседству, так как вы считаетесь просвещенным народом. И все же бо́льшую часть земли вы получите пустой. — Он помедлил. — Не мне просить вас об этом, но позаботьтесь о том, чтобы не притеснять оставшихся острарцев, не гнать, не рушить наши церкви...

— Не мне вам это обещать, так как я не политик, — в тон ему ответил Янгред и улыбнулся. — Но могу сказать, что мои братья не суровы и ничего не станут насаждать, кроме, может, обжорства. А наша вера милосердна к прочим. Мы никого не обращаем, в нас заложена память о том, как подобное пытались сделать с нами. И есть вторая, более веская причина... — он запоздало спохватился, — скажем так, это вопрос догматов. Неважно, слишком заумно.

«Мы все еще ищем нашего Бога с Той Стороны. И он может быть где угодно». Но уходить в дебри легенд было некогда.

— В целом, вам очень повезло, — тихо сказал Хельмо, вставая и отходя к пологу шатра. — Если бы вы могли представить, как цветут и пахнут липы, когда их не две-три, а сотни, и все огромные, и все колышет ветер. Или в какие цвета закат окрашивает цветы на холмах. Или те дикие течения в сосновой чаще, с которыми раскалывается Речная Сердцевина... Впрочем, сами увидите. А сейчас, думаю, пора продолжить смотр войск. Хорошо?

Он улыбнулся через плечо и плавно отвел завесь. Хлынувшее в прохладный полумрак солнце опять запуталось в его волосах, окружая их ореолом. Янгреду пришлось прикрыть глаза ладонью и сомкнуть ресницы, но даже так он еще несколько секунд видел перед веками... нет, не само солнце. Чужое лицо. Его лицо. Иноземно неправильное и завораживающее не красотой – светом. Наконец Янгрэд понял главное: на Хельмо замыкались все его надежды. И не только его. Ему, его людям нужно было это Солнце: чтобы за спасение получить спасение.

И пусть, пусть все сложится. Он сделает ради этого все. И уничтожит все на пути.

* * *

Она сидела в комнате Десяти Зеркал – будуаре, как зовут это жители Цветочных земель, – и отражалась в каждом серебристом стекле. Застывшее лицо, мерцающие тайным ужасом глаза в алой обводке, дрожащие руки. Черный водопад волос, которые даже собрать не получилось – руки не справились со шпильками. Пусть. Даже служанок звать не стала, чтобы исправить прическу, так и откинулась на подушки, полуодетая и бледная как смерть.

Вспоминала *его* улыбку. Печаль. И гибель. Ее глодало дурное предчувствие, такое, что даже поесть не вышло. Что делать? Что? Бедный, бедный глупый Хельмо, на что только

его обрекли. Или сам пошел? Еще иноземец этот, бесноватое пламя. Смотрит странно, и вроде нет во взгляде дурного, а вроде хочется, чтобы скорее оказался дальше. Погубит Хельмо. Всех погубит. Учтивые речи, стальные когти. Впрочем... Хельмо не так-то просто будет погубить. От того, как он изменился, всколыхнулись в груди и гордость, и трепет, и горечь.

Город шептался – возвращаясь в замок, она это слышала. Шептался и горел глазами, шептался и звенел клинками, вынимаемыми украдкой из кожаных ножен и дорогого тряпья. Люди сбивались в стайки и говорили, говорили. Пели в отдельных церквях колокола в неурочное время, пели – значит, созывали паству. Выполняли царев указ. Тревожно. Богата Инада оружием и теми, кто умеет его держать, богаче, чем Имшин расписала гостям. Вот только не хочется, страшно отдавать. За пустое. За чужое.

Или?..

Глупая. Не чужое оно тебе, твой это дом, был и остается.

Она вспомнила вдруг совсем давнее – как увидела будущего мужа, пришедшего свататься вместе с сияющим златовласым Вайго. Такой был Карсо – друзьями-соплеменниками почти не обзавелся, сапог вовремя не начистил, в приданое вытребовал всего-то три десятка шелковых коней да одно жемчужное ожерелье, зато в сваты затащил самого царя. Царя и еще... еще...

Имшин закрыла лицо руками. Десять ее отражений сделали то же.

– Будешь моей, ласка? – тихо спросил ее Карсо в тот день. Большой, нескладный, с жидкими черными волосами и криковатым ртом, с высоким лбом и темным взглядом, проникающим в самое сердце, с густыми, словно щетки, ресницами. Такое оно, кочевое племя: не водится там красавцев, зато каждого раз увидишь – ни в жизнь не забудешь.

– Не буду, – гордо отвернулась она, смущенная тем, что пришли трое, сразу трое, да без отца.

Развернулась – и выбежала из тенистой резной галереи в душистый розовый сад. Звенели браслеты на ее лодыжках, летели по ветру рукава-фонари. Горели щеки от понимания: все впустую. Сговорились уже отец, царь и этот человек. Не отступятся.

– НЕ БУДУ! – крикнула снова, в пустоту.

– Беги, беги за ней, Карсо, это она тебя дразнит! – басисто захохотал царь и хлопнул то ли себя по коленям, то ли друга по спине. А тот второй ничего не сказал и не сделал. Глядел.

И Карсо побежал, натываясь по пути едва ли не на все любопытствующие кусты, сбивая с них цветки и ягоды, сопя по звериному. Бегал он быстро, но, увидев, что загнал Имшин в угол у невысокой белокаменной стены, сам вдруг остановился в пяти шагах, будто давая свернуть и где-нибудь укрыться. Исцарапанный, в листве, покрасневшийся. Он смеялся, но глаза были серьезными. Казалось, он сам боится того, что

мог бы сделать, – и потому не сделает. Имшин гордо вскинулась, сморщила нос: ну какой нелепый, даром что не коренной острарец, а хуже медведя. А он, не приближаясь, бесхитростно признался:

– Давно ты мне нравишься, сагибова дочь. Нравишься, как никто никогда, со дня, как вы впервые побывали при дворе и ты там звонко-звонко смеялась с царицей. Не пойдешь за меня – наверное, вообще не женюсь. И ладно, оно того стоило.

Даже ответа ждать не стал: может, побоялся. Развернулся и пошел прочь, чуть сутуля плечи, в этот раз аккуратно огибая каждое пострадавшее растение. А она, непонятно чем ведомая, сама осторожно устремила за ним – сняв браслеты, ступала бесшумно, только сердце колотилось. Карсо вернулся в белокаменную колончатую галерею, поднялся по ступеням – к пьющим вино друзьям. Имшин затаилась за кустами шиповника.

– Что же ты так, не поймал? – хохотнул Вайго. – Города берешь, а женок – нет?

Второй посмеивался тише и упорно ничего не говорил; дымные глаза его лучились строгостью. А Карсо тихо ответил обоим:

– Таких не ловят. Не для того они.

Вайго ничего не понял, судя по следующим шуткам. Второй – да.

Она вышла за боярина-медведя через месяц. Полюбила

скоро голубую Инаду и поняла, что вечно хохочущий, крепкий на руку Вайго не так плох. И что вообще-то ей повезло: рады иноземцам в Остраре, как нигде. Она что дивный ребенок, тянет доверчиво руки ко всему хоть сколь-нибудь необычному, привечает, делится тем, что имеет. Священники разве что злые, но и на них найдется управа – все тот же царь.

Любила она свою жизнь. Любила Карсо, от которого сыновья родились – загляденье, с его статью и ее ловкостью, его удалью и ее красотой. Все, все здесь она любила. Только порушилось давно. Порушилось даже не в тереме, который веселый, громкий, безмятежный Вайго сжег вместе с собой и семейством. Раньше порушилось, в дождливый день в черной чаще, на далеком болоте. Что теперь, чинить? Или новое строить на руинах, как возвел Хинсдро новый терем? Однажды золото – гнилое золото – уже погубило серебро. Нет, больше она этого не допустит, не допустит. Закончится поганая Смута. Закончится, так и не начавшись, никто не придет в Инаду, никому она не достанется. Не даст Имшин топтать ее землю.

– Госпожа... – раздался низкий голос, шелкнули шаги за спиной.

Подняв голову, она всмотрелась в отражение.

– Решили?..

Она кивнула, но обернуться не решилась и только произнесла, обращаясь словно бы к десяти зеркальным двойни-

кам, усталым, злым, но наконец вытершим последние слезы. Красная подводка вокруг их глаз была словно кровь.

– Наши союзники устали в пути и изголодались, я знаю. Мне их жаль. Пошли, пожалуйста, служанок в замковый сад и вели не скупиться. С этого и начнем.

В зеркалах ножами сверкнули десять желтоватых улыбок. В желтизне лукавыми огоньками загорелось серебро.

– Славно. Сделаем.

И на сердце сразу стало легче. Может, и не так это сложно – победить врага, если рядом надежный друг?

* * *

– Итак, – прозвучало шутливо, и на губах Хельмо сама появилась улыбка. – Я распушал хвост как мог, мои люди – тоже. Хотели бы увидеть что-то еще?

Пришлось признаться:

– Честно говоря, не знаю, чем меня можно еще удивить. Я определенно ждал худшего, волновался. Но все слухи о вас...

Янгрэд приосанился. У него не получилось скрыть оправданную гордость.

– О, они чистая правда.

Костер горел у воды. Они отдыхали после того, как объехали почти весь лагерь. Хельмо вблизи рассмотрел коней, мортиры, пару осадных орудий – образец того, что предсто-

яло строить в пути. При армии был корпус мастеров по конструкциям: стрелометам, блидам⁵, башням. Хельмо даже с переводом не до конца понял оживленные речи одного из них, самого щуплого и старого, но впечатлился. Еще больше его впечатлило другое: какими ладными были воины. Янгред отказался от мысли дать войскам смотр сейчас, решил повременить, не мешая отдыху после перехода. Но три пехотных полка сами проводили учения под руководством младших командующих. За этим Хельмо понаблюдал.

Армия выглядела единой, даже доспехи отличались лишь у командиров: как и у Янгреда, у многих на них имелись золоченые элементы – шипы, полосы, пластины. И если люди, вышедшие с Хельмо из столицы, еще могли сравниться с союзниками хотя бы полнотой обмундирования, то те, кто присоединился в пути, и те, чьи отряды стягивались по призыву, выглядели куда хуже. Немало было крестьян, купеческих детей, вчерашних рекрутов. Не все имели холодное оружие, что говорить о пистолетах, тем более о лошадях. Таких приходило большинство, ведь Первое ополчение давно воевало ближе к границам или защищало столицу. Ко Второму могли присоединиться лишь остатки.

Наблюдая, как эти люди обустраиваются – шатры тоже были не у всех, многие просто строили шалаши из лапника, – Янгред молчал. На его лице не читалось ни разочарования или раздражения, ни брезгливой жалости, которой Хельмо

⁵ Стационарные камнеметы.

опасался больше всего. Позже, осматривая обозы, Янгрэд сказал, что часть амуниции и оружия привезена для союзников, на подобный случай, – это особо обговорил Хинсдро. Он и вправду был Всеведущим, не поскупился: представлял, кто встанет под знамена племянника.

Зато Хельмо рассчитывал на Инаду, точно зная, что лишь немногие отсюда ушли по первому призыву. Город славился по-человечески гордым нравом, здесь неохотно кому-либо служили. Но Хельмо верил Имшин. И она, и Карсо были преданы Вайго, хотя бы за то, что тот одобрил их союз. Они обещали однажды отдать долг. Защитить то, чем Вайго дорожил больше всего, было бы достаточной платой. Более чем. Был бы Карсо жив...

– Вы чем-то огорчены, Хельмо?

Он очнулся и перестал представлять себе скорбную вдову, с которой был непростительно напорист. Янгрэд смотрел на него, держа в руках чашу – как Хельмо уже знал, из металла еще более легкого, чем сплав доспехов. Из этого вещества – алюминия – была сделана значительная часть утвари наемников.

– Простите, я задумался. Все складывается... несколько не так, как я ожидал.

– А чего вы ожидали?

Хельмо уставился на огонь. Он не хотел говорить, что надеялся на более теплый отклик; что осторожность Имшин – нежелание пустить чужих, прогулка под конвоем, разговор

на повышенных тонах – задела его. И точно он не хотел говорить, какие страхи еще недавно преследовали его самого: что наемники разграбят округу, что на месте Янгреда будет престарелое чудовище. Все мысли венчались одной: дядя зря его выбрал. Он недалновиден, наивен, не справляется. Наверное, нужно было сидеть и не высовываться, заниматься ас-ковантской обороной. Дела побольше – они для других.

Янгред неожиданно ободрил его, будто угадав часть тревог:

– Бросьте. Вы держались хорошо, но независимые города все с характером. Вытравить оттуда волю невозможно, даже если город присягнет вам. *Особенно* если присягнет.

– Меня это не тревожит, а лишь гнетет, – торопливо возразил Хельмо, кривя душой. – Помощь будет. Я доверяю Имшин. Полностью доверяю.

Янгред сощурился.

– Никому не следует доверять полностью.

– У нас принято считать не так. Более того, недоверие осуждается.

Глаза Янгреда блеснули беззлобно, но лукаво.

– Правда? Удивительно, что ваш народ еще цел при таких обычаях.

Хельмо, решив не обижаться, повел рукой себе за спину. Там рыцари и ратники грелись у огня вместе, ели что-то из общего котелка и сносно общались, несмотря на незнание языка.

– Правда. Если раньше союзник нас не подводил, мы будем доверять ему.

– А если подведет? – Янгред выглядел все более заинтересованным. Вспомнилось детство, когда о чем-то похожем допытывался старый Анфильд.

– Уничтожим, – отрезал Хельмо и вернул шутку: – С искренними слезами на глазах.

Янгреду понравилось сказанное: он рассмеялся, качая головой.

– Кстати, что, вы отпустили своих в город? – любопытствовал Хельмо.

Янгред тут же посерьезнел, взгляд его стал сосредоточенным.

– Да, вот только я упорно опасаюсь, что они будут пьянствовать...

Это удивило. Рыцари выглядели очень, даже пугающе собранными.

– У вас что, тоже склонны к этому? – изумился Хельмо.

– Мне кажется, многие к этому склонны после долгого пути. Но не страшно, я знал, кого выбрать. – Янгред бегло glanced в сторону городских стен. – И даже им я успел дать всякие особые распоряжения, в том числе на случай проблем.

– Распоряжения? Проблемы? – Хельмо почти возмутился. – Слушайте, ну один-то спокойный вечер у них есть. Я тоже не одобряю возлияния в походах, но...

– И все-таки лучше точно знать, как вести себя в го-

стях, – мирно, но непреклонно возразили ему. – Страна чужая. Щедрая. Красивая. Полна соблазнов.

Вроде лицо Янгреда осталось безмятежным. Или нет?.. Хельмо опять на несколько секунд почувствовал себя мальчишкой рядом с умудренным летами, ученым мужем: вон как отслеживает каждый шаг своих людей, вон как думает на несколько таких шагов вперед! Стоит взять с него пример. Да только мысли о возможных «проблемах» опять лезут неправильные, такие, что не признаешься. И не предотвратишь, если вдруг...

– Но если что, распоряжения захватывать город я не давал, да они бы и не смогли, – раздалось вдруг рядом. – Их маловато, и пушки они оставили тут.

Янгред смотрел теперь исподлобья – неприкрыто насмешливо, но без недовольства, скорее, оцениваяюще и вызываяюще: я тебя раскусил, что ответишь, чем удивишь? Хельмо под этим взглядом не впервые смутился, затем – устыдился. Подумал ведь! Краем ума, но подумал. Спеша скрыть это, он упрямо и даже обиженно помотал головой:

– Не подразумевал подобного. Просто заинтересовался, какие дополнительные распоряжения можно дать столь дисциплинированным людям.

– Ну, не забывать, что они дисциплинированные? – проникновенно уточнил Янгред. – Даже себе стоит напоминать об этом, а то ка-ак забудешь, ка-ак начудишь! И проснешься потом в хлеву, в обнимку со свиньей и без штанов.

Хельмо неожиданно для себя прыснул, в основном от чопорного выражения, которое приняло лицо Янгреда. Картинка тоже представилась довольно ярко.

– У вас было такое? – заинтересовался он. Янгред хитро прижал палец к губам.

– Мы еще недостаточно близки для таких секретов.

И снова они засмеялись хором. Подозрение исчезло окончательно, Хельмо устыдился сильнее прежнего. Осторожность осторожностью, а о доверии сам твердит! Переводя разговор, он махнул на подвешенный над пламенем котелок, от которого шел пар:

– Хотите попробовать? А ну как и сблизимся, если выпьем вместе.

Он задумался, не двусмысленно ли это звучит, опять чуть-чуть смутился, с другой стороны... так же правильное, чем не предложить вовсе? Янгред как ни в чем не бывало сел ближе и с интересом наклонился; его ноздри дрогнули.

– А это так же недурно, как та похлебка на дичи, которую готовили ваши снабженцы?

– Это сбитень. Вообще-то он нужнее, когда приходит Белая Вдова, но в этих землях к вечеру становится промозгло даже сейчас. Кто-то может слечь.

– Да, мы успели заметить.

Для Хельмо это прозвучало упреком, но Янгред уже дружелюбно уточнил:

– Он хмельной? Что там?

– Нет, что вы, – торопливо отозвался Хельмо. – Хвойный мед, липовый цвет, травы.

– Что ж, можно и рискнуть.

Плеснув в деревянный черпак напитка, Хельмо пригубил его и только после этого перелил в металлический кубок. Янгрэд, помедлив, сказал:

– Не было необходимости, я знаю, что не отравлено. Вам я вполне доверяю.

– Может, зря? – Хельмо повторил его недавнюю строгую гримасу, усмехнулся и налил из котла себе, в такую же деревянную, как черпак, чашу. Хотел отпить, но Янгрэд вдруг протянул к ней руку.

– Можно посмотреть? Выглядит немного... древней?
Хельмо кивнул.

– Она была походной еще у отца. Лет двадцать ей есть.

Бережно взяв чашу, Янгрэд поднес ее к глазам. Стенки и ножку испещряли узоры, некогда раскрашенные алым и золотым, но поблекшие.

– Как же... красиво, – прозвучало глухо, без тени шутовства.

Хельмо остро понял, что для союзника – жителя мест, где деревья выращивают лишь в высокоградах и вряд ли что-то такое вырезают, – это диковина, как алюминий для острарцев. Вспомнились слова в шатре: «Ваши люди глупы», и что-то сжалось в груди, как сжималось только при виде нищих на паперти. Вот удумал, ну и сравнение! Перед ним принц!

Пришлось отбросить наваждение. Пальцы Янгреда тем временем прошли по поцарапанным янтарным солнцам, по орнаменту обода, и он, вернув чашу, отпил из своей. Отметил:

– Интересно, ни на что не похоже.

– А что пьете вы, чтобы согреться? – пытаясь отвлечься, спросил Хельмо.

– Огонь или горный снег, – ответили ему с самым будничным видом.

Хельмо хмыкнул, тоже сделав большой глоток.

– А если не пересказывать мне глупые байки, которые о вас ходят?

Янгред вскинул брови.

– *Огонь* делается на основе морошкового вина, красного перца и можжевельника. *Горный снег* – теплое кобылье молоко с пряностями. А вы о чем подумали?

Хельмо покачал головой. О таких напитках он не слышал и вообще, как оказалось, знал о быте наемников невероятно мало, представлял их, скорее, героями легенд, чем живыми людьми. Но звучало все просто и в то же время красиво.

– О чем угодно, кроме этого... – признался он. – Простите мою дремучесть.

Янгред как ни в чем не бывало засмеялся и стукнул по его чаше своей.

– За вас. И за глупые байки, пожалуй. С ними веселее.

Они выпили и немного помолчали. Хельмо вслушался в

отдаленный шелест листвы, прикрыл глаза. Сложный день. Длинный. И завтра не будет легче, ведь в лагерь начнут стягиваться инадцы, да и амуницией для ополченцев предстоит заняться плотнее. А младшие огненные офицеры? С ними бы сойтись лучше. Не все, кто попался на смотре, понравились Хельмо, не всем понравился он, но раздоров предстояло как-то избежать. Будут дни, когда им предстоит подчиняться ему лично. Где-то части смешаются. Не прятаться же за спину Янгреда все время. И так странно, что весь день он таскает его за собой. Или нет? Оба ведь лидеры. Что тут правильно?

– Скажите, – осторожно начал он, открыв глаза. Янгред, оказывается, все это время его рассматривал, с выжидательным любопытством. – Я... пока не раздражаю вас?

– Что? – недоуменно переспросил огненный командующий и засмеялся. – Нет, конечно. Вы справляетесь с обязанностями. Умеете общаться, читать и писать. У вас нет клочковатой бороды, и вы не размахиваете топором. – Заметив изумление Хельмо, Янгред понизил голос. – Как видите, и мы знаем вас больше по слухам.

– Мы не... – беспомощно начал Хельмо и махнул рукой. – Впрочем, понимаю. Мы разные. Но это не от лени или безалаберности, это...

– От беды, – тихо и серьезно закончил Янгред за него. – Но она преодолима.

Он снова улыбнулся, в этот раз одними глазами. Хельмо

свои отвел, вспомнив, как резко и испуганно говорила с ним Имшин. Она не верила в него – так показалось. Это сильно пошатнуло его надежды. Он одернул себя: нельзя больше этого показывать, тем более Янгреду, особенно ему. Лучше продолжить о чем-то полегче, повеселее. Легенды... начали они с легенд. Много их ходит о язычниках, одна другой ярче. Самая необычная как раз ожила в голове.

– За нашу удачу, – ободряюще шепнул тем временем Янгред. Чаши снова стукнули друг о друга. Хельмо сделал жадный глоток из своей, собрался и спросил как можно бодрее и заинтересованнее:

– Кстати, о байках. А скажите-ка, правда, что у вас есть и женские легионы?

Нет, ему искренне хотелось узнать. Еще дядя говорил об этом с осуждением, а вот старые знакомцы покойных родителей – едва ли не с вожделением. Мол: «Красивые у них девки, сладкие да злющие. Совсем как твоя мать». Просто сейчас было, конечно, не до подобного; может, даже гнусно прозвучало, с намеком, и в ответ раздастся: «А вам что за дело до наших женщин?» Но Янгред, наоборот, явно одобрил вопрос. Присвистнул уважительно и, осушив чашу, поставил в траву.

– А вы знаете, чем занять вечер! Я-то думал оставить это на завтра.

Хельмо сразу вспыхнул и открыл рот, чтобы возразить, но Янгред уже вскочил.

– Идемте. Ну, идемте! – Прозвучало так властно и коварно, что Хельмо всполошился. Недоуменно посмотрел снизу вверх.

– Куда вы собрались на ночь глядя?..

Янгрэд простер в стороны руки и, потягиваясь, запрокинул лицо к темнеющему небу. Он, бледный, рыжий и освещенный закатным солнцем, выглядел сейчас удивительно несерьезным, молодым, не то что днем. И он явно замыслил что-то.

– Развенчивать легенду. Или как получится.

Хельмо поднялся с некоторой опаской, но теперь его, правда, снедало любопытство. Они двинулись через лагерь к лесу, где меж деревьев тоже золотились огоньки. Следом увязался Бум – тот огромный пес с грязно-серой шерстью и бантом на шее. Поступь у него была косолапая, медвежья, а слюнявый язык то и дело норовил до кого-нибудь дотянуться.

– Чей зверь? – спросил Хельмо, в очередной раз уворачиваясь от дружеского поцелуя.

– Не знаю, – откликнулся Янгрэд и потрепал Бума по холке. – Кажется, кто-то хотел отдать его Великим Извержениям: привязал у избы. А мои подобрали. Я не против, веселое зверье, как ни странно, поднимает воинский дух не хуже песен.

– Отдать Извержениям? – Хельмо вздрогнул. Ласковые собачьи глаза посмотрели на него из-под густой челки; из

могучей грудины вырвался зычный гав.

– Ну, огонь уничтожает все, что не поднимают в высокограды после сбора урожая. – Его поняли неправильно. – Внизу у нас лишь временные жилища... Вы не слышали?

– Да, знаю, – торопливо отозвался Хельмо, вздрагивая снова. Посадить кого-то на цепь, оставить дожидаться пламени на голой земле? Дикий все же народ.

Янгрэд принял шутливо-суровый вид.

– Я не удивлен. Громкий он, пристающий. А многие у нас не любят такое.

– Животных тогда можно просто не заводить, – пробормотал Хельмо.

Янгрэд внимательно взглянул на него, наконец догадавшись о мыслях.

– Потому я и не завожу. Но прослежу, чтобы, когда собака изведет всю армию, ее судьба не повторилась. – Бум прыгнул на него и все-таки облизал. – Хм... ну, если не передумаю. Бум, фу! Я, как вы могли заметить, люблю живой мир, но псы... странные они. Местами будто люди. Верные до слепоты. Этот вон даже веревку, говорят, не рвал.

Пес наконец отбежал: его привлек запах тушеного мяса возле одного из костерков. Янгрэд прибавил шаг, но все равно бегло с кем-то здоровался, переговаривался, отпускал замечания. От него не ускользало ничего: ни неудачно стоящая пушка, ни заблудшая лошадь, ни хмельной запах. Хельмо тоже оглядывал солдат. Почему-то казалось, будто они

ведут себя обеспокоеннее, чем днем, и не так чтобы отдыхают. Многие возились с оружием, почти никто не расстался с броней. Ждут ночной атаки? Чьей? Разведчики доложили, лунных в округе по-прежнему нет. Хельмо уже хотел спросить Янгреда об опасениях, когда кое-что отвлекло его. Дальше, вверх по реке, там, где она петляла, а деревья особенно густо и низко склоняли ветви, кто-то звонко смеялся. Будто там затаились русалки.

Янгред принял многозначительный вид и отодвинул несколько еловых лап. Взгляду открылся чистый участок берега, вроде мшистой опушки. Здесь тоже стояли шатры, горело несколько костров. Ближний окружало с полдюжины воинов, сидевших плечом к плечу и шептавшихся. По спинам змеились толстые сложные косы, украшенные цветами. Тонкие узоры сверкали на доспехах – точно золотой иней покрывал серебро.

– Ваша легенда, Хельмо, – негромко произнес Янгред, улыбнулся уголком губ и прокашлялся, выдавая свое появление. – Доброго вечера, эриго! Не помешаем?

«Русалки» были молоды, некоторые – совсем юны. Бледные, оживленные, они одна за другой стали поворачиваться; несколько мигом вскочили. Хорошенькой казалась каждая, даже та, которая шириной плеч и ростом не уступала покойному Карсо. Сложно сказать, что так завораживало в них: рыжесть, взгляды, странная прелесть сочетания – цветов и металла?

– Командующий! – послышалось со всех сторон.

– Ну наконец он о нас вспомнил!

– Ваше огнейшество, ваше огнейшество!

Хельмо фыркнул: все же пришла очередь Янгреда хоть от чего-то смутиться! Странное слово явно ему не понравилось: брови сдвинулись, глаза сощурились, и он даже погрозил пальцем кому-то, кто произнес это. Поздно, волна пошла дальше. Из шатров высовывался один любопытный девичий нос за другим, слово повторялось и повторялось на разные лады.

– Единственное, за что я их не люблю, – страдальческим шепотом признался Янгред, но поддержки не нашел.

– «Огне-ейшество»? – Хельмо нараспев повторил витиеватое выражение. Янгред сердито уставился уже на него. Он пожал плечами и прикрыл ладонью рот. – Хорошо же звучит, важно, надо запомнить. Это что, ваше прозвище?

– От вас еще не хватало! – возмутился Янгред. – Имейте в виду, я буду за такое жестоко мстить. И – нет, это... это титул.

– Как мстить собрались? – резонно любопытствовал Хельмо и, не удержавшись, прибавил: – Ваше... *огнейшество*? Нет, я точно буду так вас величать.

– Запрещаю! – Прозвучало вроде весело, но как-то... тяжело. Когда не поймешь с ходу, шутит человек от ясного сердца или защищается. Почему он так? А впрочем... вспомнилось вдруг признание у ворот. То самое – «Они мне

не семья».

Хельмо задумался, ему стало опять неловко, но Янгред уже ухмыльнулся, точно враз забыв о своем возмущении. Он сделал пару шагов и приветливо поинтересовался у девушек:

– Как вы здесь? Устроились? Чем занимались?

Они медлили, неприкрыто им любуясь. Двое торопливо поправляли волосы, одна отряхивалась от крошек. Застеснялись, будто вполне обычные деревенские невесты.

– Хорошо, – наконец отозвалась самая младшая. – Даже купались... может быть, повторим при лунном свете. Река сегодня теплая.

Ну как есть – русалки. Хельмо всмотрелся в ее лицо – округлое, с тонкими чертами, которые не портила даже горбинка некогда сломанного носа. Глаза были льдисто-голубые, волосы убраны в четыре пушистые косицы. Девушка украсила их фиалками. Поймав взгляд, она с небывалым любопытством, даже как-то бесстыдно глянула на Хельмо в ответ.

– Ой, а это кто с вами такой?.. – спросила другая девушка, старше, с волосами более красного оттенка, сбритыми у левого виска. Она подступила ближе и склонила голову. Что-то кошачье было во всех ее жестах.

– Между прочим, предводитель войск Дома Солнца, – откликнулся Янгред. Он нисколько не смутился, когда девушка погладила его по щеке и запустила в кудри пальцы.

– Вы успели здорово зарости, – замурлыкала девушка. –

Мне нравится. Давно мы вас не видели...

Хельмо наблюдал за ней во все глаза. Соратницы из дальних шатров шептались и хихикали. «Смотри, какой второй ладный, а?». «Останутся, думаешь?». «Да нет, как всегда...». «Давай познакомимся с острарцами, ну давай!». Почти все эти девушки были в полном обмундировании, некоторые не расстались и с оружием, и все же... насколько же безмятежными они казались. Безмятежными, хрупкими и совершенно неуместными тут, возле города, ждущего вражеской поступи.

– Благодарю, – невозмутимо отозвался тем временем Янгред: его перестали почесывать, словно зверя. – Вообще-то мы заглянули с чисто деловым визитом, ненадолго. – По лесистому сумраку покатился разочарованный вздох. – Да, именно. Повторю то, что вам должна была уже передать командующая: завтра будет сложный день, так что...

– *О сложном дне* командующая все передала, – вдруг оборвал его голос у Хельмо из-за плеча. Качнулась еловая ветка, с игл брызнула вечерняя роса, и кто-то прошел рядом. – Но также командующая не даст тебе отнять у своих воинов *легкий вечер*. Здравствуй.

Новая девушка – худая и высокая, коротко стриженная и по-воробыиному растрепанная – тоже казалась юной, но двигалась иначе. Каждый шаг ее был плавно-чеканным, веский приказ самой земле: «Держи меня, не дай улететь». Она подошла к Янгреду без тени игривости, крепко взяла за плечо

и поднялась на носки. Он глядел молча, с непонятым, даже напряженным немного выражением, словно его застали врасплох. Наконец спросил:

– Да?.. – бог знает, о чем это было. «Правда не дашь?» или «Что тебе?».

Он даже не поздоровался с ней, но ей явно позволялось еще больше, чем остальным. Хельмо смутно чувствовал, почему: даже не будь незнакомка командующей, от нее ощущалось что-то уже не безмятежное, не русалочье. От резких скул, от тонкого, идеально прямого носа, от глаз – небольших, обманчиво злых, но скорее хищных. А потом девушка что-то зашептала Янгреду на ухо и враз переменялась.

– Давай!.. – единственное, что получилось разобрать. Янгред прищурился.

Она тараторила долго, все больше оживляясь, и уже не казалась властной и сердитой, наоборот, озорно посматривала на Хельмо. Это делало ее красивой, такой, что голова шла кругом. Но что она такое просила? Или предлагала? Больно бурно.

– Хм. – На какой-то фразе покосился в его сторону и Янгред. Вот это встревожило: он фыркнул, а принять вслед за этим строгий вид у него не слишком-то получилось. Он уже в полный голос обратился к собеседнице: – Губа у вас не дуря. Но я не настолько знаю местные обычаи. Спроси его сама, ладно?

– Почему нет... – Она кивнула. Выпустила Янгреда, де-

ловито развернулась и стрельнула глазами в Хельмо уже в упор. Вынесла вердикт: – Да. Отличная мысль.

– Я могу вам чем-то помочь? – проявляя учтивость, сам спросил Хельмо. – Буду польщен. Встреча с вами для меня...

Он явно высказался опрометчиво: девушка расцвела, да и остальные взбудоражились сильнее. Хихиканье крепло, уже звенело всюду. Янгред еще подначил собеседницу:

– Ну, давай. – Он снова обратился к Хельмо, сменив тон на просительный: – Понимаете, эти особы умирают от любопытства. Ведь их тоже многое у вас потрясло.

Вроде он говорил по-деловому... а вроде и подвох ощущался. Какой?

– Да, пожалуй, иначе не скажешь. – Командующая обвела подруг глазами, и те закивали. – У вас так чудесно, столько всего, чего нет у нас. Но главное... – Глаза сверкнули. – Мы, знаете, не думали, что вы, дикари, столь же красивы, сколь ваши земли!

– Даже красивее, – шепнул кто-то с придыханием. Прочие зашикали.

– Вы сказали... *дикари*? – опешил Хельмо, невольно обиженный на слово, которое, вслед за дядей, сам позволял себе в адрес союзников. Девушку это смутило мало, и пришлось продолжить: – Что ж, отрадно слышать, я...

Он сбился: командующая подошла вплотную и улыбнулась так, что слова позабылись. Хельмо остался на месте, поборов первый порыв попятиться. В Доме Солнца, особенно

при дворе, не дозволялось так сокращать расстояние, беседа с не принадлежащей тебе женщиной, а женщине подобало опускать взор перед неженатым мужчиной. Женщин-воевод это не касалось, но таких было мало, две на десяток мужчин. Так что теперь Хельмо сразу смешался, еще больше – когда ему убрали волосы со лба.

– Вы даже не рыжий... – У девушки была прохладная кожа, на голой кисти пестрела россыпь веснушек, запястье обвивал выбитый рисунок – рыбка мурена. – Это приятно. Хотя ваш невинный взгляд немного печалит. Но он же обманчив, правда?

Хельмо, зная, что опять краснеет, покосился в сторону. Янгред не вмешивался. Немного отойдя и лениво прислонившись к стволу ели, он наслаждался зрелищем. Вот она, месть.

– Все-таки что вам... угодно? – прокашлявшись и держа руки за спиной, как можно любезнее спросил Хельмо. «Невинный взгляд»... как еще смотреть, когда атакует тебя такая армия, а бежать некуда? – Любая просьба... для союзни... ц.

– Да? – совсем засияла девушка. – Славно! Так вот, мы слышали, об одном вашем обычае и теперь никак не можем перестать о нем говорить. Понимаю, звучит глупо. Но мы очень хотим понять его получше. Мы крайне любознательны.

Звучало куда менее страшно, чем Хельмо успел вообра-

зить из-за хитрого вида Янгреда. А голос у незнакомки был мягкий и, несмотря на хрипотцу, столь же пробирающий до костей, сколь у Имшин. Ну как такой откажешь? Она выдержала паузу. Хельмо успел за это время более-менее собраться, только вот щеки по-прежнему жгло.

– О... почему же глупо? Вы интересовались нашей культурой перед походом? Ценю.

Снова посыпались легкие смешки, но одновременно девушки торопливо закивали. Все больше их подходило от шатров и костерков; похоже, разговор правда их страшно интриговал. Глаза горели. Что же они такое услышали или вычитали и где? Судя по Янгреду и его рассказам о клочковатой бороде, стоило готовиться к чему-то из ряда вон.

– Какой... – Хельмо сбился, убеждая себя, что все нормально и происходит не более чем знакомство с одним из союзных полков, обязательное для слаженного ведения кампании, – какой обычай вас интересует? Деревянные кольца? Приветственные угощения?

– Правда ли, – углы губ девушки приподнялись, на щеках появились ямочки, – что солнечные правители и военачальники перед опасным походом или сражением могут благословить своих людей поцелуем? На удачу?

Хельмо опять покосился на Янгреда. Тот серьезно слушал, только выражение глаз выдавало усилия, с которыми он сдерживал хохот. Хельмо снова глянул на девушку – синеокою, лукавою, ни капли, в отличие от него, не покраснев-

шую. Она ждала ответа.

– О... А почему *вам* это интересно?

– Нам всем интересно, – напомнила та, у которой было четыре косы. – У нас поцелуй – лишь поцелуй. Они... ну, значат другое. И что-то он... – она зыркнула на Янгреда, – не спешит целовать нас лишний раз. И она, – кивнула девушка на командующую, – тоже.

– Каюсь, каюсь! – Янгред поднял руки, а зачинщица разговора невинно промолчала.

– Вот оно что... – растерялся Хельмо. Какой же чудной народ, ну правда.

– А вы очаровательны, – снова заговорила командующая, с опасным напором.

– Вы уже это...

– И мы в той или иной степени – тоже теперь *ваши*, не так ли? – не уступала она.

– Так...

– Думаю, многие из нас, – в который раз перебила девушка и победоносно закончила: – Были бы рады получить ваш поцелуй на удачу. Сейчас. Что думаете?

– Почему вы так... – Хельмо огляделся. К его замешательству, «русалки», сидевшие и стоявшие поблизости, тут же закивали, – ...уверены? К слову, это лишь поцелуй в лоб.

– Лишь? – подняла бровь командующая. – А это мало? К тому же обычаи в особых обстоятельствах можно и подправить. – И, притянув к себе маленькую девушку с четырьмя

косами, она звонко поцеловала ее в макушку. Та залилась смехом. – Ну, если пожелаете.

Хельмо окончательно покраснел, в ужасе осмотрелся и принялся тереть щеку. Да что они, сговорились? Янгред все же захохотал, бормоча: «О боги, ну что вы как дитя...» Обернувшись, Хельмо прямо и, как он надеялся, угрожающе посмотрел на него.

– Скажите, это что же, отвечает вашим уставам? У вас так принято?

Янгред призадумался, возведя глаза к небу, и наконец чопорно изрек:

– Видимо, скорее у вас. А я предпочитаю не осуждать обычаи союзников, тем более этот видится мне славным. А на мужчин тоже распространяется? – Он подмигнул, заметив, как Хельмо вовсе оцепенел. – Удача никому не мешает, я без предрассудков. – Впрочем, тут он сжалился. – Но поговорим об этом позже. Когда сблизимся настолько, чтобы обсуждать пробуждения в хлеву.

– Даже не думай, сначала – нас! – возмутилась командующая девушек. Судя по грозному виду, она правда собралась отстаивать права своих подруг.

– Подождите, но мы... – Хельмо снова посмотрел на «русалок» и упавшим голосом напомнил: – Не идем еще в атаку. Несколько следующих дней обещают быть мирными.

– Да разве угадаешь, – басисто отозвалась та, у которой были самые широкие плечи. Неужели и она так жаждала его

поцелуя? – На войне всяко случается.

– Так что же? – тихо спросила командующая и положила Хельмо руку на плечо. Нарисованная мурена оскалила зубы на тонком запястье. – Окажете нам честь? В, возможно, последний легкий вечер? В знак дружбы?

Восхитительная, устрашающая... боже, зачем они сюда вообще пришли?

– Ваше *огнейшество*! – Хельмо опять обернулся. Янгред удобно уселся между массивных еловых корней и сунул в зубы травинку, решив окончательно устраниться от происходящего. – Вы что, правда это одобряете?

– Я одобряю все, что воодушевит моих людей, – откликнулся он важно. Мысленно Хельмо уже топил его в реке – самая милосердная кара. – Тем более вы ведь сами пожелали почитать эриго знакомством. Расспрашивали, рвались к ним...

– О, правда, правда? – переспросили несколько девушек в сторонке.

– Вы хотели увидеть именно нас?

– Из всей армии – нас?

Хельмо пришлось кивнуть.

– Всю армию я уже видел, а вас нет. – Он даже улыбнулся: так искренне ему мало кто радовался в последние дни.

Еще несколько девушек подобралось ближе. Постепенно они окружали Хельмо, и... в общем, не то чтобы ему это совсем не нравилось. Первая оторопь прошла, и он кое-что подметил. Глядели на него по-разному: кто-то хищно, как

командующая, а кто-то просто весело и игриво; кто-то с томной тоской, будто на далекую звезду, а кто-то и со страхом. И понятно было: не его бояться эти последние. И не чего-то непотребного жаждут прочие. Последний *легкий* вечер. Эти прекрасные создания, как и все по другую сторону леса, пришли, зная, что могут умереть, а пока далека гибель, ловят каждый миг. Хельмо вздохнул. В конце концов, когда еще перецелует столько чудесных девиц? Русалок, может, и нет, а эриго – есть.

– Что ж, хорошо. – Он даже почти совладал с голосом. – Мне неловко, ведь мы еще даже не сражались плечом к плечу, но нам же надо познакомиться... как-то.

Опять зазвенели серебристые смешки. И Хельмо окончательно смирился с судьбой.

Девушки подходили одна за другой; он вглядывался в них. Несмотря на сходный цвет волос, почти неизменные веснушки и бледность, они были очень разными. Вздернутые и прямые носики, пухлые и тонкие губы, гордые и нежные подбородки. Родинки. Шрамы. То выжженные брови, то обмороженная кожа. Хельмо не составляло особого труда запомнить каждую в лицо и по имени; он спрашивал и значения. Все звучали непривычно. «Снежный сокол», «Блик гаснущего пламени», «Метель с тысячей лиц». Каждое имя несло смысл, почти неизменно – пронизанный жаром или холодом. Скольких лбов коснулись губы Хельмо? Он не смог бы сказать и уже пообещал себе ни перед кем не хвастаться. Зато в

память врезалась одна из немногих девушек, которая к нему не подошла.

Волосы ее были красные, как у той, что с выбритым виском, но длиннее, коса до пояса. Глаза голубые, но больше в зелень – грустные, в почти бесцветной россыпи ресниц. Она сидела у шатра, обняв колени, и все смотрела, смотрела в пламя, а на голове ее белел ромашковый венок. В какой-то момент Хельмо сам решился к ней приблизиться, опустился на корточки напротив. Он не знал, почему сделал это, и буквально почувствовал спиной ревнивые взгляды остальных.

– Поцеловать вас? – с запинкой спросил он, и ответный взгляд ударил его в сердце – так отличался от всех, что он успел поймать.

– Благодарю, не нужно. Меня еще недавно было кому целовать. – Но говоря, девушка тепло улыбнулась. Сорвала фиалку, вставила Хельмо в волосы. – Берегите себя. И нас. Я верю, что вы очень хороший командир. И вы не бойтесь... мы бьемся не хуже, чем смеемся.

Глаза сказали другое: «Вижу, тебе непросто. И мне тоже». Хельмо, смущенный еще больше, извинился, скорее поднялся, отступил. Девушку скрыла толпа других, вскоре он забыл о ней: желающих оказалось столько, что «обычай» занял еще минут двадцать. Янгред неожиданно присоединился к нему: поцеловал пару любимец. Они, довольные двойным благословением, нырнули в шатры и вернулись с необычным угощением – желтыми ягодами в белых кристаллах сахара. Это

оказалась морошка, только она кое-где на Пустошах и росла.

— Ну а я Инельхалль. — Раздалось рядом, когда Хельмо отправил в рот третью ягоду. — «Ледяной клинок». Всегда уступаю своим людям лучшее... например право первого поцелуя от белокурого принца. Но и сама не упущу своего.

Это была командующая. Хельмо кивнул, встретившись с ней глазами. Она подалась навстречу и вдруг сама коснулась губами его щеки, затем и второй. Он почувствовал легкий запах цветов и речной воды, холод сухих губ и металл, скрывающий тело. Дыхание снова перехватило. Подумалось: восьмерице, да и прочим людям, сложно будет с этим легионом.

— Как сказала Листелль, наши поцелуи не имеют такого глубинного смысла. Но примите мои в подарок. — Инельхалль отстранилась. — Спасибо, что показались нам, надеюсь, многие дороги мы пройдем вместе.

— Я верю, — неловко произнес Хельмо. — И что государь тоже подарит вам поцелуй...

— Который будет означать, что война не кончена? — Она склонила голову.

— Который благословит вас на счастливое возвращение из нашей столицы.

Она подумала и по-детски, дурашливо, мотнула стриженной головой.

— Он старик? Тогда пусть целует прочих. *Я* предпочту получить прощальный поцелуй от вас, возможно, даже и не в лоб.

Прочие эриго тут же зашептались: одни с неприкрытым восхищением дерзостью своего лидера, другие – явно ревниво.

– Инельхалль, не будь груба, говоря о чужом государе, – вмешался вдруг Янгред. Он уже подошел, опустил руку Хельмо на плечо, принял опять строгий вид. – Нам пора, не стоит пренебрегать отдыхом. Я-то знаю: эти создания могут заманить на целую ночь. Берегитесь их.

Девушки, в большинстве своем снова рассеявшиеся у огня, засмеялись. Инельхалль прищурилась. Хельмо взгляделся в ее лицо и удивился досаде, которая мелькнула там.

– Уводишь его так спешно. И не привел... – она помедлила, – никого другого. Долго будешь вспоминать Бога с той стороны?

Прозвучало не так чтобы недобро, но напряженно, словно гром зарокотал. Хельмо скользнул взглядом по Янгреду, снова по командующей, по шатрам... Десятки пар глаз смотрели в их сторону, шепотки звучали совсем уже невнятные, но обеспокоенные. И, может, поэтому разговор прервали и постарались сделать это предельно безобидно.

– Я лишь руководствуюсь разумом. А ты, нахальный Ледяной Клинок, много о себе думаешь. – Янгред подмигнул лично ей, а потом поклонился всем остальным. – Доброй ночи. Не засиживайтесь. Нужно отсыпаться, пока есть возможность.

Нестройный хор прощаний был ему ответом. Инельхалль

вздохнула. На Янгреда она смотрела неотрывно, все с той же досадой и даже обидой. Хотела, чтобы остался? Или наоборот, внезапно пожалела, что явился? Что-то между ними было, непростое, но Хельмо постарался об этом не думать. Не его дело, пока не вредит кампании. Разберутся, наверное.

– Не засиживайся и ты, Звереныш, тебе понадобится самая ясная голова. – Ее голос стал мягче. «Звереныш». Уже не огнейшество, точно какое-то прозвище. Из прошлого? Это все еще не была ссора, но Хельмо захотелось оказаться подальше. Особенно когда Янгред беззлобно, но как-то усталое ответил:

– Может, еще выплусь в земле. Кому-то на радость.

У костров больше не шептались. Теперь все эриго делали вид, что оглохли. А ледяные глаза Инельхалль посмотрели на Хельмо – бесстрастно, лишь с полунасмешливым вопросом вроде «Он и с вами так?». Но тут же она улыбнулась, опять поворачиваясь к Янгреду.

– Только если врагам. А кто-то, наоборот, очень расстроится.

Эти двое неотрывно смотрели друг на друга. Вокруг них будто застыло время, но наконец Янгред отвернулся – первым – и взялся за еловые ветки.

– Охотно верю, мой Ледяной Клинок. Доброй ночи.

Она присела у костра и положила голову на плечо кому-то из своих подруг.

– Доброй ночи. Доброй ночи и вам, солнечный воевода.

Уходя, Хельмо чувствовал ее изучающий взгляд, но обернуться так и не решился.

6. Яблоки раздора

Они вернулись туда, где разговаривали или уже дремали лишь мужчины и где еле теплились огоньки костров. Красноватое золото дрожало в воздухе, темная трава казалась мокрым полотнищем. Единственными слышными здесь звуками были журчание реки, стрекот кузнечиков и фыркание лошадей. Но русалочий смех все еще, казалось, звенел в ушах.

– Понравились? – нетерпеливо полюбопытствовал Янгред. – У меня к ним особая нежность. Покойная тетка моей матери когда-то ими командовала.

Он быстро вернулся в бесовское настроение – или умело притворялся. Не было похоже, что он тоскует по коротко стриженному офицеру с ледяными глазами, не было похоже, что повторяет в уме обрывки фраз. Станный все-таки, сколько у него лиц, какое настоящее? То строг и надменен, то холоден и едок, то балагурит. Чем, как не мальчишеством, был вечерний визит? Мог бы и сказать, что легион эриго охоч до... обычаев. Надо и другим своим рассказать. Неотесанные лбы вроде Цзуго, они же ошалеют от восторга! Как бы чего не вышло. Ох, Янгред... Везить с собой такую сокровищницу – и молчать! Хельмо укоризненно, даже сердито посмотрел ему в лицо.

– Что? – прозвучало буднично и невинно.

– Вы ведь понимаете, что так было нельзя? – начал Хель-

мо. – Я не был готов к...

– К тому, что они вами прониклись? Что есть у нас и такое? Что... – Янгред вынул что-то у Хельмо из волос. Ту самую фиалку, дар девушки с красной косой, – они не будут прятать глаз, так же как не прячутся от врага? Ваш трофей, прошу.

Он протянул цветок Хельмо. Тот нехотя взял его, вздохнул и опять потер щеку, пытаясь согнать краску. Янгред наблюдал с удовлетворением, не видя за собой никакого прегрешения. Поколебавшись и решив подождать с новыми упреками, Хельмо осторожно спросил то, что почти с самого начала рвалось с языка:

– Скажите, они правда такие хорошие воины, как говорят? Они держатся как...

Он осекся. Продолжить нужно было так, чтобы это не прозвучало оскорблением. Хельмо понимал: вряд ли Янгред взял бы в опасную кампанию... украшение. За всеми этими «хи-хи» и «ха-ха» явно скрывался не один подвох.

– Как кокотки, – ровно подсказал Янгред. – Это вы имеете в виду?

Хельмо пошел вперед, кивнуть он не решился. Слово-то какое мерзкое, занесенное из Цветочных королевств. Янгред догнал его и опять усмехнулся.

– Вижу: это. И – да, они отличные воины. Слово «эриго» значит «боевые подруги». Женский легион сражается так же, как мужские. Но, кстати, не чурается... того, о чем вы, веро-

ятно, подумали. Все-таки все мы люди. Надеюсь, вас это не возмущает.

– Смотря что вы имеете в виду, – напряженно произнес Хельмо.

Янгрэд взгляделся в него и понизил голос.

– Я видел, как одна девушка отказала вам. Что она сказала?

– Ничего. – Хельмо тоже вспомнил грустные глаза и ромашковый венок. – Но я же... – спохватился он, – не обидел ее тем, что полез, нет?

– Нет, нет, что вы! – заверил Янгрэд с легким смешком, но тут же помрачнел. – Это Астиль. «Ясноглазка», так переводится ее имя. Она была с одним из наших солдат, но, к сожалению, перед самой кампанией он погиб. Упал в вулкан, когда добывал воду для матери.

Хельмо вздрогнул. Как и когда говорили о Буме, слишком живо представилась смерть в лаве. В горле стало сухо, а Янгрэд тем временем продолжил, ровно и прохладно, но скорее сочувственно, чем с обидой:

– Не выдумывайте, пожалуйста, ужасов. У нас никто ни с кем не спит за деньги, если мы не берем в расчет жалованье и трофеи. Но у большинства эриго есть в армии любовники. У многих – по несколько. А кто-то и впрямь позволяет себе... проводить время со всеми, кто понравится. И даже друг с другом. Нравы разные, и вам придется это принять.

– Да я принимаю... – пробормотал Хельмо, вспомнив, как

Инельхалль поцеловала одну из подруг в макушку. – Надо еще людям объяснить. Хотя не думаю, что последнее так уж поразит, у нас с *правами*... – от самого опасного воспоминания он сразу отмахнулся, потупился, – все тоже сложно, особенно в высших кругах.

Янгрэд кивнул. Казалось, он захотел что-то спросить, но не решился. Сказал лишь:

– Насчет своих вы правы. Вся эта система связей, межполковые браки и так далее – древний элемент в устройстве нашей армии. Но любого, кто сунется к эриго, приняв ее за шлюху, она вправе убить. В паре кампаний, куда их нанимали, так бывало. Вы поосторожнее.

Хельмо резко остановился. Янгрэд продолжал непринужденно рассуждать:

– Знаю, все это слегка необычно. Но мы такие, какие есть.

– Но все-таки откуда у вас это? – Хельмо обернулся. Из-за елового полога уже не доносилось голосов. – Так много воюющих женщин?

– Это... – Янгрэд помедлил, – несколько особенные женщины. Как они сами иногда говорят, увечные, хотя я такое определение не одобряю. Зато не боятся самых опасных кампаний и горды своей участью.

– Почему увечные-то? – нахмурился Хельмо. Все, кого он видел, казались вполне здоровыми. – Что с ними не так?

Янгрэд пожал плечами:

– Они бесплодны. Этого у нас достаточно, чтобы разо-

рвать брак, и многие мужчины этим пользуются, отказываясь от жен. Огромный позор. Но закон это допускает.

Хельмо невольно скривился. Вот тебе и развитая страна. Янгред продолжил:

– Так что у боевых подруг нет семей. Точнее, легион и есть в каком-то роде семья или, скорее, рыцарский орден. У нас... – он вздохнул, сказал словно бы виновато: – У нас есть некоторое помешательство на детях. Потому что нас, как вы, наверное, поняли, катастрофически мало, и властям это не нравится. Они мечтают возродить нацию. Чтобы детей заводили даже женщины, любящие женщин, и мужчины, любящие мужчин. Хотя бы сироток брали, чтоб не пропадали и вырастали в достойных свергенхаймцев.

В голове Хельмо это все равно плохо укладывалось, он уточнил:

– Бесплодная женщина у вас идет в армию?

– Только если хочет. Но многие идут. Кто воином, кто монахиней...

– Это же дикость! – сдержать возмущение все же не удалось.

– Дикость, – повторил Янгред, ослабившись. – Дикость, Хельмо, то, что наши солдаты, приходя в чужие земли, никого не насилуют, и за этим эриго следят особо? Дикость, что, несмотря на чревомертвие, женщина может добиться чего-то и прославиться? Что, если от тебя отвернулся ублюдок-супруг, если он опозорил тебя, ты остаешься кому-то

нужной? – Он осекся, но глаза его все еще горели. Хельмо закусил губу. Что тут возразишь?

– Да, это звучит хорошо, но все-таки целый легион? – Он все примерял, примерял это на острарскую армию, а оно не примерялось. – Я-то думал, это слухи. Хотя мне, наверное, просто не понять, у нас-то разводы разрешены только знати, и то не всей...

– Несчастные вы существа, – бросил Янгред.

Хельмо только вздохнул.

– Не знаю. Ничего не знаю. Правильно говорят, что в каждом тереме свой тетерев.

– Тете... – озадаченно повторил Янгред. Хельмо махнул рукой.

– Такая толстая шумная птица. А буквально: «У всех свои чудачества».

Они уже стояли у берега и видели в реке свои отражения. Хельмо бросил цветок в воду, по поверхности побежали круги. Посмотрел на Янгреда. Тот снова казался невозмутимым.

– Ладно, скоро вы заметите, что эриго – правда сдерживающая сила, а не наоборот: мужчины ведут себя намного приличнее. В общем, мы любим и бережем боевых подруг, как и наших эллинг – тех глухо одетых женщин, что стирают, готовят и врачуют, вы их видели.

– Они тоже... – Вспомнив безмолвных девушек в красном, Хельмо развернулся к нему. – Вы вообще слышали о воздержании? Да сколько вам надо женщин...

– Нет, – рассмеялся Янгрэд. – В смысле, слышали, и побольше вашего, но я не о том. Эллинг – *алые монахини*, а монахини вне плотских дел. Но вообще-то я удивлен, что вы так впечатлились. Разве в армии Острары нет женщин-воинов? Мне казалось, они много где есть. Я встречал их и в Ойге, и на флотах морских разбойников...

Хельмо медлил с ответом, провожая глазами уплывающую фиалку. У него не было воспоминаний о матери, которые могли бы проснуться от праздного вопроса, не было и вплетенной в память боли. Но то ли темнота ночи, то ли близость стен – *этих стен*, то ли осознание того, что любая из прелестных воительниц завтра может умереть, – что-то заставило его проглотить ненужный кусок правды. Пустое. Нечего о таком откровенничать.

– При прежних государях бывало разное. – Хельмо поднял голову. – Но женщины на время службы были неприкосновенны, покусившегося ждала...

– Казнь?

– Для начала публичное отрубание того, чем покусились. Янгрэд вскинул брови и ухмыльнулся.

– А вы те еще дикари.

– Дикари – вы! – возмутился Хельмо. Впрочем, Янгрэд шутил, и он тоже пошел на мировую: – Ладно, оставим это. Вообще при дяде это не в ходу. Служба женщинам не запрещена, но уже и не почетна. А чтобы как ваши эриго...

Янгрэд на свой манер обнадежил его:

– И ладно. Наши боевые подруги с вами поладят, тем более многие ваши воины приятны внешне. Как набросились на вас, а? Боюсь, не будь меня рядом, они бы...

– Ну хватит. – Хельмо насупился. – Я с вами с ума сойду.

– Лучше со мной, чем без меня, нет? – мгновенно подначили его. – Вместе веселее.

Хельмо строго посмотрел Янгреду в лицо. Тот ответил прямым взглядом, но все равно с искорками смеха. Поняв, что спор иссяк, по новой завел лукавые вопросы:

– Они понравились вам? Ведь понравились?

– Да, – сдался наконец Хельмо. – Замечательный легион.

– Тогда почему же вы на меня злитесь?

– Потому что... – Хельмо присел у воды, зачерпнул ее и плеснул на разгоряченное лицо. – Да потому что не знаю. Могли сказать!

– Я бы и сказал на большом общем смотре. – Присев рядом, Янгрэд тоже умылся и пригладил волосы. – Но кстати, никто не заставляет вас вообще обращать на них неформальное внимание, хотя почему бы и нет? У вас ведь нет супруги?

– Нет, – отрезал Хельмо, и умываться пришлось снова.

– Возлюбленной?

– Нет!

– А может, та красавица из города...

– Нет! – Получилось особенно громко. Хельмо плеснул на лицо в третий раз.

Янгрэд, поняв, что тема неуместна, уступил и зевнул.

– Слава богам, а то она для вас старовата. И еще... я теперь могу в точности сказать, что показал вам *все* значимое, что есть в нашей армии! Можно и ложиться.

– Прекрасно. – Хельмо опять посмотрел ему в лицо и не преминул легонько уколоть: – Осталось лишь увериться, что вы умеете сражаться, а не только задирать носы.

Янгрэд долго и пристально глядел в ответ, потом перевел взгляд на темное небо, дрожащее в прохладной воде. Глаза его потеряли праздное выражение и словно потемнели.

– Скоро. Думаю, скорее, чем кажется.

Что-то с этим предсказанием было не так, но Хельмо слишком устал, чтобы допытываться. Скорее всего, имелось в виду, что выдвинутся они в ближайшие дни и совсем немного пройдут по свободным дорогам. Самозванка могла ждать где угодно или готовить засаду, если ее лазутчиков проворонили или ей кто-то донес. Все было вероятно.

– Не сердитесь? – уточнил вдруг Янгрэд, уже не шутливо, а виновато. Неужели его начало это беспокоить? – Ну правда. Не сердитесь. В следующий раз я просто напою вас нашим вином, без девиц. По девицам пойдем по вашему желанию.

И опять он улыбнулся. Обезоруживающе. Совсем как Тсино, когда о чем-то упрашивал.

– Господи. – Хельмо вздохнул. – Да конечно. Не сержусь. Сам же спросил!

Янгрэд удовлетворенно хмыкнул. Какое-то время они молчали. Хельмо успокаивался, ощущения – смятения, за-

мешательства, нежной кожи иноземок на губах – угасали. Встреча теперь казалась забавной, хотя Хельмо и пообещал себе отплатить Янгреду за выбивающий из колеи подарок. Что-нибудь придумает. Потом, когда... точнее, *если* кампания удастся.

– Кто такой Бог с той стороны? – спросил он, чтобы сменить тему. – Девушки упоминали что-то такое.

Янгред разглядывал самого себя в воде: так и этак наклонял голову, точно ожидая, что в какой-то момент отражение за ним не успеет. Но услышав вопрос, он сразу застыл.

– Наше Святое Семейство – божества Земного огня, им поклоняются все. Ну а тот бог – странник, апокрифический. Бог Небесного огня. Интересно, но... – Он потер веки и поднялся, – многовато легенд для одного дня. Давайте побережем эту, лучше...

Закончить он не успел. А Хельмо не успел понять, что именно не так в его тоне.

– Ваше огнейшество! – раздалось за спинами. – Янгред! Где вас носило?

Хельмо встревоженно обернулся. К ним спешил Хайранг – младший командующий огненных, чертами похожий на лисицу, а длинноногостью – на журавля. Один из самых тихих и спокойных офицеров, тем тревожнее теперь казалось его возбуждение. Но выпрямившийся Янгред шагнул ему навстречу лениво. Судя по виду, он, скорее, недоумевал.

– Что вопишь, дружище? Солдат перебудишь.

– Извините, – сразу смутился тот. От сердца отлегло: значит, вряд ли беда.

– Так что я пропустил? – перешел к делу Янгред. – Есть неожиданности?

Хайранг кивнул и повел рукой куда-то назад. Голос он понизил, но теперь Хельмо явственно слышал там почти детскую радость:

– Обозы! Из города. Вино и фрукты, и еще какие-то подношения. В знак приветствия, если я правильно понимаю. Это же... – Хайранг просительно посмотрел на Хельмо.

– Да, – спешно закивал тот, стараясь скрыть облегчение и надежду. Имшин... славная Имшин, значит, она все же перестала злиться. – Да, это наш обычай. Одаривать союзников лучшим, что у города есть. Ну слава богу, да?

Он глянул на Янгреда, ожидая найти и на его лице воодушевление. Добрый жест, пусть запоздалый, обещал, что все сложится более-менее по плану. Из Инады и окрестностей правда придут люди, союзники наконец увидят, что и в Остраре есть не только неловкие крестьяне, которых придется обучать с нуля. Хельмо улыбнулся, хотел что-то добавить, но наткнулся вдруг на ледяную мрачность. Янгред даже побледнел, глядя куда-то в пустоту.

– Вот как? – процедил он сквозь зубы. – Что ж, нас можно поздравить. Пошли.

Кулаки его сжались; добродушие сменилось оттолкнувшей в минуты знакомства надменностью. Более не говоря,

он пошел от реки прочь. Хайранг поспешил следом, поднялся и Хельмо. Он ничего не понимал. Подумал даже позвать кого-то из своих на всякий случай, но не стал. Какой «всякий»? Разве что Янгреда возмутило то, что привезли вино.

Они быстро достигли края лагеря, где действительно стояло несколько крытых телег, запряженных черными лошадьми. Приглядевшись, Хельмо увидел: по холму поднимаются стрельцы, навверное, привезшие все это. Их впустили. Ворота затворились.

– Они извинились, – пояснил Хайранг. – За то, что держали нас под стенами и что разоружили вас на входе. Были крайне учтивы, не то что прежде. Даже привели пирата, который очень хорошо говорит на нашем языке.

– Пирата... – повторил Янгред. – Как очаровательно.

– Среди них многие, навверное, доплывали до вас, – предположил Хельмо все еще с улыбкой. Он рассматривал синие-белые расписные кувшины с вином, гладкие красные бока яблоч, аккуратные корзины с виноградом и персиками. – Не поскупились. И будто знала, чего у вас в краю нет...

Он осекся: Янгред не слушал. В задумчивости он обходил телеги – одну, вторую, ни к чему не прикасаясь и разве что не принохиваясь. Из ящика, стоявшего в третьей, он все-таки вынул яблоко, оглядел и подбросил на ладони. Лицо было сосредоточенным и – вне сомнения – по-прежнему крайне мрачным. Будто он нашел череп или яйцо змеи.

– Лошадей возьмем, – наконец холодно сказал он. –

Остальное я бы выбросил. Не время для таких рисков.

Пальцы на каждом слове сжимались крепче, точно хотели раздавить яблоко.

– Что, простите? – пробормотал Хайранг. Или Хельмо почудилось? Самому ему тоже показалось, что он ослышался, даже рот открыть получилось с трудом:

– Рисков? Я что-то понимаю... что вам не нравится?

– И я, – теперь уже точно подал голос Хайранг, переминаясь с ноги на ногу, и озвучил незадаанный вопрос Хельмо: – Вы про вино?

– Про него в том числе, его выливаем немедленно. – Янгрэд поморщился, но продолжать не стал. Хельмо почувствовал, как заворочалось в груди раздражение: выглядело все ханжески, иначе не скажешь. Сам недавно обещал «вино без девиц». Значит, за одну-то чашу в этой армии не наказывали?

– Зачем? Можем просто не пить пока, возьмем с собой, – недоумевал Хайранг. – Мне в этом видится, скорее, излишняя щедрость, чем попытка расшатать нашу...

Янгрэд и его не дослушал, зато, поравнявшись, снисходительно приобнял и окликнул, так вкрадчиво и приторно, что Хельмо едва не передернулся. Хайранг был высоким, но рядом с главнокомандующим показался вдруг мальчишкой – может, из-за того, как округлились глаза, может, из-за того, как упали на них прямые волосы. Фамильярность вряд ли ему нравилась, но он лишь тяжело вздохнул: видно, привык

быть мишенью для острот и поучений, привык безоговорочно слушаться, как и прочие. И впервые это показалось не знаком восхитительной дисциплины, а чем-то недобрым.

– *Мне* в этом видится напоминание, что козни лучше строить заранее, – бодро, но желчно заговорил Янгрэд. – Ты правильно принял дары, не стоит открыто ссориться с такой особой, но давай-ка очнемся. Не разочаровывай меня, где же твоя *детская* бдительность?

Странная фраза, странный акцент на предпоследнем слове. Тоже прозвучало недобро.

– Я... – начал Хайранг и все же дернул плечами.

– Стойте, – прервал Хельмо, подступая ближе. Он опять, в который раз за день, не верил ушам. – Козни? Вы в моем присутствии вот так утверждаете, что человек, пользующийся моим доверием и пообещавший армии поддержку, желает вас... – даже произносить это было мерзко, но пришлось, – отравить или что похуже?

Янгрэд выпустил младшего командующего из хватки и плавно повел зажатым в руке яблоком по воздуху. Он не смутился, более того, глянул строго, почти рассерженно.

– Не утверждаю, предполагаю. Но скоро буду уверен.

– А на чем основано ваше предположение? – Видя взгляд Хайранга, Хельмо чувствовал поддержку. Может, поэтому у него пока получалось подбирать слова мирно. – Оно... довольно неожиданно.

– На опыте и наблюдениях, – отрезал Янгрэд. – И – нет,

вы были в городе со мной и, думаю, понимаете, что обстановка там тревожна. Вам не были рады, во всяком случае, не слишком. Нет? – Хельмо не сразу нашелся, не захотел крикнуть душой и выглядеть слепым. Янгрэд в ответе и не нуждался. – Я их понимаю. Вы, так сказать, плохой гонец. Пришли, требуете людей, чтобы их поубивали, и... что делают с плохими гонцами, Хайранг?

– Ну. – Тот явно не обрадовался, что к нему обратились, но послушно изрек: – Отрубают головы.

На лице все еще читалось здоровое сомнение. А вот Янгрэд мрачнел все сильнее.

– Вот именно. Подумайте сами, – снова он обратился к Хельмо. – Разве вам непонятно, почему этот ваш указ не зачитали, а нас не пустили? Все эти отговорки...

– Понятно, – тихо, но твердо возразил Хельмо. Он и не думал, что Янгрэд, со всеми его шутками, все же затаил обиду на негостеприимную Инаду. Это было очень по-детски и... по-иноземному. – В городе траур, многие напуганы.

– Напуганы? – Янгрэд сощурился. – Мне показалось, настроения там иные. В Цветочных землях для такого даже есть слово – сепаратистские.

Тут Хельмо все-таки вспылil, потупился. Это было слишком.

– Так, остановитесь-ка. – Он поджал губы. – Вы можете злиться, имеете право, но Имшин – наш друг и гарант безопасности. Даже если *вдруг*, – это он выделил, – людей она не

даст, то и вредить не станет. – Он даже всплеснул руками. – Подумайте, в чем смысл? Глупость? Месть дяде и мне? Или она, по-вашему, рассудком по...

– Ну-ка ешь, моя хорошая.

Хельмо вскинулся. Янгред, оказывается, снова не слушал – подошел к обозной лошади, погладил ее по морде и сунул в зубы яблоко. Она захрустела угощением, а огненный командующий стал с нездоровым любопытством наблюдать. Хельмо сжал кулак. Казалось, он говорит со стеной. Просто не верилось, что какие-то минут десять назад они шутили и смеялись, как закадычные приятели.

– Прекратите. – Голос предательски дрогнул. Все становилось ровно так, как он еще вчера опасался. – Что вы делаете? Вы слышите меня?..

К нему лишь чуть повернули голову.

– Что именно прекратить? И – да, прекрасно слышу.

Хельмо приблизился в несколько быстрых шагов. Лошадь уже почти доела яблоко, Янгред отряхнул руки и все с тем же надменным видом развернулся.

– Послушайте... – опасливо пролепетал Хайранг непонятно кому. – Давайте все же...

Хельмо было жаль его, но сдерживаться он не собирался. Вспоминалось разом все – клочковатые бороды, «дикари», нелепые вопросы, которые он сам же задавал, вроде «Я вас не раздражаю?». Едва ли Янгред мог бы спросить подобное в ответ. Он-то не сомневался в своей безупречности. Как есть,

принц, только не на того напал. Насчет себя Хельмо простил бы многое, но Имшин...

— Я догадываюсь, что наши земли и люди вас не радуют, где нам до Цветочных королевств, — выдохнул он. — Но я прошу не забывать о простом уважении... — Новая мысль ужалила, он криво улыбнулся. — А то я могу решить, что у вас есть иные основания пренебречь дарами. Вы сыты? Я ведь доподлинно не знаю, сколько городов в округе с вами уже познакомились. И не познакомится ли Инада после ваших распоряжений.

Он знал, что намеки ясны, и не удивился бы, если бы его ударили. Но Янгред лишь снова погладил лошадь. Пальцы не дрогнули, спина оставалась ровной, как и голос:

— Мы ничего у вас не брали. Хотите проверить? Ну давайте, потратьте время.

Стоило отступить. Порядочность союзники уже доказали, да и не напоминали они голодных бродяг. Строить на пустых подозрениях оборону, отвечать ими даже на оскорбительные домыслы было нелепо. Но ничего другого у Хельмо не было, и под ледяным взглядом из-под тяжелых век он упрямо склонил голову. Проедется. Дела все равно есть.

— Хочу. Целая ночь впереди. — Вспомнив, он с расстановкой повторил: — Никому не стоит доверять полностью. Верно?

— Успехов, — пожелал Янгред и как ни в чем не бывало обратился к младшему командующему: — Хайранг, выстави тут

караул. И вели никому ни в коем случае ничего не трогать. Если будут подходить солнечные, гоните их тоже. Особенно... есть у них один такой, ушастый кочевник с хорошим аппетитом.

– Да что вы себе позволяете?! – Окончательно выведенный, Хельмо снова шагнул к Янгреду, но тот уже деловито оглядывал телеги. – Я отменяю этот приказ, Хайранг. Слышите?! Не хотите есть – ваше дело, но...

Он шагнул к младшему командующему, успевшему даже кивнуть. Шагнул без всяких недобрых намерений, но шаг истолковали неверно. Хельмо даже не заметил движения Янгреда, лишь почувствовал предупреждающий холод вскинутого меча, на клинок которого едва не напоролся горлом. Сам Хайранг оружия не достал; будто прирос к месту. Только губы побелели, а глаза опять стали круглыми. Через секунду они, впрочем, зажглись яростью, такой неожиданной, словно под ресницами загорелись огненные звезды. Лицо враз преобразилось.

– Чтоб вам... – начал он, но продолжение утонуло в ледяном ответе Янгреда.

– Поумерьте, пожалуйста, пыл, Хельмо. – Он отступил, но меча не опустил. – Для вашего же блага. Или хотите сразиться со мной за эти гнилые тележки? Можем устроить, проигравший скармливает их *крысам*. В городе.

Этот тон, взгляд, само осознание... Да. Теперь точно. Все началось слишком хорошо, так не бывает, у него – нет. За-

стучало в висках. Какой же он дурак, когда повзрослеет? Детство кончилось; они не уличные мальчишки, играющие с деревянными палками в войну против общего врага из соседней слободы. Друзьями не становятся вот так. Не в один день. И не за звонкую монету, которой один покупает кровь другого. Хельмо ощутил отвратительный жар; к щекам, видимо, прилиwała краска гнева. А напротив стояла ледяная статуя, прекрасно знающая, что говорит и делает.

– Вы наняты, – Хельмо казалось, он взял себя в руки, но когда он заговорил, голос опять предательски задрожал, – не для того, чтобы сражаться против меня.

Янгрэд плавно убрал меч. Хельмо сам уже готов был броситься, но держался. В отрочестве он бывал вспыльчив, давно учился владеть собой. Вот только пока владеть было нечем: внутри стало пусто. Он обессилено зажмурился, а в следующий миг услышал:

– Я знаю. – Тон был уже иным. – Знаю и не хочу. Мне очень жаль.

Глаза пришлось открыть. Янгрэд смотрел странно, словно все понимая. Но вряд ли.

– Что именно?

– Что с вами поступили так неблагодарно.

– Пока... – он знал, что жалит, и делал это осознанно. Выдержки больше не было. – Я вижу неблагодарность только от вас. И начинаю сомневаться, что вы достойны наших земель.

Янгрэд ничего не сказал, но дернулся. Казалось, сейчас

снова вынет меч или ударит кулаком, но рука Хайранга, закованная в перчатку, быстро легла на золоченый наплечник. Вроде бы мягко – а словно пригвоздила к месту.

– Остановись сейчас же. – Младший командующий вдруг заговорил на «ты», четко, без тени прежней растерянности или ярости. Точно успокаивал взбесившееся животное, пусть и своего жожака. – Ты сам сказал, что нам нужно. Очнуться. Всем. Подай пример.

Янгред застыл. Хельмо, избегая смотреть на него, взгляделся в Хайранга, успевшего послать ему мирную, виноватую улыбку. Удивительно. Хитрые черты, выразительные скулы, слегка заостренные зубы... как все это сочеталось с таким спокойствием? И почему пара его слов так резко усмирила Янгреда, прежде категоричного и высокомерного? А главное, почему он только что на пустом месте ринулся защищать этого человека? Что, если...

Хельмо отбросил дикую мысль, криво усмехнулся. Если и так? Какая разница, по кому Янгред вздыхает, по ледяной ли девице или по лису в доспехах? Стало резко противно – от них всех, от себя. И Хельмо сделал единственное, что могло еще предотвратить новые беды.

– С дарами вы вправе поступить как угодно. – На этот раз он тоже чеканил слова и сам слышал в голосе металл. – Но надеюсь, вы понимаете, что не имеете права что-либо приказывать моим солдатам, если они здесь появятся. Даже... – Это резануло особенно, и он едко уточнил: – Будучи, как

я вижу, близким другом *Его Взмеленившегося Огнейшества*. Он защищает вас, но от меня не защитит, если вы забудетесь. Вы в чужих краях. Осторожно.

Хайранг облизнул губы, но глаз не опустил.

– Поверьте, мы верны вам. А недоразумение вскоре...

– Когда я вернусь, – оборвал Хельмо, – мы серьезно поговорим. Думаю, вам придется завтра извиниться перед вдовой наместника Карсо, иначе... – Последнее он обратил уже к Янгреду, точнее, к той маске, которая не сходила с его лица. Ответ был сухим и отчужденным:

– Ваш конь, кажется, под дальним навесом. Счастливого пути. – Янгред наклонился и неспешно выпрямился, еще с одним яблоком в ладони. – Кстати, угостите его на дорогу? Красивые фрукты, совершенно безобидные... правда?

Они стояли так довольно долго – и тяжело смотрели друг другу в глаза. Наконец Хельмо справился с собой: затолкал грубые ответы подальше, глубоко вздохнул и пошел прочь. Яблоко он не взял. Сам не понимал, почему, и это злило только больше.

– Верная мысль, – донеслось в спину.

Хельмо не стал оборачиваться и прибавил шаг. Больше всего он боялся услышать смех.

* * *

Вдова градоправителя не понравилась ему – за минувший

день, невольно возвращаясь к встрече раз за разом, Янгред в этом уверился. Насколько поражала ее красота, настолько же настораживали речи и жесты, сладкие и стылые одновременно. Мелькнула даже подспудная мысль: а сам ли умер ее супруг, на которого Хельмо надеялся?

До последнего Янгред не собирался делиться подозрениями, планировал ждать: придут ополченцы из голубого города – он выдохнет, не придут – поможет Хельмо что-то решить. Как, что? Он не загадывал. Вообще постарался отодвинуть эти мысли подальше и тем более не допускать другую, совсем нехорошую: а ну как каждый город будет встречать так? «Мы тебе, воевода, рады, но людей не дадим – страшно»? Отрешиться почти удалось. Вот только все мысли разом вернулись и расцвелились новыми омерзительными красками, когда появились эти тележки. В глубокой ночи. Ну конечно. И передали их потихоньку, человеку с самым доверчивым лицом, а не главнокомандующему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.